

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫИТ-84

4

АПРЕЛЬ

Рабочий подвиг Ивана Тарасовича Сердюкова:
полвека на тракторе одной марки!

«ДОРОГА НА ПЬЕДЕСТАЛ»

Читайте стр. 28-29

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ·84

Подарок маме

Свердловчане Игорь Малков и Юрий Кашкаров навечно вписали свои имена в историю мирового спорта, завоевав золотые медали XIV зимних Олимпийских игр в Сараево!

Игорь вообще первым из советских конькобежцев стал олимпийским чемпионом на 10-километровке — самой престижной, но и самой трудной у скороходов дистанции.

Он мог победить и в забегах на 5 000 метров, да не знал, что на последней прямой уступает лучшему из стартовавших до него всего две сотых секунды.

В дни сараевских сражений ему исполнилось 19 лет, и, став «золотым», Игорь сразу вспомнил о маме — Анне Трофимовне, крановщице Первоуральского новотрубного завода, у которой день рождения был на следующий день. Он сказал журналистам:

— Моя победа — подарок маме. Ведь это она привела меня, пятилетнего, на лед спортклуба «Уральский трубник»...

Как и Малков, Юрий Кашкаров был дебютантом Олимпийских игр. Тренеры советской олимпийской команды рассчитывали на 20-летнего уральского биатлониста, уже отличившегося на чемпионатах страны и мира. Но старты его в сараевских индивидуальных гонках не получились, — Юрия подвела неточная стрельба. А вот эстафету 4×7,5 км Юрий (он бежал на втором этапе) и его друзья по команде соперникам все же «не отдали», хотя гонка складывалась для них драматически.

Золото и серебро двух уральцев-олимпийцев стали существенным вкладом в копилку сборной страны.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 4 АПРЕЛЬ

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

*Повесть**

Сорокалетию снятия блокады Ленинграда и освобождению земли ленинградской от немецко-фашистских захватчиков посвящается.

**Павел
КОДОЧИГОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

ЭТА ПОВЕСТЬ НАПИСАНА НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ 299-ГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА. В НЕЙ СОХРАНЕНЫ ВСЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ, А ПЕРСОНАЖИ, ЗА РЕДКИМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ВЫСТУПАЮТ ПОД СОБСТВЕННЫМИ ИМЕНАМИ.

И ЭТО НЕ СЛУЧАЙНО. ПАВЕЛ КОДОЧИГОВ — В ПРОШЛОМ КОМАНДИР МИНОМЕТНОГО ВЗВОДА, ОДНОПОЛЧАНИН СВОИХ ГЕРОЕВ. ОН ТВЕРДО УБЕЖДЕН В СИЛЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ЖАНРА. НАСТОЯЩИХ ГЕРОЕВ, ОСОБЕННО ГЕРОЕВ ВОЙНЫ, НЕ НАДО «УКРЫВАТЬ» ЗА ПСЕВДОНИМАМИ, КАК НЕ НАДО ПРИДУМЫВАТЬ СОВЕРШЕННЫЕ ИМИ ПОДВИГИ. И АВТОР НЕ ОТСТУПАЕТ ОТ ЭТОГО ПРАВИЛА. ИМ БЫЛА НАПИСАНА ПОВЕСТЬ «ЗДРАВСТВУЙ, МАРТА!» — О НОВГОРОДСКОЙ КОМСОМОЛКЕ, ПОДПОЛЬЩИЦЕ МАРТЕ ЛАУБЕ, ЕЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И СМЕРТИ, КНИГИ «КАК ТЫ ЖИВА ОСТАЛАСЬ, МАМА?» — О КОМСОМОЛКАХ УРАЛА, ДОБРОВОЛЬНО УШЕДШИХ НА ЗАЩИТУ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА, И «ВСЕ РАДОСТИ ЖИЗНИ» — О СЛЕПОМ АДВОКАТЕ А. М. КАМАЕВЕ, ЧЬЯ ЖИЗНЬ, КАК И ЖИЗНЬ МАРТЫ ЛАУБЕ, СТАЛА ПРИМЕРОМ ДЛЯ МНОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

* Печатается с сокращениями.

Звездная моя земля, Россия,
Огненным политая дождем!
Ты их на руках своих носила,
Ты их посылала напролом —
Сыновей своих, любимых, кровных,
Может быть, единственных, туда,
Где на дзотах в шесть накатов бревна,
Проволока густо в три ряда...

Сергей ОРЛОВ
1945 год.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I.

Задание показалось легким: проверить, нет ли противника на хуторе, что значился на карте километрах в полутора от гравийки.

— Сумеете взять пленного, тащите, а специально не гоняйтесь. Время для выполнения — час, — предупредил начальник штаба полка капитан Цыцеров, скользнув взглядом по осунувшемуся лицу лейтенанта Шарапова, сбитой набок пилотке, из-под которой торчали по-мальчишески оттопыренные уши, и посочувствовал: — Знаю, что всю ночь вас гонял, но и полк поставить под удар не могу. Иди давай — после войны отоспитесь.

Они были назначены на свои должности почти одновременно. Шарапов на глазах Цыцорова из несмышлёныша превратился в опытного офицера, и начальник штаба был уверен, что его приказ будет выполнен в срок, а потом он, может быть, сумеет выкроить пару часов для отдыха разведчиков.

Чтобы сэкономить время, больше половины пути бежали. Метрах в пятистах от хутора перешли на шаг, проверили на ремнях гранаты, пальцы привычно легли на спусковые крючки автоматов. И тут Шарапову показалось, что за ними следят. Это ощущение не было новым. Все вокруг мирно, никто по тебе не строчит, но что там, в домах и за ними, один бог знает, и потому каждый раз идешь в неизвестность, глаза отыскивают и запоминают все неровности: в случае чего спасение за этим вон бугорком, в той вон ямке.

Сотни километров прошли за зиму и лето разведчики в боевом охранении полка: двое дозорных впереди, столько же по бокам, ядро взвода или от-

деления сзади, и, чтобы риск был равный, через два часа смена.

Пока бежали, такой порядок и сохраняли. Теперь рассыпались в цепь, всматривались в черные окна чердаков, сверлили глазами темные, без занавесок, окна.

Не нравятся командиру взвода сумрачные дома, вытянутая языком к ним поляна. Еще больше не внушает доверия окружающий хутор густой ельник. В домах и сараях роту упрятать можно, в лесу — целый полк.

Тихо на поляне, мертво, и бьет эта тишина по нервам, стучит в висках взбудораженная близкой опасностью кровь. Ребята тоже идут настороженно, тянут шаг, беспокойно оглядываются по сторонам. Еще держится ночная прохлада, в воздухе ни пыли, ни гари. Босиком бы сейчас по травке, чтобы ноги отдохнули от сопревших портянок и кирзы. Пройдешься тут! «Легкое задание», чувствовал лейтенант, начинало осложняться, как бывало не однажды.

До хутора метров сто. Лейтенант резко поднял руку, бросился на землю и дал короткую, якобы прицельную очередь. Распластались разведчики, тоже обстреляли хутор.

Он на огонь не отозвался.

Шарапов снова нажал на спусковой крючок, на этот раз подольше. Прослушал очереди ребят.

Хутор молчал.

Подавая сигнал, значение которого хорошо знали и немцы, Шарапов хотел ввести в заблуждение прежде всего их — не выдержат, откроют огонь, почувствовали себя обнаруженными. Не открыли. Пуст хутор, или там тоже не дурачки засели?

Шел десятый час ясного августовского дня. В траве резвились кузнечики, порхали капустницы. Стрекоза примостилась на бинокле и не хотела улетать. Шарапов рассматривал дом за домом, сады, изгороди, но ничто не выдавало присутствия человека.

Лейтенант поднялся и пошел к домам. Он не сводил с них глаз и в то же время замечал все, что делается справа и слева от него, выгался и не мог избавиться от мысли, что давно посажен на мушку и до смерти не «четыре шага», как поется, а четыре вершка. Угрюмые дома, высокие, с крутыми крышами, сарай равнодушно наблюдали за приближением растянутой цепочки разведчиков.

Оставалось каких-то полсотни метров. Самая подходящая дистанция для прицельного огня из автоматов. Шарапов окинул взглядом ребят. Их лица были сумрачными. Один Капитоненко улыбнулся ему и помахал рукой — не беспокойся, лейтенант, все будет хорошо. Родные Капитоненко были в оккупации, и он совсем недавно узнал, что остались живы. С тех пор человека словно подменили: все смеялся и напевал Капитоненко, все тихо улыбался чему-то и писал домой письма. И теперь шел рослый, сильный, широко развернув плечи, будто знал, что огня не будет.

Хутор был покинут жителями. Они ушли без спешки, но двери домов, подвалов и хозяйственных

построек оставили незакрытыми и этим как бы безмолвно просили: заходите кому надо, живите, но ничего не ломайте. Мы вернемся.

— Культурный народ, предусмотрительный. Отсилятся где-нибудь в тихой заводи и назад оглобли повернут,— не то похвалил, не то осудил хозяев Капитоненко. Остальные неопределенно хмыкнули и покосились на просторные, для себя рубленные хоромы. Не привыкли еще к Латвии, ее быту и поведению местного населения.

Окурки немецких сигарет у колодца, свежие следы сапог с тридцатью двумя гранеными шляпками гвоздей свидетельствовали о недавнем пребывании на хуторе фрицев. Знать бы еще, далеко ли ушли и надолго ли, да спросить не у кого.

Как и предполагал лейтенант, за домами была низинка, и немцы скорее всего отошли лишь при приближении разведчиков. И снова вопрос: кто они, отставшая от своих небольшая группа или организованная боевая часть?

...Неделю назад разведчикам приказали установить связь с соседями. Помощник командира взвода старшина Спасских пошел с одной группой на правый фланг, а он, Полуэкт, на левый. Прошли с километр лесом, оказались на большой поляне со свежими копешками сена, и в это время на полк налетели «юнкерсы». Первый бомбардировщик, как им показалось, сбитый, падал прямо на разведчиков. Разбежаться было поздно, бросились на землю без всякой надежды когда-нибудь подняться. Огнедышащий смерч втянул в себя и потащил, руки намертво вцепились в траву и в землю. Но самолет не был сбит, они волею случая оказались в месте выхода его из пике. Следующие «юнкерсы» бойцы встречали лежа на спине и остервенело били по ним и попадали, наконец, но вся девятка бомбардировщиков благополучно миновала неожиданный для нее огневой рубеж и ушла на новый заход, на этот раз со стороны солнца.

Поднялись, а поляна пустая, копешки с нее точно корова языком слизнула, и в дисках, даже запасных, патронов почти не осталось. Обойдется, поди, не с врагом предстояла встреча, а со своими. Пошли дальше. Вблизи опушки поперек дальнего конца поля не таясь прошла группа солдат и скрылась в лесу, где должна быть дорога. Один задержался и, похоже, поджидал их. Свои, конечно, вот и связного оставили и прошли открыто, но что-то насторожило тогда Шарапова. На всякий случай послал вперед двоих, с остальными задержался. И вовремя: «связой» вдруг настильно, по направлению к разведчикам, пустил красную ракету, и десятки очередей справа, от дороги, и слева, от леса, прижали к земле.

Интересная картина получилась: им нечем было стрелять, а немцы решили, что в этом кроется какой-то маневр, и, соединившись, стали спешно отходить, даже раненого не подобрали. От него узнали, что столкнулись с немецкой разведкой, которая ходила в наш тыл.

Ценнейшего пленного тогда привели, а теперь...

Предчувствие беды, уверенность, что враг близко, не покидали лейтенанта.

— Костя,— позвал к себе лейтенант разведчика Скубу,— пройди с кем-нибудь в открытую, можете даже «подрасться» у леса на виду.

— Есть, командир! Шиканова возьму — мне ему давно морду набить хочется,— повеселел заскучавший от безделья Скуба.

— Еще посмотрим, кто кому,— угрюмо отозвался Шиканов. У него болел зуб, и он с утра был не в духе.

— Валийте, но смотрите, чтобы не подцепили.

— Как-нибудь, лейтенант.

Скуба и Шиканов вдоволь побродили по хутору, во время «драки» из-за какой-то тряпки разом упали и прочесали из автоматов начало уходящей в лес дороги.

— Что там? — обрадованно крикнул Шарапов, высовываясь из чердачного окна.

Скуба поднялся, безнадежно махнул рукой:

— На поклевку хотели выманить, да пустой номер.

— Были бы, отозвались: когда двое дерутся, у третьего всегда руки чешутся,— поддержал Скубу Бербиц.— Нам какое задание давали? Установить, есть ли на хуторе противник. Его нет. А в лесу? Так лес, может, до самого моря тянется.

Бербиц был прав. Задание можно считать выполненным, но Шарапов мешала принять решение об отходе неизвестность. Уйдешь, а немцы через час-другой полезут из леса, ударят во фланг или тыл. Как ни крути, а лес проверить надо. Всем идти не следует, лучше небольшой группой.

Заглядывать в лес разведчикам не хотелось. Лейтенанту — тоже, и, предупреждая возможные возражения, он объявил приказ:

— Будем проверять! Со мной пойдут Скуба и Капитоненко.

Он решил взять с собой этих разведчиков, зная, что они любят работать вместе и хорошо дополняют друг друга. На скуластом, обожженном солнцем лице Скубы заходили тяжелые желваки, у Капитоненко потемнели оспины, но больше они ничем своего недовольствия не выдали.

Трое проверили оружие, спустились с чердака и разошлись, чтобы не попасть под одну очередь. Левым шел Капитоненко, правым — Скуба, Шарапов придерживался дороги. Он мог поклясться, что лес занят противником, но что стоила эта клятва до первого выстрела. Интуиция, он давно убедился в этом, оправдывается часто, но истиной не считается. Надо идти. Возвращение в полк возможно лишь после того, как их обстреляют.

От домов взгорок спускался к лесу полого, ровным и чистым полем. Ни кустика на нем, ни деревца, лишь высокая трава у опушки. Всех троих отлично видно. Автоматы наготове, на лес направлены еще десять стволов, но надежды на это мало. С чердаков ребятам придется стрелять на звук, по троице станут бить прицельно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

Шарапов взглянул на часы и прибавил шаг. До леса оставалось шестьдесят метров... Пятьдесят...

Скуба поднял руку. Он ее еще поднимал, когда с опушки оглушительно загрохотал немецкий «МГ-34», отличный пулемет, легкий, с заменяющимися стволами и лентами, которые можно присоединять одну к другой без конца. Пулеметчик повел стволом справа налево. Первым, словно от удара, дернулся Скуба. Шарапова спас автомат. Пуля попала в диск и едва не выбила ППШ из рук. Изображая убитого, он рухнул на землю и ящерницей отполз в старую, заросшую травой яму. На Капитоненко очередь задержалась и поднялась к домам, откуда прошивали лес автоматы разведчиков.

— Я ранен! — крикнул Скуба и побежал к хутору с повисшей плетью рукой.

Пулемет начал бить по нему, потом снова сек траву над самой головой. Стреляли по Капитоненко. Лейтенант помог разведчику добраться до ямки, укрыл в ней почти всего Капитоненко, не вместились только его длинные ноги. Пока укладывал, осмотрел раны. Одна пуля попала в голову, еще три прошли спину и руку. «Не жилец!» — с тоской подумал лейтенант и не ошибся. Струйка крови полилась из открытого рта, захрипел Капитоненко, задержался в конвульсиях и стих.

Шарапов сменил диск, но стрелять не стал. «Пусть немцы думают, что перебили всех. Так будет лучше», — решил он.

Перестрелка пошла на убыль и стихла. Добежал Скуба или добила? Добежал. Прикрывать стало некого, и ребята прекратили огонь. Они давно сработались друг с другом, и языки развязывались лишь на отдыхе. В деле обходились без слов, часто без команд, все понимая по выражению глаз, мимолетному движению бровей, по тому, кто как идет, лежит, стреляет и многим другим только им понятным приметам поведения каждого. Лейтенант был уверен и в другом: Скубу немедленно доставят в полк, а Цыцерову передадут донесение о встрече с противником. Задание можно считать выполненным...

Пока гремели выстрелы, он чувствовал себя в безопасности, теперь же забеспокоился: трава у опушки высокая, немцы могут подобраться незаметно для ребят. Ну что ж, пусть ползут. У него два автомата и три диска к ним, четыре гранаты, наган, нож, здоровые руки и ноги. Пока суд да дело, стал разгибать усики чек. Левая рука будет занята, так выщипит зубами.

Ветер откуда-то прорвался. Трава заходила волнами. Попробуй разгляди, где она клонится от ветра, а где ее раздвигает рука человека.

Что-то хрустнуло в лесу, будто на сучок наступили. Если полезли на дерево, придется сшибать. Откроют огонь ребята, под шумок можно и ему выстрелить. Шарапов перевел автомат на стрельбу одиночными и лег так, чтобы его приняли за мертвого, сам же он мог хорошо слышать и следить за вершинами деревьев...

Командиром взвода пешей разведки Полуэкта Шарапова назначили во второй половине октября сорок третьего года, когда ему не было и девятнадцати. Вызвали вдруг с передовой к новому командиру полка подполковнику Ермишеву, все за полчаса и решилось. Предложение о новом назначении было, однако, до того неожиданным, что Полуэкт растерялся и переспросил:

— Меня? Командиром взвода разведки?

— Вас, вас, — подтвердил Ермишев, продолжая прощупывать низкорослого и тщедушного Шарапова черными пронизывающими глазами.

Новое назначение польстило, но не обрадовало. На разведчиков Полуэкт посмотрелся, пока был в резерве и жил на КП полка. Держались они независимо, обособленной и привилегированной кучкой. Тайносно уходила на передовую в пятнистых маскировочных костюмах, с автоматами наперевес и гранатами на поясах, какой-то особой валкой походкой и также тайносно возвращались. Слова цедили сквозь зубы и посматривали на всех свысока. Знал Шарапов и другое: за два месяца, что полк принял новую оборону, разведчики не могли взять «языка». Чтобы добыть его все-таки, бывший командир полка был вынужден создать разведгруппу из офицеров-добровольцев, только успевших прибыть на фронт после окончания училищ.

Ту, едва не ставшую для него последней, ночь Шарапов помнил хорошо. Они встретили немцев на нейтральной полосе и, забыв о совместных действиях, погнались каждый за «своим». Шарапов дал очередь выше головы немца, чтобы тот бросился на землю, однако немец больше боялся плена и побежал еще быстрее. Расстояние между ними сокращалось, но еще стремительнее приближалась вражеская траншея. Шарапов остановился, вздернул ствол автомата и надолго задержал палец на спусковом крючке.

Немец рухнул мертвым. Не своя глаз с вражеской траншеи, начал обыскивать. Пальцы дрожали и не гнулись, бумажник немца не лез в карман. Рванул ворот гимнастерки и забросил бумажник за пазуху, карабин — за спину и помчался обратно. И уже миновал половину пути до берега, уже увидел полоску реки, как заметил бегущего навстречу. Думал, что кто-то из своих, а он оказался немцем. На этот раз направил ствол автомата точно на ноги, а выстрела не получилось — расстрелял все патроны. В лицо полыхнуло пламя пистолетного выстрела, пуля содрала у виска лоскут кожи. Второй выстрел мог быть точнее, да спас Акимов, выбив у немца пистолет и свалив того с ног.

— Кля-а-ап! Кля-а-ап! — потребовал Акимов.

Шарапов выхватил индивидуальный пакет, бросился на немца. Тот сжал зубы, мотал головой, засунуть пакет в рот не удавалось.

— Жи-вот! — глухо промывчал Акимов.

«Правильно! Учили же!» Давнул немцу коленом на живот, и кляп оказался на месте. Но и это не успокоило фрица. Он линался, рычал, пытался вырваться до тех пор, пока Акимов не дал ему под дых. Они потащили пленного к реке.

Перевязывать было некогда. Кровь, сколько ее ни смахивал, заливала глаза, мешала видеть. На берегу едва не упал, споткнувшись о чьи-то ноги. Вгляделся — немец?! Рядом лежал еще один.

— Мертвяки. Перестарались ребята, — махнул рукой Акимов.

А их был живой. Его снесли в лодку, привалили трупами, чтобы уберечь от осколков и пуль. Можно было и отчаливать, но не пришли еще двое dobroлцев.

— Детский сад! Разбежались, как бараны. Кто их видел? — бешено оглядел всех командир разведгруппы капитан Лауров.

— Влево они, кажется, убежали.

— «Кажется!» Акимов, бери сапера и ищи. Остальным рассредоточиться и занять оборону.

Вот тебе и гром среди ясного неба! Оставалось Волхов перемахнуть, уже живыми себя почувствовали, а теперь бабушка надвое сказала. Кляня потерявшихся, залегли, приготовились к худшему.

Луна — когда только успела! — в полнеба поднялась, светит издевательски ярко. Вода в реке не всплеснет, словно застыла. Обе стороны затихли и выжидают. Долго это не продлится, придут в себя немцы, притащат пару пулеметов на берег — тут всем и остаться.

Вечность прошла, пока вернулся Акимов.

— Нашли. Идут!

— В лодку! Быстро! — приказал Лауров. — Все теперь?

— Все! Все!

Поплыли. Повеселевший капитан просигналил на свой берег трофейным фонариком: три зеленых — взяли, три красных — прикройте отход. Десятки пулеметов тут же вцепились в амбразуры фашистских дзотов, зачастили наведенные на прямую наводку «сорокапятки», загавкали мины, накрывая траншеи и ослепляя дзоты. Ощетинилась и вражеская оборона. Закипела вода в реке от мин и снарядов, небо высветили ракеты. Закачалась на волнах лодка, зарыскала из стороны в сторону, уходя от близких разрывов, неслась к своему берегу.

На середине реки вдруг обеспокоенно заерзал, выглядывая кого-то, Лауров и, не найдя, спросил:

— Сапер, где твой напарник?

— Убит он, — живо откликнулся Белоусов. — Немцы как полоснули из автомата, так всего и изрешетили. Две пули в голову и...

— Не таракhti! — перебил его капитан. — Где он сейчас?

— Да в лодке, где ж ему быть. Вот он лежит, — Белоусов нагнулся к трупам, пошарил рукой, и голос его удивленно дрогнул: — Оба немцы?! — Верить

в это Белоусову не хотелось, он снова нагнулся и распрямлялся медленно, словно с тяжелым грузом на спине. — Я думал, тут Николаев лежит, а выходит он на нейтралке остался. Как же так?

— Тебя надо спросить об этом. Те-бя-а! — закричал капитан.

Сколько человек ушло в разведку, столько и должно вернуться. Живые несут мертвых. Это знали все и понимали, что случилось непоправимое. Лодка замедлила ход, остановилась, ее потащило по течению.

— Что встали? Вперед! — крикнул Лауров и тут же спросил ломким голосом: — Кто может подтвердить, что Николаев убит?

Разведчики молчали. Они этого не видели. Саперы ползли впереди. Николаев заметил немцев первым, подал голос, раздалась автоматная очередь. Разведчики бросились на вражеских солдат, погнались за ними и забыли о саперах.

— Ты почему не вытащил товарища? — снова набросился капитан на Белоусова.

— Так все вперед, и я тоже. А потом...

Лауров обхватил голову руками и сидел так, покачиваясь из стороны в сторону, пока лодка не вошла в заливчик. На ее дне лежал живой унтер-офицер 1-й авиаполевой немецкой дивизии, разведчики привезли солдатские книжки, трофейное оружие, их едва не на руках выносили из лодки, а они прятали глаза и вздыхали. Лауров тяжело поднимался на берег для доклада:

— Товарищ подполковник, ваше приказание выполнено. «Язык» взят, — перевел дух и продолжал: — На нейтральной полосе остался труп сапера Николаева. Легко ранен младший лейтенант Шараров... — И умолк, натолкнувшись на сузившиеся глаза командира полка.

— Раз оставлен, так должен быть и доставлен. Отправляйтесь назад, капитан, и не советую вам возвращаться без Николаева. Дайте ему пяток настоящих разведчиков, — сказал подполковник начальнику штаба и снова вцепился долгим взглядом в Лаурова: — Вы уверены, что сапер убит?

— Так доложил его напарник.

— Не уве-ре-ны! Так какого черта?.. До десяти считать не научились, капитан?

Видеть и слышать Лаурова командир полка был не в силах. Круто повернувшись, пошел прочь.

2.

Часового у землянки разведчиков не было. Шараров распахнул дверь и замер на пороге — так резко ударило в нос запахом сушившихся портянок, пота, махорки и еще чего-то застарелого и кислого. Задержал на секунду дыхание и шагнул дальше. Деланно-громким от волнения голосом поздоровался: — Здравствуйте, товарищи разведчики!

Коптящий в гильзе фитиль выхватил из темноты лежащие на нарах фигуры. Разведчики не спали, но никто не поднялся и только один отозвался на при-

ветствие, продолжая покачивать задранный вверх ногой:

— Здравствуйте, если не шутите.

— Не шучу.

— По какому вопросу, если не секрет, пожаловали? — нога все еще была задрана вверх и продолжала покоиться на колене.

В училище кто-нибудь позволил бы себе так разговаривать с офицером. Ответил сдержанно, не повышая голоса.

— Младший лейтенант Шарапов. Назначен к вам командиром взвода.

На нарах зашевелились. Десятки глаз словно приклеились, разочарованно оглядывая с головы до ног щуплую фигуру нового взводного, его обыкновенную, не комсоставскую, шинель, солдатский ремень, растоптанные кирзовые сапоги. Задранная нога опустилась, ее хозяин поднялся, пригнул голову, чтобы не удариться о потолок, и, возвышаясь над Шараповым, вздохнул:

— Это плохо, что вы младший лейтенант. Произносить долго и трудно, и раньше у нас всегда лейтенантики были.

— Ваша фамилия, сержант?

— Гаранин. А что?

— Надо же знать, кто со мной разговаривает.

— А-а-а... Вопрос можно, товарищ... младший лейтенант?

— Можно.

— Вы хоть одного живого немца видели?

Сержант вел себя так, как обычно ведут ребята с других улиц, стараясь раззадорить, вызвать на драку и отлупить. Прием знакомый, и Шарапов знал, что отпор надо давать сразу.

— Разрешите присесть... сержант? Так вот, если помните, «языка» взяли не вы, а офицерская разведка. Я в ней участвовал и живых немцев видел. Мертвых — тоже.

— Фью! На нейтралке-то? Вам просто повезло. По вам даже не стреляли, а вы почему-то убитого сапера у немцев оставили. Нас потом две ночи за ним гоняли.

— Так уж получилось, — не нашелся на лучший ответ Полуэкт.

— А если бы из траншеи, дзота пришлось брать, тогда бы что получилось?

— Взяли бы и из траншеи, или полегли бы там, — начал закипать Полуэкт.

— Полечь дело нехитрое, а...

— Подожди, Гаранин! — перебил сержанта чей-то рассерженный голос. — Надо серьезно поговорить, а у тебя все шуточки. Вы не обижайтесь, товарищ младший лейтенант, но у нас столько перебивало... Вы из «сучка» хоть умеете стрелять?

— Из какого сучка?

— Наган мы так называем.

— Приходилось.

— Может, попробуем?

— Если патроны есть.

— Нам дают.

До поляны шли вместе и в то же время разрозненно. Шарапов с помощником командира взвода старшиной Спасских — он появился, когда выходили из землянки — впереди, разведчики сзади.

— По какой цели стрелять будем? — спросил Полуэкт, когда пришли на место.

— А вон ту консервную банку видите? В нее и бейте, — ответил Гаранин.

Банка валялась далеко и попасть в нее было трудно, но Полуэкт не стал спорить:

— В банку так в банку. Начинайте, сержант.

Гаранин хмыкнул, а разведчики запротестовали:

— Ближе надо ставить. Чего зря патроны жечь.

Гаранин ругнулся, вбил банку каблуком в бугор, всадил в нее три пули и вопросительно посмотрел на Шарапова.

Полуэкт сделал вид, что не заметил этого взгляда и предложил крепышу с выбивающейся из-под пилотки черной челочкой:

— Теперь вы постреляйте.

— Командир первого отделения. Сержант Бахтин, — назвал тот себя.

— Один человек «Строевой устав» знает, — улыбнулся Шарапов. — А то приглядываюсь, все сержанты, старшие сержанты, старшины даже, а дисциплина... Начинайте, Бахтин.

Бахтин тоже не сделал ни одного промаха.

— Теперь сами постреляете, или еще кого-нибудь проверять будете? — не вытерпел Гаранин.

Полуэкт взял наган, покрутил барабан, прицеливаясь, неумело поводил стволом и опустил его. Раздались смешки. Он тоже улыбнулся и, мигом обретя стойку и твердую руку, начал всаживать в банку пулю за пулей.

— Еще?

— Хватит, убедились, — ответили разведчики.

— Кто заметил, какой прием я использовал? — Показал, как вместе с рукояткой у него был прихвачен рукав гимнастерки.

— Ну и что из этого?

— Попробуйте.

— Правда, удобнее! Будто с упора. Кто научил, товарищ младший лейтенант?

— Взводный в училище. Может, из винтовки постреляем?

— Нам из этой дуры ни к чему, — возразил Гаранин. — Мы вот так!

Высокий, жилистый, со все еще недружелюбными глазами, он вскинул автомат и в мгновение ока дал три очереди: вправо — стоя, прямо — в падении и влево — после немислимого кувырка через голову, оказавшись в заранее присмотренной яме, из которой можно вести прицельный огонь безопасно для себя.

— Так не умею, — восхитился Полуэкт. — Научите?

— Само собой, — охотно отозвались разведчики.

— Будем считать, что проверка закончена?

— Это мы так. Извините.

— Я тоже «пока так», — пообещал Полуэкт. — Из винтовки вы стрелять не захотели. Вам это «ни к

чему». Не уверен, но пусть будет так, а рукопашный бой должны знать. Кто первый? Гаранин?

Раззадоренные разведчики один за другим «выбывали из строя», а ему не могли нанести ни одного удара. С Бахтиным лишь пришлось повозиться. Хитер был этот паренек, напорист и реактивен, но и он получил свое.

— Достаточно,— сказал Шарапов, повернулся к Спасских и уже другим, командирским, голосом: — Я к ПНШ-2. Вернусь через час. В землянке к этому времени прибраться. Дневальных назначать ежедневно.

— Есть! — козырнул старшина.

— А с ним не заскучаешь,— протянул Гаранин, глядя вслед новому взводному.

— Ничего парнишка. Шустрый. Кому как, а мне понравился,— сказал Вашлаев.

— Еще бы! В консервную банку пять раз влил. Посмотрим, как в деле себя покажет...

— Вот что, ребята,— вмешался старшина Спасских,— поволынили, испытали, и хватит. А ты,— из-под черных бровей взглянул на Гаранина,— иди дневалить. Там и пары выпустишь.

К возвращению командира взвода в землянке царил порядок, а ему было приготовлено самое удобное место, в правом дальнем углу у печки. При первом появлении у разведчиков Полуэкт не раздевался. Теперь, почувствовав себя дома, скинул шинель, и на его гимнастерке сверкнула медаль. Чего-чего, а этого не ожидали. Косились на нее — какая? А разглядев, удивились еще больше: надо же — «За отвагу»!

К Полуэкту тут же подсел пожилой разведчик Вашлаев, спросил для начала, кем он командовал ранее.

— В училище отделением, а в полку еще не пришлось,— смущаясь, ответил Шарапов.— Два месяца был в резерве, потом наблюдателем в четвертой роте.

— Американским? — подковырнул Гаранин.

— Да подожди ты, дай поговорить с человеком,— отмахнулся от него Вашлаев и задал главный вопрос, ради которого и разговор начал: — Тогда медаль, извините, за что же успели получить?

— За уничтожение двадцати двух фашистов. Из винтовки, которую сержант Гаранин «дурой» обзывает.

— Так вы снайпер? — присвистнул Вашлаев.— А мы вас на стрельбе хотели завалить. И что же, по вам, поди, тоже стреляли?

— Было дело,— подтвердил Полуэкт и, поверив, что его судьбой интересуются по-хорошему, рассказал о своем поединке с немецким снайпером.

...Он пристрастился к охоте на немцев, когда был наблюдателем. Ротный снайпер старшина Климанский увлек: «Чего на фрицев напрасно глаза пялить да их появление в журнальчик записывать. Увидели и — бейте». Он убил первых пятерых, и на немецкой обороне появился свой снайпер. В роте сразу возросли

потери. Солдаты заволновались: «Жили спокойно, так растравили. Рой сейчас носом землю, жди каждую минуту своей пули!» Вражеский снайпер был хитер и опытен. На ловушки не поддавался, бил без промаха, и обнаружить его не удавалось: он или менял каждый день позиции, или имел одну, отлично замаскированную, а его помощники путали карты, после каждого выстрела снайпера открывая стрельбу едва ли не по всей обороне. Климанский спешно подготовил еще десять хороших стрелков, каждому отвел по узенькой полосе и предупредил, чтобы ни на какие цели не отвлекались, стреляли только по снайперу.

В первый день его засечь не смогли. К вечеру второго дня распогодилось и еще больше похолодало. Сырая плащ-накидка не грела, руки коченели, в сапогах хлюпала вода.

Полуэкт опустил бинокль и засмотрелся на Волхов. Вода в реке отдавала синеватым отливом, вдоль дальнего берега плыло бревно. Бугор глины на глаза попался. Что-то хотели строить, выкопали яму, да война, видно, помешала, а может, фрицы что ковыряли. Отвлекся на минуту и не заметил, как навалился на приклад винтовки, как подался ее ствол вперед и блеснул в лучах заходящего солнца. У уха тут же взвизгнула пуля. Отпрянул от амбразуры, затаился. Передний край обороны противника в таком положении не просматривался, лишь кусочек нейтральной полосы, и на ней, в тени, отбрасываемой от бугра солнцем, парило едва заметное белое облачко. «Бездымный порох в сырую и холодную погоду, ввиду разницы температур, тоже бывает заметен», — учил Климанский.

Так вот где снайпер! У самого берега! Потому и не могли обнаружить!

Поставил прицел на шестьсот метров. Укрыв за стенкой окопа левое плечо, прильнул к окуляру, обостренным зрением увидел наверху бугра выемку, голлову снайпера в ней, вымазанную глиной каску. Вздохнул поглубже, перекрестие прицела выровнял, а воздуха не хватает, сердце где-то под горлом колотится.

Нажать на спусковой крючок не успел. Вторая пуля снайпера попала в ложе винтовки, вспорола основание большого пальца, выше локтя впиалась вырванная из приклада щепка.

Снова посадил соперника на перекрестие. «Ну не тяни! Убьет же! — подгонял себя. Другой голос сдерживал: — Не торопись. Надо наверняка, чтобы не спрятался... Затаить дыхание, хорошо прицелиться...»

Третья пуля обожгла правый висок, хлынула кровь.

На немецкой стороне поняли, что с их снайпером что-то неладное — сделал подряд три выстрела! Вразнобой защелкали винтовки, застрочили пулеметы. Наши стали отвечать.

А к Шарапову вдруг пришло спокойствие. Цель взяла быстро, плавно нажал на спусковой крючок и поверил, что выстрел будет удачным. опередить противника не удалось и на этот раз: четвертая пуля про-

свистела рядом, ткнулась позади во что-то твердое и с подвыванием ушла в небо.

Выпавшая из рук фрица винтовка сползла вниз, тело от удара подалось назад, и на вершине бугра четко обозначилась выемка. По привычке доводить начатое дело до конца и для верности он всадил в снайпера еще две пули и опустил на ящик из-под гранат, на котором простоял весь этот длинный день. Посидел так в крайнем изнеможении, достал индивидуальный пакет и стал бинтовать сначала голову, а потом и руку...

— Какой же это снайпер, если четыре раза мазал? — не поверил Гаранин.

— До этого убивал с первого выстрела, а тут, я думаю, он нервничал, а может, и перемерз — целый день на земле под дождем лежал.

— Возможно, — согласился Спасских, — вы-то чего дожидались? Надо было сменить позицию, других стрелков предупредить, чтобы ударить из нескольких винтовок.

— Мы так и договаривались, но если бы я ушел, он спрятался бы за бугор, и ищи ветра в поле.

— Все-таки очень рискованно действовали, — раздумчиво сказал Вашлаев. — А где вы стрелять научились?

— Продолжаете испытывать, — рассмеялся Полуэкт. — В пионерских лагерях. Каждый раз по значку «Юного ворошиловского стрелка» привозил, а в девятом классе на «ворошиловского» сдал. Ну и Климанский подучил. Он настоящий снайпер.

— А рукопашному бою?

— В училище. Я там три раза победителем в соревнованиях выходил.

Другие разведчики в разговор вступили. Стороны продолжали прошупывать друг друга.

3.

Шарапов прочитал список личного состава взвода и вздохнул — он самый младший. Большинство разведчиков были из кадровых солдат двадцать первого и двадцать второго годов рождения, а Вашлаеву, Родионову и Селютину перевалило за тридцать. Совсем старички. Образование имели тоже почти одинаковое, от пяти до семи классов.

— И все не женаты? — спросил у Спасских.

— Так когда было? До армии не успели, а потом фронт.

Спасских говорил быстро, но слова по-московски потягивал. Он был коренным москвичом, и это чувствовалось.

— Вот что, старшина, расскажи-ка коротко, кто чего стоит и от кого что ждать можно. Андрейчук?

— Этот надежный. Сибиряк из Алтайского края. Терпелив, настойчив, общителен и слухач отличный.

— Слухач? Как это понимать?

— Слышит хорошо, вот мы его так и зовем. Оружие любит и стреляет прилично.

— Понятно. Бахтин?

— Тракторист из Кировской области. «Вячкий»,

как у нас поддразнивают. Знаете поговорку: «Вячки люди хвачки — семеро одного не боятча!» А я бы Васю на семерых не променял. Прирожденный разведчик, — заметив недоверчивый взгляд Шарапова, Спасских улыбнулся. — Правильно, ходит вразвалочку, увальнем кажется, но увидите в деле, согласитесь со мной. За Бахтина, как за себя, ручаюсь.

— А что скажешь о Гаранине?

— На этого как найдет. Больше всех воду мутит. Будь моя воля, списал бы его, хотя иногда и хорош бывает.

— Калинин?

— Прибыл из госпиталя. До войны работал в Ленинграде, там же был ранен. Знает саперное дело и вообще умелец на все руки — что дом построить, что печь сложить.

— Карянов?

— Дружок Калинина и Бахтина. Магнитогорец. Воевал под Москвой, участвовал в прорыве блокады Ленинграда, к нам тоже после госпиталя поступил. Саперное дело освоил. Сильный, выносливый. Вы его запомнить должны: невысокий такой, курносенький, с перевязанной шеей ходит и голова набок. На КП ему случайно осколок прилетел.

— Что скажешь о Латыпове?

— Наш оружейник, — с удовольствием отозвался старшина. — Хорошо ориентируется на местности, память отличная. Нужный человек во взводе.

— Скуба?

— Шахтер из Караганды. Недавно кандидатом в члены партии приняли. Надежный.

— Тинибаев?

— «Сыном степей» его зовем. Земляк Скубы и соперник Андрейчука.

— Тоже слухач? — догадался Полуэкт.

— Точно.

— Кто же лучше слышит?

— Трудно сказать. Иногда Андрейчук, другой раз Тинибаев, а судьи нет, так спорами все и кончается.

— Капитоненко? Он что-то у тебя не по алфавиту записан?

— Забыл нашего лучшего певца. Хороший разведчик и мужик сильный.

Короткие характеристики Спасских кое-что проясняли, но не раскрывали главного: все хорошие, все надежные и опытные, а «языка» добыть не могут. Не вязалось одно с другим. Спросить, почему так получается, постеснялся. Не чувствовал еще к себе доверия и не захотел, чтобы Спасских «крутить» начал. И «сын степей» Тинибаев прибежал, по всей форме доложил, что товарища младшего лейтенанта вызывает ПНШ-2.

ПНШ-2 — помощником начальника штаба полка по разведке — был старший лейтенант Лобатов. Из кадровых. Отношения с ним с первого знакомства сложились натянутые и неопределенные. Какую-то неприязнь к себе чувствовал Шарапов, а почему, понять не мог.

— На тот берег надо сгонять. За «языком», — без предисловий начал Лобатов, и его стальные немигаю-

щие глазки уставились на Полуэкта. Отметили и запомнили, как дрогнул от этих слов новый взводный и его лицо покрылось бисеринками пота.— Хочешь сказать, что к людям не присмотрелся? Так вот там все и рассмотришь. Под микроскопом,— хохотнул Лобатов.— Место поиска между деревнями Зарелье и Хутыню. Для подготовки операции даю пять дней. Вопросы есть?

Вопросов у Шарапова было много, задавать только их не захотелось. Решил, что лучше у разведчиков выяснит.

— Не имею,— ответил.— Разрешите идти?

— Иди,— недоуменно разрешил Лобатов. Он не ожидал такого короткого разговора.

Зарелье и Хутынь расположены на мысе, недалеко от впадения Малого Волховца в Волхов. Зарелье — на низком левом берегу притока, Хутынь с ее знаменитым монастырем и могилой Державина — на высокой горе по правому берегу Волхова. На тропе между ними решили перерезать телефонный провод, устроить засаду и взять связиста. Шарапова смущало, что придется забираться в тыл противника, но разведчики настаивали: самый лучший вариант, не из дзота брать, а засекут, так ночь укроет. Подготовка к операции прошла хорошо, даже весело как-то, а вернулись пустыми. «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», не раз вспоминал позднее Шарапов мудрые слова Толстого.

Оврагов по пути не встретили, а вот две ложбины, незаметные со своего берега, оказались. Вначале обрадовались им — сырые, значит, мин нет, но ложбины скрыли расстояние, путь к тропе был раза в два длиннее, чем рассчитывали.

— В мешок залезем, надо отходить! — заволновались разведчики.

Он приказал ползти дальше: ночь темная, луна надежно прикрыта тучами. И Лобатов предупреждал: «Запросятся назад, не поддавайся. Гони вперед до последнего. А проситься будут, чтобы тебя испугать, а потом на шею сесть».

Доползли до места и увидели, что тропа прикрыта спиралью Бруно, ее кольца поставлены не прямо, как обычно, а под углом и хорошо замаскированы, чтобы невозможно было рассмотреть с того берега.

— Придется возвращаться, командир,— зашептал Спасских.— Под спиралью они мины ставят.

Полуэкт упрямо тряхнул головой, позвал Калинин:

— Проверь.

Разведчики стиснули зубы — зарывается новый командир, на рожон лезет. Позади, в Зарелье, забеспокоились немцы, взлетело несколько ракет, застучали пулеметные очереди.

Приполз Калинин, протянул какой-то тяжелый цилиндр:

— Прыгающая. Рванет, и триста шестьдесят шариков, как дождичком, окатят.

— Если снял, можно спираль резать? — обрадовался Шарапов.

Калинин деликатно промолчал, за него ответил Спасских:

— Они их в шахматном порядке ставят. Потянешь или порежешь проволоку, другие сработать могут. Если бы Карянов еще был, можно попробовать, а одному нечего делать.

Как снимают мины, режут проволоку, делают проходы Шарапову видеть не приходилось, он не знал, насколько это сложно и опасно.

Разведчики вытянули головы, следят за каждым его движением, и, поколебавшись, он дал команду на отход.

Лобатов встретил мрачно:

— Первый блин комом?

— Тропа оказалась дальше, чем думали, прикрыта минами и спиралью Бруно,— начал докладывать Шарапов. Но ПНШ-2 перебил:

— Ну и что? Вас же не обнаружили. Почему вернулись?

Лобатов стоял как на параде, подтянутый, руки по швам, на них черные кожаные перчатки. Среди перепачканных тиной и грязью разведчиков он один казался настоящим военным.

— Я тебя спрашиваю, вас обнаружили или нет? — повторил свой вопрос Лобатов.

— Если бы обнаружили...

— Попали в огневой или еще какой-нибудь, допустим, холщовый мешок. Это ты хочешь сказать? А о приказе товарища Сталина «Ни шагу назад!» слышал? Или вам в училище побоялись его прочитывать, чтобы заранее не испортить нервы? Сегодня спирали испугались, завтра — рогаток, послезавтра еще что-нибудь придумаете. Ты о чем думал, когда в разведку шел? Переплывешь реку, и фрицы тебе «языка» на блюдечке преподнесут, да? — задохнулся от гнева Лобатов.— О твоей трусости буду докладывать командиру полка...

— Товарищ старший лейтенант,— сказал Шарапов каким-то звонким, не своим голосом,— дальнейший разговор в таком тоне при подчиненных считаю недопустимым.

Тонко подбритые брови Лобатова взметнулись вверх и сломались в изумлении, стальные глазки прицельно встретились с упорным взглядом Полуэкта, скользнули по стволу его автомата.

— Вот ты как заговорил?! Рано пташечка запела... В восемь ноль-ноль быть у меня. Поговорим наедине.

Остаток ночи Шарапов провел без сна. Сомнения, пережитые на том берегу, в землянке стали казаться мелкими и ничтожными. И проход, верилось, можно было сделать, не подорвавшись на mine, и Зарелье виделось не так далеко позади, как там, когда лежал у спирали, и пленный маячил перед глазами. Поддался, выходит, общему настроению, смалодушничал? От этих мыслей не было избавления, и он решил —

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1.

в следующий раз без пленного не возвращаться, чего бы это ни стоило. Временами другое накатывало: поступи он так этой ночью и всполоши они противника, немцы могли захватить или уничтожить лодку, от Зарелья она недалеко оставалась, и тогда не похрапывали бы разведчики, не скрежетали зубами и не стонали во сне. «Ты их поменьше слушай, бери ответственность на себя, и все встанет на свое место», — поучал Лобатов. Казалось бы, верно, но разве перед одним командованием держит он ответ за свои дела и поступки? Перед разведчиками — тоже. И еще больше перед их матерями, которые, несмотря на войну, надеются на возвращение своих сыновей...

Шарапов закончил училище с отличием и его хотели оставить командиром взвода. Ребята на фронт поедут, а он в тылу, выходит, окопается? Не остался. Матери об отъезде не написал, но она как-то узнала, приехала в Ярославль, отыскала его все же на вокзале и все время, пока стоял поезд, держала за пуговицу гимнастерки, как-то по-новому засматривала в лицо и говорила одно и то же: «Ты пиши почаще, чтобы я все время получала от тебя письма. Тогда я все переживу и все вынесу. Ты это помни и пиши, пиши».

Полуэкт был рад приезду матери и стеснялся, что она уговаривала его словно маленького и просила о таком незначительном. Отправление эшелона задерживалось, мать все вертела и вертела пуговицу и оторвала ее. «Ой, что наделала-то! — засветилась озорной и в то же время виноватой улыбкой и предупредила: — Ты сразу же пришей ее, пришей, а то явишься на фронт растеряхой, тебя тут же и накажут».

Объявили посадку, все уже теснились у широко распахнутых дверей и кого-то вытолкнули из вагона. Мать не могла отличить его от таких же парней, одетых в одинаковую форму, закричала: «Остановитесь! Остановитесь! Мальчонка мой выпал! Мальчонка-а!» Упавшего подхватили и втащили в вагон, поезд набрал ход, а мать еще долго бежала за ним, прижимая к груди беспокойные руки.

Матери разведчиков тоже, наверно, бежали за уходящими на фронт поездами и умоляли писать почаще, а теперь с непроходящей тревогой ждут солдатских треугольников, плачут и не спят ночами, если они почему-то задерживаются. Так волен ли он в любом случае идти напролом? В разведке без риска не обойдешься, это верно, но как предугадать, насколько он оправдан и как правильно поступить.

До утра спорил Шарапов с собой и с ПНШ-2, в восемь ноль-ноль постучал в дверь лобатовской землянки, чтобы с ним, более опытным и старшим, разрешить свои сомнения. Но разговора опять не получилось.

— Брось-ка ты эту философию, — не дослушал Полуэкта Лобатов. — Надо новую операцию готовить, а он дискутировать пришел. Место выбирайте сами, раз вы такие умные, а потом посмотрим, чего вы стоите.

«Место выбирайте сами». Легко сказать. Где его ни выбирай, через Волхов плыть надо. За ним пятьсот — шестьсот метров нейтральной полосы. За два с лишним года немцы наспиговали ее и минными полями, и рогатками с колючей проволокой, и кольями с нею же, и МЗП — малозаметными препятствиями из тонкой проволоки, выпутаться из которой почти невозможно и потянуть нельзя, иначе взорвутся соединенные с нею мины, и спиральями Бруно... Все это надо преодолеть без звука и малейшей оплошности.

Напуганные частыми вылазками русских разведчиков немецкие часовые службу несут бдительно и глаз с нейтральной полосы не спускают. Подкрадись-ка к ним незаметно и неслышно. Ну ладно, преодолели все, часовой рядом, в каких-то пяти метрах. Бросились на него, повалили. Он сопротивляется, а ты оружие применить не можешь — брать его надо живым. Связали, кляп в рот затолкали, а в немецких траншеях переполох, задействованы все пулеметы, артиллеристы на пути отхода поставили отсечный огонь, а тащить пленного надо все те же пятьсот — шестьсот метров и еще Волхов переплывать, будь он неладен. Река кипит от рвущихся снарядов, на ней к земельке не припадешь, голову под бугорок не спрячешь. Сидишь, как голый, и богу молишься, чтобы не разнесло лодку прямым, не прошлась по ней очередь из крупнокалиберного.

Прошлым летом полк стоял на плацдарме на левом берегу Волхова. До немецкой обороны было всего четыреста метров. В случае чего до своих можно добраться в считанные секунды. Там и немцы часто ходили за «языками». Здесь сидят тихо, считают, что выкрасть пленного за рекой невыносимо. Что же делать ему, как поступить, чтобы взять «языка» и живым доставить на свой берег?

Утро третьего дня наблюдений было последним в отведенном для подготовки операции сроке и выдалось морозным, тихим. Иней выбелил травы, осветлил землю и воздух. За Малым Волховцом освещенная поднявшимся солнцем четко просматривалась линия обороны противника. Хорошо была видна и пустынная дорога от Новгорода на Зарелье. Ее булыжная мостовая, вымощенная в прошлом веке по приказу Аракчеева, обтекала Хутынский монастырь и подходила к Малому Волховцу, где до войны была паромная переправа. Окрестные берега и дорогу сторожили два дзота, сооруженные по обеим сторонам насыпи. Нападать решили на левый: стоит недалеко от берега, подобраться можно по придорожной канаве. Такое удачное место выбрали, что удивлялись, почему не использовали его при первом поиске.

В полдень выработали окончательную тактику, распределили обязанности. Все было готово, только туч на небе не хватало.

— Будут, командир,— пообещал Тинибаев.
— Кости болят? — пошутил Полуэкт.
— Кости у моего деда большие, а я так знаю.
Темная, темная ночь будет.

«Сын степей» знал толк в погоде. Небо вскоре начало хмуриться, на нем стали умищаться тучи. Первые были еще светлыми, но за ними надвигались и настоящие. Тесня друг друга, они громоздились в несколько ярусов, прогоняя с земли остатки ясного дня.

— И что у нас за Тинибай! Сказал — и сделал! — начал задирать своего соперника Андрейчук. — Чего доброго, лбы себе порасшибаем.

Тинибаев промолчал.

— Тинибай! Если я тебя автоматом по уху съезжу, отвечать не буду. Слышишь?

— Зачем отвечать? Я тебе тоже заеду, и расквитаемся,— невозмутимо ответил «сын степей» алтайцу Андрейчуку. — У тебя ухо острое, а глаз тупой, да?

— У меня брюхо острое,— хохотнул Андрейчук. — Мне бы сейчас котелок борща.

— Зачем борща? На реку придем, пей, как лошади пьют.

— Хватит вам. Развеселились не к добру,— прервал перебранку слухачей Спасских.

Переправа прошла спокойно и в берег ткнулись удачно, под небольшой бугорок, но едва двинулись к дороге, Тинибаев тревожным взмахом руки положил группу.

— Будто железо звякнуло о камень,— прошептал Шарапову.

— Где?

— Впереди и слева.

Полуэкт поманил Андрейчука:

— Что-нибудь слышал?

Андрейчук отрицательно помотал головой.

— Пойдешь вместе с Бахтиным и Тинибаевым. Да слушай, Андрейчук, слушай!

Двинулись. Бахтин полз первым в сопровождении эскорта слухачей, но едва вошел в ритм, Тинибаев прижал Васю к земле. Полуэкт двинулся к тройке:

— Почему встали?

— Этому опять показалось, а у Андрейчука уши заложило. Обычная история,— сердито ответил Бахтин.

— Как лопатой по земле,— виновато прошептал Тинибаев.

— Фрицы в Новгороде могилы роют, а он слышит,— внушал с другой стороны Андрейчук.

Тинибаев лежал, припав ухом к земле. Полуэкт последовал его примеру, но кроме трескотни пулеметов — старались свои, специально шумели — ничего не услышал. Взглянул на Тинибаева. Тот беспомощно развел руками.

— Вперед! — подал команду Полуэкт.

До дороги добрались без остановки, нырнули в канаву, и Тинибаев замер вновь:

— Где-то недалеко копают. Честно.

— Забороздил свое! Может, в траншеях? — начал злиться Шарапов.

— Да нет, ближе к реке вроде бы.

Андрейчук покрутил пальцем у лба и отвернулся.

Черт бы побрал этих слухачей! Один слышит, другой нет. Каждая остановка была по нервам, расхолаживала, сбивала с темпа. Еще одна, и снова запросятся назад. И так крутят головами во все стороны. Ну уж нет! Не хватило у Шарапова терпения подождать, подтолкнул Бахтина, пристроился за ним. Тинибаеву показал на свои ноги — ползи за мной и, если что, дай знать. Остальные, с замыкающим Спасских, разобрались по своим местам.

Как и предполагали, мин в канаве не было, но двигались медленно. И до противника рукой подать, и предупреждения Тинибаева не выходили из головы. Полуэкт то и дело оглядывался на него, но казах каждый раз отрицательно мотал головой, его лицо выражало неудовольствие.

Перед рогатками канаву разрушила большая воронка. Бахтин и Полуэкт укрылись в ней. Разведчики залегли в канаве. Из дзота ни звука. И часовой не топчется у него, и сигаретным дымком не наносит, и ни одной ракеты в такую темень. В Хутыни время от времени пускают, в Кречевицах беспокоятся, а тут полная потеря бдительности.

— Сползай, посмотри, где лучше проход делать,— приказал Бахтину.

Когда лежишь под носом у противника, время обманчиво. То тянется, как резина, то спрессовывается в доли секунды. До рогаток метров десять, а Бахтин пропал. Сколько ни вглядывался Полуэкт, сколько ни вслушивался — впереди ни движения, ни звука. Умеет ползать! Что-то щелкнуло позади и отдалось в ушах орудийным выстрелом. Бешено оглянулся на разведчиков и тут же дернулся вправо — в воронку спускался Бахтин.

— Рогатки раздвинуты! Проход сделан! — задышливо прошептал на ухо.

— А дальше, в проволочном заграждении?

— Не знаю. Решил сначала предупредить.

— Посмотри,— задохнулся Полуэкт, лихорадочно соображая, что немцы и на самом деле могут быть на нейтральной полосе и пленного можно взять на ней.

Бахтин уполз. Полуэкт оглянулся, чтобы предупредить разведчиков, и на фоне темного неба увидел семь или восемь солдат с лопатами в руках и с винтовками за плечами. Позади еще трое. Немцы шли по дороге.

«Вот оно, счастье-то! — закувыркалось в груди сердце. — Первых срежу, а из тройки кого-нибудь возьмем!»

Вскинул автомат и на уровне груди дал длинную очередь, слева, по первому, и направо. Автомат еще бился в руках, как яркая вспышка на дороге хлестнула по глазам, ослепила, а взрывная волна отбросила назад. «Какой идиот бросил гранату? Зачем?» Кто-то споткнулся о ноги Шарапова и распростерся рядом.

Бахтин!

— Берем! — крикнул громко и выскочил из воронки.

На четвереньках поднялся на насыпь. В ушах звенело, глаза еще не освоились с темнотой. Заметался на дороге, обшаривая метр за метром. Никого. Убежали? Не может быть. Разбросало взрывом? А тех троих, что шли последними? Бросился в ту сторону и наткнулся на человека в шинели. Стонет. Значит, живой!

— Вася, — позвал Бахтина. — Потасили!

Схватили за руки, поволокли, почти не чувствуя тяжести раненого. Карлик, что ли, какой попался? И вслед за этой запоздало мелькнула другая мысль: почему они вдвоем на дороге?

— Где ребята, Бахтин? — спросил останавливаясь.

— Не знаю.

— Может, еще кого взяли?

— Я их не видел.

Поверить в случившееся было невозможно. Оставив Бахтина с немцем, сбежал в канаву, кинулся по ней в одну сторону, в другую. Никого. Поднялся на насыпь и услышал от Бахтина:

— Пленный-то наш скончался.

— Как? Почему? — не поверил Полуэкт.

— Ему ноги оторвало. Вот бумажник и солдатская книжка.

Полуэкт в изнеможении опустился на землю, закрыл глаза. В них все еще плясала вспышка гранатного разрыва. Вскочил на ноги, огляделся — нет ли еще живых немцев?

— Надо рвать когти, командир, — напомнил Бахтин. — Я уже проверил.

Они побежали к реке, потом, боясь подорваться на mine, шли кромкой воды и на полпути к лодке увидели человека. Он тихо свистнул. Бахтин ответил тем же — голоса лучше не подавать. Держа автоматы наизготовку, пошли на сближение и по контурам маскостюма определили, что впереди свой.

Их искал Костя Скуба.

— Мы вас ждем. Все уже в лодке, — сказал укоризненно.

— С пленным? — радостно выдохнул Шараров.

— Не-е-ег...

Земля стала мягкой и закачалась под ногами. Ярость, она начала копиться еще на дороге, захлестнула сердце, сбила дыхание и требовала выхода. Едва сдержался, чтобы не двинуть Скубу прикладом, шел не таясь, по-бычьему наклонив вперед голову. Увидев лодку, побежал и, задыхаясь, гаркнул:

— Вылезай!

— Товарищ командир, не кричите! Даст огонь и всех перестреляет,— приглушенно молил кто-то.

— Да вас, сволочей, и надо перестрелять! — зарорал еще громче и пожалел, что нет в руках дубины.— Вот рвану гранатой! — И она мгновенно оказалась в руке, другая потянулась, чтобы рвануть чеку.— Выходите! Повторять не буду.

Разведчики выскочили из лодки, но перед Полуэктом возник, заслоняя их собой, Вася Бахтин:

— Не надо, командир. Уже ничего не поправить.

Немцы опомнились и открыли огонь. Снаряды рвались правее, в районе дороги.

— Товарищ младший лейтенант, товарищ младший лейтенант, проснитесь! Вас к командиру полка вызывают,— сначала осторожно, потом все сильнее тряс Шарапова Спасских и не мог разбудить, пока не посадил.

Полуэкт поднял руки, чтобы протереть глаза, и повалился снова. Тогда Спасских стащил его с нар, и только на полу Шарапов пришел в себя, вспомнил о вчерашнем и вскочил на ноги.

Разведчики молчали и отводили глаза. Он тоже старался не смотреть на них и, не сказав ни слова, выбежал из землянки. На улице было ветрено, низкие тучи обещали скорый и обильный снег. Он уже начинался редкими пока хлопьями и, попадая за воротник, охлаждал шею. После тепла землянки кожа на лице стала гусиной, руки покраснели, из носа нехотяти закапало. Таким и предстал Шарапов перед Ермишевым. Кроме него на командном пункте были заместитель командира полка по политической части подполковник Шукин, начальник штаба капитан Цыцеров и Лобатов.

В последнее время Полуэкт не раз встречался с Ермишевым. Черный, кавказских кровей, подполковник всегда был хмур и озабочен, выглядел недовольным. И нынче сидел за столом нахлебавшись, сутуля квадратные плечи. Доклад слушать не стал, видно, все знал от Лобатова, сразу перешел к делу:

— В чем видите свои ошибки?

— Не прислушался к предупреждениям Тинибаева.

— А как бы поступили, если прислушались?

— Напали бы во время работы.

— Надо было еще подбраться. Через минные поля,— напомнил Ермишев, поглядывая на Полуэкта из-под насупленных бровей.

— По кромке воды подошли бы. Там мин нет.

— Разумно, но главная беда в том, что взвод вышел из-под вашего контроля. Стыд и позор: разведчики бежали от десятка солдат, уже убитых. Тоже ошибка — надо было и живых оставлять,— командир полка нетерпеливо отодвинул от себя какие-то бумаги.

— Я так и рассчитывал, товарищ подполковник, но кто-то бросил гранату...

— Кто?

— Пока не знаю.

— Почему? Обязаны знать. Утро наступило, а командир взвода все еще не в-курсе,— повысил голос Ермишев.

— Не мог я разговаривать с ними, товарищ подполковник, даже видеть-то их не мог.

— Придется. Разберитесь с каждым в отдельности и примите меры. Не-мед-ле-нно! — подполковник помолчал, обвел тяжелым взглядом всех и спросил: — Вы более или менее познакомились с оборонной противника. Можно при всей ее сложности и недоступности взять пленного?

— Можно, товарищ подполковник,— вскочил Шарапов.— Вчера могли привести. Я по первым ударил, трое живыми оставались. Они же у нас в руках были! — простонал Полуэкт от вспыхнувшей с новой силой обиды за провал операции.

Ермишев и Шукин переглянулись, и командир полка смягчился. Шукин не пытался скрыть удовольствия от такого уверенного ответа. Начальник штаба оставался невозмутимым. Лобатов ерзал на стуле, хотел что-то сказать и не смел.

— У нас есть возможность для подготовки следующей операции дать вам две недели. Как думаете использовать это время?

— Кое-кого надо заменить... И учиться будем днем и ночью, особенно ночью, а то я и сам не во всем разбираюсь, и они, мне кажется, тоже.

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовался командир полка.

— Считаю, что каждый разведчик должен уметь резать проволоку, обезвреживать мины, быть санинструктором...

Зазуммерил телефон. Из разговора Ермишева со штабом дивизии Шарапов понял; что там рады даже захваченным документам. Это, как он понял позднее, и решило его судьбу.

— Так и действуйте,— закончив разговор, одобрил намерения Шарапова повеселевший командир полка,— и не забудьте о практических занятиях. Раза два сплавайте на ту сторону порезать проволоку и поносить мины, просто побыть там. Надо приучить разведчиков не бояться реки за спиной. От этого многое зависит. Все. Вы свободны.

После ухода Шарапова Ермишев хитро посмотрел на своих помощников, как бы спрашивая — ну и что вы на это скажете? Поднялся Лобатов:

— Товарищ подполковник, вы же снимать его хотели,— сказал недовольно.

— А кого поставим? У тебя есть подходящий человек?

— Да любой командир стрелкового взвода лучше справится. Постарше только поискать.

— Это несерьезно,— не согласился командир полка.— Пока снимать не будем. Подождем. Ты, кстати, поменьше на него жалуйся и побольше давай самостоятельности. Тогда он быстрее на крыло станет. Николай Осипович,— повернулся к Шукину,— подбери солдат надежных, комсомольцев, чтобы пополнить взвод. А ты,— приказал Цыцерову,— прикомандируй

к Шарарову опытного офицера-сапера и фельдшера. Пусть поучат и примут зачеты по всей форме. Чем-то понравился мне сегодня этот парнишка. Чувствовал, поди, угрозу над собой, а не заискивал и не лебезил.

2.

Направляясь к командиру полка, Полуэкт был уверен, что взвода ему больше не видать. Из-за кого бы не случился вчерашний провал, отвечать за это ему. Вышел от Ермишева в полном недоумении; не снял, даже не отругал как следует, разговаривал как с равным, на «вы» обращался! Выходит, доверяет, надеется! Горячая волна признательности захлестнула сердце, прошла даже злость на разведчиков. Объясниться с ними он решил немедленно и с глазу на глаз. Для этого увел взвод на небольшую поляну и там, вдали от свидетелей, неожиданно для себя предложил всем, кто хочет уйти из разведки, уходить. Он сказал это без обиды, спокойно.

— Повторяю, кто устал, не может или не хочет служить в разведке, прошу сделать шаг вперед.

Гаранин вызывающе сделал два, повернулся лицом к строю. За ним вышли еще четверо и застыли, горбата плечи. Оставшиеся засмотрелись на белесое ноябрьское небо.

— Кто еще? Нет?.. Вы свободны,— обратился к пятерым.— Возвращайтесь в землянку и приготовьте к сдаче оружие, второе обмундирование и маскировки.

— Мир этому дому. Пошли, ребята,— позвал Гаранин.

Трое поспешили за ним. Четвертый остался.

— Что у вас? — спросил Шараров.

— Не хочу, чтобы вы плохо о нас думали... Все лето неудачи, потери, а мы не железные... Извините, если что не так.

— Я понимаю. Идите.

— Прощайте, ребята! Не поминайте лихом,— согнулся в полупоклоне разведчик.

— Топай. На том свете мабудь свидемся,— угрюмо отозвался Капитоненко.

Простились вроде бы легко, а всем стало не по себе, и, сколько ни старался Полуэкт, откровенного разговора не получилось. Выяснил все же, что разведчики заметили приближение немцев раньше его! Гранату кинул Скуба, хотел перебросить, чтобы не разбежались, а попал в самую кучу. И Спасских бросал с той же целью и с таким же результатом, и из автоматов они успели полоснуть. Полуэкт не запомнил ни очередей, ни взрыва второй гранаты. Бахтин тоже удивленно покачивал головой и растерянно тербил свою челочку:

— Вашу очередь видел, потом взрыв, мне еще в руку чем-то ударило, до сих пор ноет, а потом... Нет, не подтверждаю, командир.

— Да, была вторая граната, и стреляли мы. Можете диски проверить.

Пусть так. Хотели сделать как лучше, но пере-

старались. Драпанули-то отчего? Замыкающим в пепочке был помощник комадира взвода. Он почему не остановил бегущих, даже не пытался этого сделать?

— Не знаю, что и сказать, командир,— поднялся старшина.— Кто-то крикнул: «Отход!» Я думал, передают вашу команду...

— Но мы же за «языком» шли. За «языком»! А вы!.. Меня и Бахтина оставили! А если бы мы были убиты, ранены? — вышел из себя Шараров.

— Мы послали за вами Скубу.

— Когда-а-а? На берегу хватились, в лодке уже сидели.

Спасских молчал. Разведчики дымили сигарками и кашляли.

— Надеюсь, вы не забыли, как Гаранин высмеял офицерскую разведку, когда я пришел во взвод. «Вы бы из траншей попробовали достать...» Вчера обстоятельства были более выгодными, а вернулись без пленного. Надо нам понять, почему так произошло...

Разведчики не откликнулись и на этот призыв, и Шарарову расхотелось продолжать разговор. Он не стал даже выяснять, кто вместо него подал команду на отход. Отпустил всех, сам остался на поляне. Не представлял, как дальше работать со взводом, на кого надеяться и как решиться еще раз идти к вражеской обороне.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1.

Приказы командира полка выполнялись быстро: сказал два слова, и через несколько часов во взвод прибыли и начали занятия пожилой сапер и молодой фельдшер из санроты. Сапер приехал на повозке, нагруженной образцами немецких и наших мин, мотками колючей проволоки, спиралью Бруно и другими наглядными пособиями. Имущество фельдшера уместилось в санитарной сумке. Пополнение тоже стало поступать незамедлительно.

Шараров возвращался от ПНШ-2 и близ землянки встретил Тинибаева. Черные глаза казаха посверкивали, лицо блестело, как начищенный самовар:

— У нас новость, командир! — «младший лейтенант» выговаривать долго, и разведчики приучили Шарарова к этому обращению.

— Какая еще?

— Сто лет думай, не отгадаешь,— пристроился рядом Тинибаев.— Казахи во взводе есть? Есть. Украинцы, белорусы, башкир один, татарин столько же. А кого нет? Подумай, пожалуйста.

— Ну, ты даешь! Таджикив, армян, грузин, азербайджанцев.

— Не то, не то, не то,— мотал головой «сын степей». — Евреев нет. Пришел! Вот такой! — Подпрыгнул, чтобы показать рост новенького.— А в ширину два меня будет.— Тоший, как спичка, Тинибаев завидовал всем, у кого на костях было хоть какое-то мясо,

— Один?

— Хватит одного — кушает за троих. А веселый! Слышишь, смеются?

Из землянки и в самом деле доносились взрывы хохота, порой их перекрывал незнакомый голос.

— Новенький так рычит. Сначала посмеется, потом расскажет и снова хохотать начинает. Позвать? — Тинибаев запрыгал по ступенькам вниз, распахнул дверь: — Новенький, на выход!

Смех оборвался. Из землянки, согнувшись в дугу пополам, вынырнул детина метров двух ростом, строевым подошел к Шарапову:

— Товарищ младший лейтенант, старшина Бербиц прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы.

— Здравствуйте, Бербиц! — смутился Полуэкт и от столь необычного роста новенького, и еще более от мощного трубного голоса. — Где служили раньше?

— Старшиной на складе, товарищ младший лейтенант, — близко посаженные, опущенные густыми короткими ресницами карие глаза Бербица были красны то ли от недосыпания, то ли от перепоя. На крупном лице выделялся увесистый, с горбинкой, нос и шрам на щеке. — А до госпиталя был в разведке, — добавил Бербиц, заметив, как поскущел командир взвода.

— Вы, в разведке? — не сумел скрыть удивления Шарапов.

— Да, товарищ младший лейтенант, бывший безпризорник из Бердичева служил-таки в полковой разведке и даже пролил там свою молодую, горячую кровь. На склад попал для поправки.

— Шрам после ранения? — уже с уважением спросил Шарапов и снова попал впросак.

— Нет, товарищ младший лейтенант. Служил на флоте, подрался в ресторане и получил дисциплинарный батальон. Так до войны штрафбаты назывались, а ранен в грудь.

Бербиц рассказывал о себе откровенно, глядя прямо в глаза и все время чему-то улыбаясь. Он как бы и над собой посмеивался и над Шараповым тоже. К крайней досаде Полуэкт даже приблизительно не мог определить, что он за человек.

Пружина продолжала раскручиваться. Ежедневно во взвод прибывали новые солдаты и сержанты, уже обстрелянные, после госпиталей и медсанбатов, но не разведчики. Поэтому, догадался Полуэкт, Ермишев и дал для подготовки следующей операции такой большой срок. Все обдумал и взвесил, прежде чем сказать слово.

Мин боялись и разведчики и новенькие, но сапер как-то очень быстро сумел развеять это предубеждение.

— Не боги горшки обжигают, — говорил весело. — Любую обезвредить можно, если практика есть, внимательность и хладнокровие. Я вас натаскаю.

Построили «немецкую» оборонительную линию и стали находить и снимать установленные сапером

«мины», делать проходы в рогатках, спиралях Бруно и в малозаметных препятствиях. Интересно показалось, и увлеклись так, что на часы не смотрели и об обедах забывали. Даже нечто вроде негласного соперничества возникло: новенькие тянулись за старичками, а те ревниво следили за успехами новичков, чтобы не обошли в чем-нибудь и не заставили краснеть. А начали и обходить. Проволоку стали резать не хуже Карянова и Калинина. Как-то незаметно для всех выдвинулся орловец Шиканов, невысокий, плотный паренек с хриловатым голосом. Общительный и хозяйственный, он везде оказывался первым — хоть землянку копать, хоть окоп. Отлично ползал по-пластунски и лучше всех торил борозду. Шарапов назначил его связным, возвел в ранг инструктора. На себя Полуэкт взял стрелковую подготовку, рукопашный бой и ориентирование на местности.

Его отец любил ходить пешком и не по дорогам, а одному ему известными тропами, через леса и болота. Полуэкт часто увязывался за ним и научился определять стороны света по звездам, по кронам и коре деревьев, муравейникам и по многим другим приметам. Ребята лес знали плохо, и Полуэкт без устали учил ориентированию на местности, хождению по азимуту и чтению карты.

Сапер и фельдшер, сделав свое и приняв зачеты, отбыли, а занятия продолжались. Учились быстро и бесшумно ползать, захватывать пленного, вести бой в окопах, метко стрелять и бросать гранаты на разные дистанции и из самых неудобных положений. Занимались в темное время суток, когда легко ошибиться в расстоянии и глаза долго привыкают к темноте после осветительных ракет.

Совет Ермишева Шарапов не забыл. Сначала свозил новичков на тот берег, чтобы пообмялись на чужой территории, потом, еще несколько раз, по снимать мины и порезать проволоку. Трусилы вначале новенькие, как в первый бой собирались, даже письма домой накануне писали, но постепенно пообвыкли, работали все спокойнее и увереннее.

Шарапов проверил группы резаков, минеров и пошел в дальний конец поляны, где отрабатывали эвакуацию раненых и транспортировку пленных. Бербиц делал короткие замечания, иногда показывал, как лучше взвалить или тащить. Он был инструктором и потому даже не улыбался.

— Как мешки? — спросил Полуэкт. — Пробовали? — Во фронтовой газете недавно мелькнуло сообщение о том, что разведчики притащили пленного в мешке.

— Ну их, — отмахнулся Бербиц. — На плащ-палатке удобнее, а возьмем, так и без нее утащу.

— Покажи-ка как?

Бербиц хмыкнул:

— Кто «пленный»? Ах, Бахтин! Ложись, Вася, и нишкни, будто ты связанный.

Бахтин неохотно лег. Бербиц рывком поднял его

над головой, обернул вокруг шеи, как горцы таскают овец, и спросил:

— Куда его, командир? Может, в Волхове испу-
пать, чтобы не дрожал? Бойся, что уроню его вы-
сочество.

Ребята хохотнули.

— На ту сторону поляны и обратно можешь?

— Гы-ы,— засмеялся Бербиц и побежал.

Вернулся свеженький, без бисеринки на лбу...

Слабосильных во взводе не было.

В землянку вернулись задолго до наступления дня, чтобы отоспаться перед очередными практиче-
скими занятиями. После полудня по одному выбра-
лись на волю проверить и почистить оружие, подо-
гнуть снаряжение и размяться. Часа два в миру и
ладу провели, потом в лесу, за землянкой, какой-то
треск раздался.

— Никак медведь к нам пожаловал? — пошутил
Спасских.

— Гы-ы,— раздалось неподалеку.— Вон вы где-е.
А я ищу, ищу.

Спасских увидел Бербица и отшвырнул тряпку,
которой протирал автомат. Строго спросил:

— Ты забыл, что мы ночью работаем?

— Что ты, Оле-ег, помню. Я все распри... распре-
красно помню. Думаешь, я пьян? Да я по одной
доске...— Бербиц раскинул руки и пошел, изображая
канатоходца.— Я минуток шестьсот вздремну, и как
огурчик.

— Не выйдет, Бербиц,— еще строже сказал Спас-
ских.— Мы пьяных не берем и такое поведение рас-
сматриваем, как предательство. На первый раз, пока
командира нет, прочим тебя по-своему, а потом пе-
няй на себя. Вася,— приказал Бахтину,— покажи
Бербицу, чего он стоит.

Бахтин поднялся, повесил автомат на сучок, скло-
нил голову набок и усмехнулся.

— А ведь я тебя уделаю, Миша.

— Салажонок! — засмеялся Бербиц.— Поточи сна-
чала якорь, притащи ведро компрессии и позови на
помощь еще шесть человек. Да я из тебя опять во-
ротник сделаю, но уже настоящий — не разогнешься.

Шарапов отработывал на Бербице захват пленно-
го, в его ручищах побывали все, но на занятиях Бер-
биц оборонялся в пределах дозволенного. А теперь?
Скуба и Андрейчук вскочили, чтобы подстраховать
Бахтина, но не успели. Бербиц лежал на земле, а
руки Бахтина покоились в карманах. И сделал Вася
всего ничего: отскочил от противника вправо, тот
метнулся за ним и в тот момент, когда одна нога Бер-
бица была в воздухе, не очень даже сильно толкнул
в плечо.

— Пить не надо, Ми-ш-ша.

Больше всего разозлило Бербица вот это прене-
брежительное бахтинское «Миш-ш-ша», поднялся он
зверем.

— Да я тебя...— загнул замысловатое морское ру-
гательство, увидел перед собой Карянова, рывкнул: —
Пошел прочь, шмакодявка? — хотел отмахнуться от
него и снова упал.

— С манекеном труднее справиться,— проворчал
Спасских и приказал: — Взять его!

Провинившегося закатали в плащ-палатку, для
верности засунули в мешок, который он забраковал
для транспортировки пленных, и утащили в землянку.

2.

Ранний ноябрьский снег, казалось бы, надежно
укрывший землю, растаял. Но после хорошего бу-
рана пришла зима — с тихими ночами и прозрачным
морозным воздухом. И тоже ненадолго. Вдруг по-
шел дождь, за ним снова снег, и вот так заколеба-
лась, задурила капризная новгородская погода.

Занятия продолжались, но шла и подготовка к
новому поиску. Артиллеристы приучали немцев к ноч-
ным перестрелкам, связисты — к вечерним концертам.
Вражеские солдаты охотно слушали «Катюшу», «По-
жарного», «Там на шахте угольной», романсы Козина
и отзывались огнем из всех видов оружия на песни
«Широка страна моя родная» и «Вставай, страна
огромная...» Полковой агитатор Колпаков в разное
время передавал сводки Совинформбюро. Их тоже
слушали внимательно, если какие-то слова загляша-
ла пулеметная очередь, просили повторить. Колпаков
выполнял такие просьбы, а закончив чтение, добавлял
несколько слов от себя, не особенно стесняясь в вы-
ражениях, и кричал:

— Гитлер капут! Гитлер капут! Гитлер капут!

Немцы открывали ошалелую стрельбу и в свою
очередь кричали:

— Рус капут! Сталин капут!

Эти выкрики позволили установить, что в выбран-
ном для нападения дзоте караульную службу несут
четверо. самого старшего окрестили «Мефодием»,
младшего — «Николаем», еще двоих — «Кириллом» и
«Дмитрием». «Мефодий» стрелял редко и почти не
пускал ракет. Его сменщик «Николай» строчил бес-
прерывно. Брать решили старшего — менее активен,
наверняка хуже видит и слышит.

Дзот «Мефодия» находился между опорными
пунктами Стрелкой и Кречевицами и не очень далеко
от берега. Немцы на этом участке были непугаными
и вряд ли допускали возможность преодоления рус-
скими сложного водного пути — из Малого Волховца
в Волхов, когда появились забереги и вот-вот должен
стать лед.

Операция началась с перестрелки артиллеристов.
Под ее прикрытием первая лодка отчалила от бере-
га. Деревянная, на которой плавали раньше, с наступ-
лением холодов сильно примерзала к земле, столкнуть
ее в воду не хватало сил, да и по замыслу поиска
нужны были две лодки, и пришлось их делать самим,
каркасные, обтянутые плащ-палаточным полотном.
Гвоздей не было, сверлить отверстия нечем, но тут
развернулись Шиканов, Калинин и Латыпов. Отвер-
стия пробивали пулями и стягивали части ремнями.
Лодки получались легкими, но не очень устойчивыми
и надежными. БМР — братская могила разведчи-
ков — прозвали их ребята.

Однако первая «скорлупка» ходко пересекла при-ток и под его левым берегом вышла в Волхов. Ша-рапов подал команду на отплытие второй. Ребята замерли на высоких сиденьях, боясь шелохнуться, чтобы не качнуть хлипкое суденышко. В Волхове мощ-ная струя подхватила его и понесла к противополож-ному берегу, к промоине в забереге, которую прода-вила первая лодка.

— Осторожно, не торопитесь,— тихо предупредил Шараров.

Но куда там! Сколько ни отработывали высадку, многие черпанули в сапоги воды.

Бахтина вынесли из лодки на руках. Он должен быть сухим.

— Как у вас? — с тревогой спросил Полуэкт у Спасских.

— Плохо. Хватили бортом.

Шараров примолк: если сорвется первый вариант и придется работать по второму, поиск затянется на неопределенное время. Продержатся ли так долго на декабрьской стыни промокшие ребята?

— Будем переформировывать группы. Всех «су-хих» ко мне,— приказал помощнику командира взвода.

Скоро рядом пристроились Тинибаев, Андрейчук, Карянов, Калинин, Шиканов, Вашлаев, Бербиц, Ску-ба, Латыпов. Еще Бахтин и Спасских. Не все поте-ряно!

При наблюдении метрах в ста от вражеских тран-шей был замечен небольшой обрывчик, подточенный паводковыми водами Волхова. Добрались до него, а дальше, к проволочному заграждению, поползли Ка-рянов, Калинин и оба слухача. Скрылись из глаз, слились со льдистым после недавней оттепели сне-гом. И застопорилось время, переключилось на но-вый ход, потянулись часами минуты.

Карянов лежит на спине, чтобы лучше видеть проволоку, ждет пулеметные очереди и под их шумок у самого столба режет колючку. Калинин удерживает туго натянутую, рвущуюся из рук нить, отводит конец в сторону и приматывает к верхнему ряду. Холодное железо прихватывает, сдирает кожу с пальцев, а перчатки не наденешь, руки без помех должны чув-ствовать ножницы, проволоку, иначе можно и нашу-мечь.

Андрейчуку и Тинибаеву проще. Они слушают, подставляют рогатки под верхние ряды и следят, не тянутся ли от колючки тонкие проводки к минам, не подвешены ли к ней консервные банки? И кажется слухачам, что резак работает медленно, они бы справились с этим быстрее. И Шараров так думает. Поманив за собой Шиканова, выбирается из-под об-рывчика и ползет к заграждению, чтобы подогнать Карянова, а может, и самому взяться за ножницы.

Шесть человек у проволоки, и пройден ее послед-ний ряд. Калинин — его задача обезвредить мины — чертит в воздухе большой круг, и Полуэкт догадыва-ется, что противотанковые. У них могут быть постав-лены три взрывателя. Верхний Калинин вывернул быстро. Бокового не оказалось. А вот есть ли дон-

ный? Боясь подорваться, немецкие минеры, учил са-пер, их ставят редко, но проверить надо, на кусочки раздолбить, раскрошить ножом промерзшую землю, сделать «проход» руке, чтобы она могла ощупать дно мины. Взмок Калинин, пока убедился, что нет дон-ного взрывателя. А сколько на это ушло драгоценно-го времени!

Полуэкт послал Шиканова за группой нападения, и уже подползла она к проволоке, как что-то встре-вожило «Мефодия». Пустил ракету. Сначала в одну, потом в другую сторону побежали от нее по снегу тени столбов и исчезли. Пулемет зачастил. Соседи стали бросать ракеты, и светло, как днем, стало на берегу.

Почувствовав неладное, Лобатов приказал проиг-рать «Катюшу». Соседи притихли, а «Мефодий» го-нит и гонит в ночь ракеты, и одна, не догорев, рас-каленным метеоритом упала у заграждения, подпрыг-нула и угодила на спину Скубе. Дернулся было Костя, чтобы сбросить ее, и застыл в неудобной позе. Масккостюм прогорел мгновенно, зашаяла телогрей-ка. Еще меховой жилет на парне, гимнастерка, теплая нательная рубаха, но долго ли продержится человек с костром на спине? А не выдержит, вскрикнет от адской боли, шевельнется даже — всех изрешетит «Мефодий». Каких-то шестьдесят метров до ствола его пулемета.

Вжались в снег разведчики, слились с ним, не дышат. И Скуба лежит, зажав крепкими молодыми зубами рукав масккостюма и закрыв глаза, чтобы не передалась его боль товарищам и не натворили они чего не надо. Полуэкт непроизвольно тоже хватает зубами свой мокрый рукав. Он уже заледенел, холо-дит пересохший от волнения рот. Стихла оборона врага, догорела в небе последняя ракета. Тут же на-крыли, содрали со спины Кости факел, задавили ру-ками, дыру на телогрейке засыпали снегом. А горе-лой ватой (или мясом?) на всю округу несет. Хоро-шо, что ветер от немцев.

Связисты заканчивали концерт. Над обоими бе-регами неслась песня о родной стране. Под ее шу-мок Шараров добрался до Скубы.

— До лодок сам можешь?

Не разжимая рта, Костя кивнул.

— Там перевяжут, но придется нас дожидаться. Снова кивок.

Надо бы еще что-то сказать Скубе, но не нахо-дит Полуэкт нужных слов и вместо них осторожно, выше локтя, пожимает Косте руку, боясь и этим лег-ким прикосновением причинить боль.

Костя ползет медленно, неестественно прямо дер-жа обожженную спину, то и дело останавливаясь, что-бы перевести дух.

Непредвиденные задержки выбили из графика. «Мефодия» упустили. Через несколько минут пост примет «Николай». Придется ждать, пока он освоит-ся и перемерзнет как следует. Под разрывы немец-кой артиллерии, нащупывающей громкоговорящую установку, отошли к обрывчику.

Пока ползли, чуть-чуть согрелись. Но ненадолго.

Холод шел сверху, от узкого рогатого месяца, и морозил спины. Он донимал снизу, от заледенелой земли. Встречный ветер пробирался в рукава маскостюмов, под шапки, в рукавицы, проникал в голенища сапог.

Перед выходом на задание растерлись спиртом, в портянки заложили сухую горчицу, но мороз усиливался, телогрейки и жилеты давно не держали тепло, ноги пристывали к подметкам сапог, особенно у тех, кто набрал в них воду.

Пролежали час, снова прошли проволоку, минное поле и наткнулись на малозаметное препятствие, противопехотные мины под ним. Сделать проход и обезвредить мины в двадцати-тридцати метрах от бдительного «Николая» нечего было и думать.

Шарапов махнул два раза рукой — вступал в силу второй вариант поиска. «Сухие» отошли к обрывчику, «мокрые» покинули спасительное убежище и сосредоточились у проволоки, где Бахтин успел вырыть неглубокий окопчик.

Выждал Вася, пока «мокрые» отдышались, приготовились к стрельбе и стукнул автоматом о проволоку. «Николай» будто того ждал. Взвились в небо осветительные ракеты, над головами засвистели пули. По пулемету ударили из автоматов. Поперхнулся и смолк. От соседа слева взлетела зеленая ракета и

была продублирована соседом справа. Сигнал опасности и одновременно обозначение места нападения — догадались разведчики и, чтобы сбить вражеских солдат с толку, дали несколько ракет в другом направлении. Немецкая оборона притихла. Хлопают лишь ракетницы.

Разрядив диски, «мокрые» продемонстрировали паническое бегство. Полуэкт бежал с ними последним. У обрывчика, за которым укрывались «сухие», вскрикнул и, изображая раненого, беспомощно взмахнув руками, упал лицом к реке.

По пути к лодке кого-то ранили или убили по-настоящему — было видно, как его подхватили и потащили к лодке. Добежали! Дали красную ракету и не успела она погаснуть, из-за реки понеслись снаряды, стали крушить дзоты и траншеи врага.

Снова все небо в осветительных ракетах, но сколько ни вглядываются оставшиеся на нейтральной полосе разведчики в узкую полосу реки, лодки не видно. Мечется она где-то вдоль берега, спасаясь от огненных струй пулеметов, от мин и снарядов, и неизвестно, доплывет ли до своих. Еще ждать и ждать, терзаться сомнениями, пока не взлетят на своем берегу две зеленых — сигнал о возвращении первой лодки и о продолжении работы по второму варианту.

Взмыли! Живы ребята! Прорвались! Скубу, вероятно, в медсанбат повезли!

Повеселели оставшиеся, сбились в кучу, прижались друг к другу, чтобы хоть так сохранить остатки тепла, и стали ждать, когда начнет действовать Вася Бахтин.

Немецкие артиллеристы постреляли еще немного для острастки и успокоились. И пулеметы замолчали: русские разведчики убежали, остаток ночи пройдет спокойно. Можно и о доме подумать и на звезды полюбоваться.

А поиск продолжался. Сначала тихо, потом громче и с такой болью в голосе, что показалось, будто и на самом деле ранен, застонал Вася Бахтин. Правдиво стонать его учили долго и ничего не получалось, а тут откуда что и взялось. Не может здоровый человек изобразить такую боль, разве что перемерзз окончательно.

Будь проклята эта ночь и чертовы фрицы! «Раненый» разведчик у самого дзота остался, а они носа из траншеи бояться высунуть. Несколько раз подал голос Бахтин — не идут. Галдеж только устроили. Может, не знают, как пройти минное поле и послали за саперами?

Пристыли к спинам гимнастерки, свело руки и ноги, заоченели тела, но надо лежать и ждать. Жда-ать! Шарапов не сводит глаз со светящихся стрелок трофейных часов. Еще пятнадцать минут, десять, пять, три, минута, и он даст команду на отход. Проходит это время, назначает новое: тридцать секунд, еще тридцать... Последний раз — три минуты, — и пропади все пропадом! Но истекает и этот срок, а он снова медлит.

Приглушенные голоса? Скрип снега под ногами? Неужели пошли? Идут!

Точно идут! Уже видно!

Автоматная очередь у проволоки! Из ППШ. Бахтинская! Скорее туда, пока нет ракет, пока не разобрались фрицы, в чем дело. Каким-то чудом ожили ноги, стали послушными тела, сердце захлестнул азарт. Второй вариант прошел: трое, скошенные очередью, на снегу, четвертый пытается вырваться из-под Бахтина.

Связывать и заталкивать кляп некогда. Схватили пленного за руки и ноги, побежали.

От множества ракет ночь вновь превратилась в день и рвут ее пулеметные очереди, разрывы мин и снарядов. Поняли немцы, как их перехитрили, неистовствуют.

Недалеко уже до реки, но и пулеметные очереди вот-вот перекрестятся на отходящих. Сошлись, прижались к земле.

— Командир, пленного ранили! И наших троих!

— Бербиц!

Бербиц тигром метнулся к немцу, поднял на руки и побежал, защищая спиной от новых пуль. Ребята подхватили раненых. Быстрее, быстрее к лодке! Едва прыгнув под обрыв, Шарапов кинулся к Бербицу:

— Живой? — Это о пленном.

— В грудь ранило. Хрипит пока.

— Неси в лодку. Осторожно.

Лодка отчалила от берега и закружилась, зануряла, кренясь то на один борт, то на другой, среди рвущихся к небу фонтанов воды, возникающих и исчезающих на глазах водяных воронок.

Полуэкт проснулся от негромкого разговора. Карянов попытывал Бахтина:

— Вася, а ты каким приемом его свалил?

— Каким? — хмыкнул Бахтин. — Я так продрог, что все приемы забыл. Сбил как-то, прижал к себе, чтобы ножом не пырнул, и молил бога, чтобы вы скорее прибежали.

— А если бы их больше пришло?

— Вначале я тоже этого боялся, а потом, думаю, пусть хоть взвод, лишь бы поскорее. Как вспомню, чего мы натерпелись и все коту под хвост пошло, так заплакать хочется. Я еще в лодке знал, что «язычок» наш на тот свет отправился, но не хотел расстраивать командира.

Классическую разведку провели, а вернулись снова с одними документами. Вспомнил Шарапов, как уходили в поиск, и того горше стало. А уходили необыкновенно. Разлили по кружкам водку, постояли тесным кругом, спели «Волховскую застольную» и поставили кружки до возвращения.

У лодок командира полка увидели. Сам отдал приказ на разведку и пожелал успеха. Совсем воспрянули духом, поверили, что захватят пленного, и взяли, а привезли никому не нужный труп. Нелепая случайность или снова допустили какую-то ошибку? Пожалуй, не надо было в кучу сбиваться. Поташил бы «языка» один Бербиц, может, и обошлось, а возможно, и еще хуже получилось. Нет на этот вопрос ответа. И не будет. А что невезучий он, Полуэкт Шарапов, так это точно. Не одно, так другое, и все к нему прилипает.

Перевернулся на другой бок и охнул. Каждая мышца болела и ныла, словно его цепями молотили.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1.

Всю осень дивизию готовили к наступлению. Полки поочередно выводили в тыл на учения с боевыми стрельбами, с точным подсчетом пробитых мишеней, разбитых дзотов, разрушенных ходов сообщений. Приучали пехоту ходить вслед за огненным валом, и поняли солдаты, что так и надо наступать: безопаснее и надежнее.

А взвод Шарапова в середине декабря почему-то перебросили под Новгород, в район бывшей деревни Городище, где во время похода на Новгород останавливался Иван III, а позднее чинил расправу над непослушными боярами Иван Грозный.

Разведчики должны были наблюдать за противником и засекаать его огневые точки. Пришли на новое место ночью и ничего как следует не рассмотрели.

Утром первым делом поднялись на вал недостроенной дороги и ахнули: до города рукой подать, и через Волхов шагают на тот берег быки недостроенного моста.

Поначалу освещенный лучами восходящего солнца, запорошенный свежим снегом, украшенный десятками белоснежных церквей Новгород показался целехоньким, однако первая радость узнавания длилась недолго: сколько ни смотри в бинокль, целого здания не увидишь. Мертвый город простирался перед разведчиками. Черные трубы над сгоревшими крышами, просматриваемые насквозь остовы разрушенных зданий, сбитые, искорверканные маковки церквей.

Вражеская оборона начиналась на той стороне реки Юрьевым монастырем, левее которого, виднелось озеро Ильмень, напротив быков подходила к берегу несколькими дзотами на валу. С юго-восточной части город прикрывал старинный земляной вал, а перед ним, на вытянутом с юга на север острове между рукавами Малого Волховца, Лешошней и Правосшней, подступы к валу сторожил Кириллов монастырь.

Шарапов разыскал командира местной роты и убедился, что огневые точки фашистов он знает плохо.

— Да и вы их не засечете. Сегодня стреляют из одной, а завтра из другой. У них в каждом доме по несколько амбразур приготовлено, любая церковь — и наблюдательный пункт, и пулеметное гнездо. Последнее время и совсем редко стреляют, — уверял командир роты.

Одна землянка, для Лобатова, нашлась. Другую пришлось строить. Два дня не разгибали спины, но едва затопилась печка, едва потеплело в новом пристанище и разобрали места на нарах, поднялся Бахтин:

— Кто хочет побороться на сон грядущий, за мной.

— Кто желает поползать, на выход, — позвал Шиканов.

— У кого есть еще силенки меня из траншеи выбрасывать, прошу до меня, — пробасил Бербиц и, не увидев желающих, пожаловался: — Командир, они боятся.

— А ты не очень свою силу показывай, — посоветовал Шарапов. — Идем. Охотники найдутся.

После первого срыва Бербиц поутих и хорошо прижился во взводе. С ним стало веселее. Повесят носы ребята, Миша им парочку анекдотов подкинет — и смех в землянке. Нравилось и то, что он умел подтронуть над собой. Первыми начинали смеяться глаза, поглядывая на собеседников хитровато и с обещанием — сейчас ошарашу! — потом начинал подрагивать горбатый нос и слышалось хорошо знакомое: ги-ы.

Один недостаток был пока замечен за Бербицем — он боялся снарядов. «Если и погибну, то от артиллерии», — говаривал он и скорбно клонил нос к губе. У всех в памяти был недавний случай на занятиях. Немцы повели обстрел, но снаряды ложились так далеко, что никто и бровью не повел. Бербиц же сразу прыгнул в окоп и залег там намертво. Потом разры-

вы приблизились, и все, чем черт не шутит, тоже укрылись в окопе. Один Бахтин остался наверху, стоял на бруствере, покусывал соломинку и пытался «завязать» разговор с Бербицем: «Миша! Мишенька, вылезай ко мне, маленький. Я тебе бумажку дам, ты закуришь моего табачку, у меня даже спички есть». Ребята хохотали, а Бербиц даже не огрызался. И раньше, стоило на немецкой стороне раздаться орудийному выстрелу, Миша начинал искать для себя спасительную яму. Можно было просто крикнуть: «Летит!» — и он бросался на землю. От таких шуток ребят отвалил Вашлаев:

— Чего ржете? Он большой, а в большую мишень и попаданий больше, — сказал шутливо, ероша на голове жиденькие волосы, а когда стали возражать, спрашивать, почему Бербиц пулеметов не боится, разъяснил уже серьезно: — Он вам говорил — пуля его не берет. Это проверено — с прострелянной грудью сам до своих дополз и в госпитале два месяца всего пролежал. А на снаряды у него предчувствие. Будто у вас его не бывает.

Разведчики были суеверны, в приметы верили и перестали подсмеиваться над Бербицем: пусть чудит, кому от этого плохо?

Лобатов вернулся из полка озабоченным:

— Ермишев далеко, но нас не забывает, — сказал Полуэкт. — Приказал еще одни занятия провести: сходить на тот берег Ильменя.

— И все?

— По пути проверить состояние льда на озере. И доложить.

На это задание Шарапов взял с собой новеньких и Бахтина с Каряновым. К вечеру, перед выходом, занялся легкий ветерок, пошел снег. Без происшествий сходить можно, не таясь, но Лобатов такой погоде не обрадовался:

— Была бы моя власть, отменил вашу прогулочку, да наверху приспичило, — сказал хмуρο.

— Почему бы отменили? — не понял Шарапов.

— Да потому, что буран будет.

— Пойду уточню у Тинибаева.

— Ты мне эти шуточки брось, — рассердился ПНШ-2. — Тут наша разведка уже блуждала. На Северо-Западном, под Старой Руссой вышла. Свои едва ее не побили. Так что глаз с компаса не спускай и предупреди, чтобы тебя контролировали.

Ширина Ильменя в месте перехода около трех километров. На случай если кто провалится, прихватили веревку. Распустить же и взяться за нее пришлось на своем берегу: погода резко испортилась, все смешалось в непроглядной мгле и злой круговерти.

На озере и совсем почувствовали себя ничтожными и беспомощными. Ветер хоть руками раздвигай, тело ощущает каждый шов на одежде. Провалишься, так никто не увидит и не услышит, разве что веревка спасет. А толку от этого. На таком ветродуе все равно загнешься. Осторожно шли, ощупью. Лед при подходе к западному берегу стал истончаться. Сказывалось течение Волхова. Пришлось растянуться,

чтобы не угодить двоим, а то и троим в одну полынью, и ползти.

Шарапов вытащил нож, ударил им в полсилы и пробил лед насквозь. Снова ударил — то же самое. Помедлил, соображая, стоит ли двигаться дальше, но приказ был «сходить на тот берег», а не просто «побродить по озеру». Надо его выполнять. А если кто провалится? Не отогреть ведь и всей кучей. Лед, словно живой, изгибался под телами, но командир полз вперед, и разведчики тянулись за ним. По одному, с облегчением, только теперь понимая, какая беда их миновала, выбирались на землю.

На берегу отдышались, покурили не торопясь и без опаски — в такой темени немецкие часовые не рассмотрят огоньки сигарок. И еще полежали — не хотелось снова ступать на ненадежный лед. Вперед он пропустил. Выпустит ли обратно? Двинулись, наконец, по своим следам, растянувшись еще более, поползли с великой осторожностью, не дыша, расплываясь, чтобы хоть этим уменьшить нагрузку на лед. Поднялись, не веря в свое спасение, лишь почувствовав надежную твердь под ногами.

Погода стала еще хуже. Ветер изменился и дул с севера, снег превратился в крупку. Она больно била по глазам. Шли, отвернув от нее головы, защищая руками лица. Скоро берег, по нему до землянки доберутся быстро. От этой мысли и сил вроде прибавилось, и чуть посветлело, показалось Шарапову, будто луна пробилась толщу туч и дала ничтожный свет земле. Он оторвал левую руку от глаз, чтобы взглянуть на компас, и увидел немцев. Немцы шли левее, и до них было не более десяти метров! В белых маскостюмах, с автоматами наперевес.

Вражеская разведка!

Тело стало невесомым, сердце, сделав громадный скачок, застряло где-то у горла, дыхание затаилось. В такие минуты мозг работает с быстротой молнии: «Немцы заметили их раньше. Они подошли с наветренной стороны и находятся в более выгодном положении, а огня открывать не собираются, давая этим понять, что хотят разойтись. Он обнаружил их случайно, ребята могут и не видеть. ППШ у всех за плечами, пока их достанешь... Надо пропускать!» Десятки других «за» и «против» пронеслись в голове и правая рука, впившаяся пальцами в веревку, готовая дернуть ее, замерла, ноги продолжали идти в том же размеренном темпе.

Передний, офицер, поравнялся с Шараповым, смотрит в упор. И другие вцепились глазами. Второй миновал, третий, пятый, седьмой, десятый, двенадцатый. Последний скрылся в ночи.

Разошлись!

Вздыхнул полной грудью и, увлекая за собой разведчиков, бросился влево, чтобы оказаться с наветренной стороны. Упал с автоматом наизготовку. В ту же секунду, еще не понимая в чем дело, залегли все.

Лежал, до рези, до светлых огоньков в глазах всматриваясь в метельную мглу: немцы могли уклониться от боя, не зная, много ли русских, теперь,

убедившись, что силы почти равны, могли и переиграть.

Немцы огонь не открыли, и Полуэкт начал сомневаться, видел ли он их. Спросил у ребят. Они засмеялись и недоверчиво закрутили головами — мало ли что померещится в такую погоду.

— Тогда и мне «померещилось». Рядышком прошли, — возразил Карянов.

Разведчики не поверили и ему. Тогда Полуэкт приказал искать следы. Они нашлись и привели к берегу. Метрах в ста от него вражеские разведчики стояли кружком и пошли назад. Похоже, тоже состояние льда проверяли.

Всю оставшуюся дорогу Полуэкт шел в подавленном состоянии. Встретились две разведки и благополучно разошлись, как расходятся на многолюдной улице случайные прохожие. Ни читать, ни слышать ни о чем подобном ему не приходилось. Да и возможно ли такое, допустимо ли? Разведчики шли с этими же мыслями и потому просили утанть от Лобатова о случившемся:

— Ему это знать ни к чему.

— Опять ярится будет.

Полуэкт и хотел промолчать, но не смог, и все, как на духу, выложил Лобатову. Ждал, что полезут вверх тонкие брови ПНШ-2 и сломаются в негодовании. Полезли и сломались, но по другой причине:

— Правильно поступил. Молодец!

Полуэкт не поверил своим ушам и спросил первое, что пришло в голову:

— А почему немецкий офицер не навязал нам бой?

— Да потому, Шарапов, что он вас тоже в самый последний момент увидел, иначе обошел бы стороной, и понимал, что ты начнешь с него, а умирать дуриком кому хочется? Побили бы друг друга гранатами, порезали автоматами и все на льду остались. Пронесло вас от такой беды, что ты и не представляешь.

Полуэкт недоуменно помаргивал воспаленными, избитыми крупкой веками, все еще виновато улыбаясь, а Лобатов продолжал:

— Есть такая поговорка: «Умный найдет выход из затруднительного положения, а мудрый не попадет в него». До мудрости тебе далековато, в уме же на этот раз не откажешь. Иди, отдыхай.

Разведчики не спали и встретили командира настороженным молчанием.

— Все в порядке. Даже похвалил, — сказал Полуэкт.

— Не может быть! И не ругался?

— Я вам враг когда-нибудь?..

Полуэкт долго не мог согреться, все кривился на нарах и кутал в шинель ноги. Заснул позже всех и снились ему немцы. Шли они гуськом по льду озера в ясный солнечный день и было их так много, что последние еле виднелись, а ему отказали и руки и ноги, не мог даже до гранаты дотянуться. Но и немцы не стреляли, проходили мимо, чтобы оставить у себя в тылу и взять в плен живым.

Проснулся весь в поту. Вашлаев только что смеялся с поста и вовсю раскопегарил печку. Он брился. И так ловко у него это получалось, что Полуэтку тоже захотелось попробовать. Пора было и начинать — уже и усы чернели и о подбородок рука колослась.

Бритва была острой и без порезов не обошлось, но был доволен. С лицом, украшенным бумажными наклейками, показался себе очень даже значительным и взрослым. Несколько седых волосков в висках заметил и совсем обрадовался. Еще позаглядывал в обломок заркала и чуть не хватил себя по лбу: день рождения у него сегодня!

Сказать ребятам? Не стоит, пожалуй. Если бы двадцать исполнилось, еще лучше двадцать один, другое дело, пока же лучше помалкивать. А вот домой, в городок Данилов, хоть на часок заглянуть, отца с матерью, сестренек повидать захотелось до смерти. И как наяву увидел всех, дом свой, сквер, в котором играл с ребятами в сыщики-разбойники, школу, лыжню, что, поплутав по городу, в лес уводила.

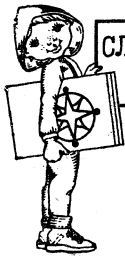
Он любил и уважал отца, а мать считал необыкновенной женщиной, подлинным самородком. Она вышла замуж из большой семьи и работу знала всякую, а расписаться не могла. Стала учиться. Сначала ликбез закончила, потом на домашний рабфак поступила, а когда ему исполнилось десять лет и родились двойняшки, Аля и Вера, мать решила, что ей надо учиться и дальше. Кто будет помогать детям, если сам все время в разездах? Пошла в вечернюю школу. И очень гордился Полуэкт, что перед этим она не с отцом, а с ним посоветовалась: «Возьмешь на себя новую обузу, — пойду, а откажешься, так не знаю, что и делать. Нинушке бы надо нянчить, девчонка все-таки и на год всего младше, но с тобой мне как-то надежнее».

Зашлось сердце от такой похвалы и доверия такого, пообещал: «Учись, чего уж там. Я справлюсь». И справлялся. Вечерами с маленькими сестренками возился, днем и в школу успевал сходить, и в магазин за продуктами, и уроки приготовить, и в футбол поиграть, и на лыжах походить.

Хорошая жизнь была до войны. В детстве.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

БЕССМЕРТНЫЙ

● Председатель подпольного колхоза

● Большая дружба связывает ребят из 450-й московской школы с ветеранами 31-го танкового корпуса. А началась она со знакомства с Евгенией Григорьевной Нерод, бывшей разведчицей - мотоциклисткой, — о ней первой следопыты собрали сведения. Тринадцатилетняя поисковая работа увенчалась созданием школьного музея, посвященного боевому пути этого соединения.

● 16-я школа белорусского города Барановичи знаменита тем, что в ней был открыт первый в республике школьный музей имени Н. К. Крупской. В его экспозиции более 160 экспонатов. Переписка и воспоминания ветеранов ленинской партии занимают в музее видное место. Особый раздел посвящен уроженцам Белоруссии — соратникам Н. К. Крупской.

● В поселке торфяников Поверстное Ивановской области помнят героиню-подпольщицу Нину Таланову. Родилась Нина на Ярославщине, в Ивановскую область приехала перед войной по распределению — фельдшером. На фронт ушла добровольцем, была ранена, вместе с другими военнопленными попала в одну из фашистских больниц. Ей удалось наладить связь с партизанами — она тайно передавала им медикаменты, от них получала информацию о положении на фронтах. Была арестована в мае 1943 года и замучена в фашистском застенке. Школьники из Кладовской школы на Ярославщине и в поселке Поверстное Ивановской области собрали материалы о короткой и яркой жизни молодой подпольщицы.

Вместе с фашистскими приказами — медленно сдать оружие, докладывать о всех коммунистах, комсомольцах, активистах — был оглашен и такой приказ: колхоз навсегда отменяется. Тем не менее колхоз в Зловодке и окрестных селах Калужской области существовал... Это беспрецедентный случай в истории войны: подпольный колхоз «Ленинская искра» на оккупированной врагом территории работал с момента оккупации в 1941 году до 9 сентября 1943 года, когда в Зловодку вступили части Красной Армии.

Организатором колхоза была молодая сельская учительница комсомолка Ефросинья Дмитриевна Андриюшина. Вопреки законам «нового порядка» колхозники не делили землю, лошадей, инвентарь. Семена к посевной заготавливали и прятали по избам, в надежных укрытиях. Не было знающего агронома — снарядили посланца в партизанский лес, к Семену Петровичу Минченкову; он посоветовал, на каком участке, в какие сроки сеять. Пахали и боронили на себе, сеяли вручную из лукошка. Фашистов, под носом у которых выполнялся план полевых работ и даже была создана ремонтная бригада, обменивали: посеянную площадь занижали до минимума. А когда наступала уборка урожая, подпольные колхозники прямо в поле в присутствии членов правления распределяли зерно — только скорее уноси и прячь... Господствки выполнялись: хлеб увозился в знаменитый Раменский лес, к партизанам. Государству, то есть партизанам, колхоз передал 820 пудов зерна, 120 пудов мяса, 40 лошадей, 30 коров. Приходилось, конечно, поставлять продовольствие и фашистам, но их обозы почему-то всегда оказывались разгромленными где-то в пути...

Гитлеровцы чуяли неладное. Они постепенно выходили «на центр» правления. Уже взяли члена правления Анастасию Авдееву, колхозную разведчицу Полину Минченкову, активистку Александру Гришакову. И добрались, наконец, до Фроси Андриюшиной... После пыток и издевательств в Рославльской тюрьме гитлеровцы расстреляли Ефросинью Дмитриевну Андриюшину 2 октября 1942 года.

Подпольный колхоз продолжал жить и действовать и после гибели своего председателя. После Фроси его возглавляли сначала Мария Дмитриевна Яшина, затем Александра Михайловна Дроздова, подруги Андриюшиной.

Неведомая страница Отечественной войны, рассказывающая о существовании подпольного колхоза, подтверждалась воспоминаниями жителей Зловодки, быв-

ших командиров отрядов, действовавших в Раменском лесу. Долгое время не могли найти никаких колхозных бумаг — а они были, у Фроси была даже печать. Очевидцы утверждали, что первый протокол записывался в книге, между строк. Фрося строго-настрого запрещала членам правления что-либо записывать, все колхозные бумаги составлялись и хранились с соблюдением правил конспирации.

И все-таки они отыскались... Оказались зашитыми в старом Фросином полушубке, который десятилетия пролежал на чердаке избы Фросиной золовки, тоже колхозницы Феклы Ивановны Тимошенковой: протокол первого заседания правления, ведомости на оплату трудовой, заявления и решение собрания о приеме в комсомол семерых деревенских ребят...

● «Двойная игра»

Дом на Феодосийском шоссе в оккупированном Симферополе обращал на себя внимание многих. Что ни день, то в нем гости — и все фашисты. Запросто ходят офицеры, хозяйка раскатывает на их машинах; говорят, у нее есть даже постоянный пропуск, дающий право свободного хождения по городу в любое время суток... Хозяйка дома Людмила Скрипниченко — женщина яркая, красивая...

Только одна Людмила и знала, каково это — шуметь с «гостями» на парадной половине, когда на другой, явочной партизанской, тихо притаились свои люди. Для своих у нее было другое имя — Людмила Лесная.

Немало людей спасла Людмила от угона в Германию, от застенков гестапо, проводила в лес, к партизанам.

Ее выдал провокатор после очередного большого карательного прочеса. Людмилу допрашивали, пытали, предъявили ей список, чтобы она опознала по нему связанных, явки, партизанские связи. Из тюрьмы она вышла измученная, с выбитыми зубами, кашляла кровью. А потом начались повальные аресты. Никто не хотел понять, что вместе с Людмилой было взято множество людей — отношение к ней в городе изменилось, на нее стали коситься как на предательницу.

В книге А. И. Козлова «В Крымском подполье», вышедшей вскоре после окончания войны, Людмила Скрипниченко была изображена предательницей.

Истину установил заведующий партийным архивом Крымского обкома партии Иван Петрович Кондранов — капитан в отставке, инвалид войны, историк по образованию. Это он добыл нужные свидетельства очевидцев. Людмила Лесная-Скрипниченко не только не выдала никого

ПОДВИГ

из названных в списке, но каждого по-старалась предупредить о грозящем аресте. Она еще не раз передавала партизанам сведения, которым не было цены. Гитлеровцы устраивали ей очные ставки с арестованными, с людьми, проходящими проверочные фашистские кордоны,— Людмила никого не опознала, на все вопросы отвечала: «Нет, не они». С ее помощью только за одни сутки из Симферополя ушло человек двадцать подпольщиков...

Много лет спустя были установлены предатели, которые за 50 дневных фашистских пайков выдавали наших людей. А Людмила, в «двойной игре» которой гитлеровцы все же убедились, была расстреляна.

Честь Людмилы Скрипниченко восстановлена. Теперь ее именем названа улица в Симферополе, отходящая от Феодосийского шоссе. На посетителях краеведческого музея смотрит с фотографии ее лицо. А у дочери Людмилы хранится медаль «За отвагу», которой бесстрашная разведчица награждена посмертно.

● Родительский дом

Девять сыновей было у Епистинии Федоровны Степановой, жительницы хутора Первомайского в Краснодарском крае. И все девять погибли за Родину в Великую Отечественную. Самый младший, Сашка-«мизинчик», стал посмертно Героем Советского Союза.

Оценила Родина материнскую утрату, материнский подвиг. Епистиния Федоровна была награждена орденом Отечественной войны. Не забывали ее при жизни односельчане и ветераны, юные школьники и седые генералы. Маршал Гречко прислал ей в подарок оренбургский пуховый платок. А участники героико-патриотической экспедиции «Материнская слава», пионеры и комсомольцы, восстановили подворье и дом Степановых в хуторе Первомайском: подняли сызнова камышовую изгородь, бережно собрали все раздаренные Епистинией Федоровной вещи и внесли в дом—чтобы все здесь было, как «тогда», когда девять сыновей были живы.

На родине матери-героини, в станице Днепровской, поднялся обелиск Славы, олицетворяющий всех скорбящих матерей 657 станичников, погибших в войну. Их имена высечены на мраморе, в том числе и имена братьев Степановых. И рядом—могила их матери. Девять печальных урн с прахом сыновей сторожат ее покой. Скорбит над ней плакучая ива. Ярко алеют на каменной плите тюльпаны и гвоздики...

● Бабушка Катя—смоленская Зоя...

Нет сейчас деревушки Навилье в Смоленской области—на ее месте разлилось искусственное водохранилище. Но была она, и был там колхоз, жили люди—в сорока пяти километрах от ближайшей железнодорожной станции. И даже был свой, народный театр... Руководила им бабушка Катя, Екатерина Михайловна Михайлова. Была она режиссером, актрисой, директором, драматургом—всем вместе. В одной из своих пьес как-то играла сразу две роли—свекрови и пастушка, и так играла, что в образе мальчика Вани даже односельчане не могли ее узнать. Кроме «Пастушка», написала Екатерина Михайловна еще пьесы—«Переживание женщины», «Пожар» и «Расцвет жизни». Спектакли эти шли с успехом и в районных центрах, а саму Екатерину Михайловну даже приглашали в Москву, где она была принята Н. К. Крупской.

11 октября 1941 года Навилье захватили фашисты. Бабушке Кате в тот год стукнуло 68 лет. Ни малейшего страхаужаса не испытала она перед врагами. Однажды за селом встретила красноармейцев, выходящих из окружения. Провела тайком в свой дом, накормила, согрела, проводила знакомыми ей тропинками, указав дорогу к линии фронта.

Оставили красноармейцы бабушке Кате радиоприемник, научили обращаться с ним. Старушка слушала голос Москвы, а потом рассказывала новости жителям деревни. Привлекла она к этому бывших своих кружковцев. Им удалось наладить связь с местными партизанами, с группой чекистов, заброшенной в тыл врага. Бабушка Катя передавала сведения о количестве солдат, машин, пулеметов, еще не один раз уводила за линию фронта окруженцев.

Как ни осторожна была Екатерина Михайловна,—выследили ее фашисты. Били, босую держали на тридцатиградусном морозе... Все нашли враги: радиоприемник, рукописи пьес, газетные статьи. Они расправились с бесстрашной патриоткой, но добыться от нее ничего не могли...

Подвиг Екатерины Михайловны Михайловой не забыт на смоленской земле. Учась в Субботниковской школы создали музей ее имени. А в Гагаринском краеведческом музее, рядом с портретами выдающихся земляков—Веры Засулич, Петра Алексеева, Юрия Гагарина, висит и портрет бабушки Кати—смоленской Зои Космодемьянской...

● Поисковая группа комсомольцев города Орла обнаружила останки самолета ЯК-9 в районе деревни Бетово. Эксперты установили имя пилота—Антонина Васильевна Лебедева, летчик 65-го истребительного полка, воевавшего в составе Первого Минского авиакорпуса. Тридцать девять лет спустя семья Лебедевых узнала, что дочь их погибла в бою, а не пропала без вести, как считалось все эти годы. Сейчас точно установлено, что самолет Тони погиб в бою 17 июля 1943 года, во время тяжелых наступательных боев на Орловском плацдарме. За время этих боев было уничтожено 498 фашистских самолетов. Из ста двенадцати погибших советских пилотов многие до сих пор считаются не вернувшимися из боя, то есть без вести пропавшими.

● Каждое утро встречает школьников Крупского района девушка в полушубке, шапке-ушанке, с автоматом через плечо—девушка, ставшая памятником,—Герой Советского Союза Елена Колесова. Московская пионервожатая Колесова была заброшена в 1942 году в Белоруссию, уже имея награды и опыт боев в Подмошкowie. За голову «красной бабы с орденами» гитлеровцы сулили тридцать тысяч марок, две коровы и литр водки... Алешка-атаман—так звали Елену в партизанском отряде—пускала под откос вражеские эшелоны, громила с товарищами фашистские гарнизоны. Елена Колесова погибла в бою.

КАК НА ПРАЗДНИКЕ

ЯРКОМ ЖИВУ!..

Людмила
ТКАЧЕНКО

Я люблю...

Я люблю! Я люблю бесконечно,
Как на празднике ярком живу!
Расступись перед чувствами, Вечность,—
Я вместить тебя в сердце могу.
На венец

звезды дай в украшение,
Млечный путь подари для фаты,
Чтобы мир онемел в изумлении
От такой неземной красоты!
...Только эти желанья — пустые,
И слова — есть всего лишь слова.
Я — простая девчонка России,
И густа моих глаз синева,
И не звезды — веснушки на щечках,
Небожественен маленький нос...
А стою на земле своей прочно,
На лугу в сизых бусинах рос.
И зеленой, точеною гранью
Засверкал каждый стебель, лучась.
«Я люблю...» — говорю утром ранним,
И любовь моя в утро впелась.

Половодье

Речка взбесилась — ливень помог,—
Вот взбунтовалась природа!
Все затопило: ни троп, ни дорог,
И не отыщешь брода.

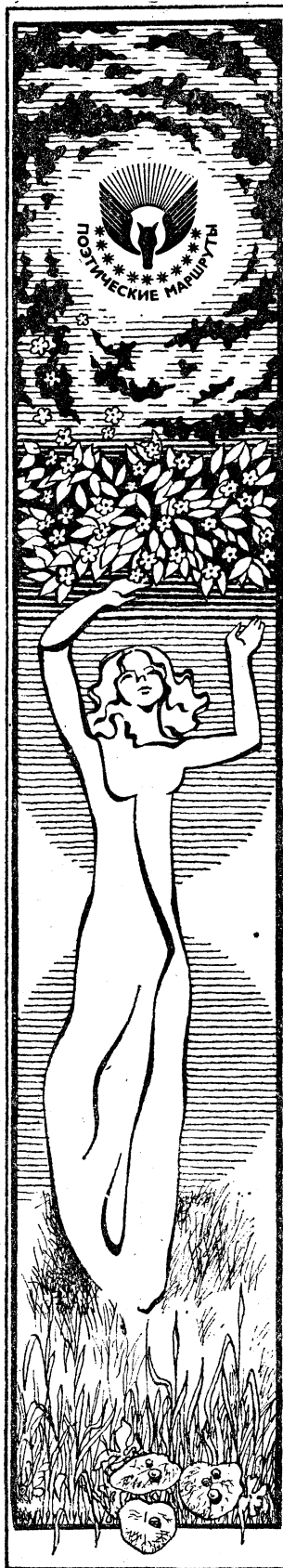
Даже на небе сорвало мосты
И унесло далеко,
И разлученные две звезды
Спят на холмах одиноко.

Игорь
САХНОВСКИЙ

* * *

И вдруг в середине апреля
река затопила сады,
и яблони оторопели,
предчувствуя страх высоты:

едва только сад шелохнулся,
блаженную спячку прервал,—
у самых стволов распахнулся
сияющий синий провал.

Деревья вдохнули чуть слышно
и, больше не в силах тянуть,
стремительно и неподвижно
поплыли — отправились в путь.

Вода прибывала без звука.
Но я в тишине различал,
как стонет большая разлука
в глубинах счастливых начал.

Я знал, что на самом-то деле
за всем этим кроешься ты.
Была середина апреля,
река затопила сады.

* * *

Научи, как притронуться мне
к беззащитной твоей тишине,

как дышать твоим воздухом ранним,
чтоб его не смутить, не поранить.

Ты несешь изумленную грусть,
словно песню молчишь наизусть.

Словно речка пронесится мимо.
А тоска по ней неутолима.

И я понял: ты вечно права,
как в заплаканном поле трава,

как залетная птаха-шептунья,
безголосого счастья певунья.

...И деревья, и ласточки эти
дышат самой высокой судьбой,—

но глядят и робеют как дети,
говорят: — Мы родные с тобой.

* * *

Шевельнулся звездный осколок,
человек содрогнулся впотьмах.
— Долог путь мой, но век не долог.
(Будто нет нас в других временах...)

Допотопный птичий порядок
так тревожен, так близок вдали.
— Сладок труд мой, но хлеб не сладок.
Будто отнял я что у земли...

Будто в нас над обрывом железным
бытие раскололось опять.
Кто же будет мостить эту бездну,
эти дыры собою латать?

Мы поймем не случайно, не сразу,
как природа, в надежде живой
развязав человеческий разум,
выдавала себя с головой.

Нам доверия выше не будет.
Видишь, небо рискует собой...
Час наш пробил — и мы уже люди,
мы пока еще люди с тобой.

**Владимир
СИБИРЕВ**

* * *

Две тучи,
Словно два слона,
Сошлись над старым садом.
Та и другая сторона
Лишь обменялись взглядом,
И —
Град обрушился на сад
Из-под косматых ливней!
...А может, это был не град —
Осколки белых бивней?

**На партизанской
тропе**

Памяти Героя Советского Союза партизана-чекиста Сергея Ивановича Солнцева, зверски замученного фашистами в 1941 году.

Ноябрь по Подмоскovie
Держит путь.
То горстку гильз находит он в овраге,
То плоский штык,
То каску на коряге,
То мрачный дот
Ему упрется в грудь...
И возникают в памяти тотчас
Эсэсовцы, глумящиеся пьяно
Над пленником.
Безмолвие партизана.
Трагическая иступленность глаз.
...Коптилка трепетала воспаленно.
Знать гитлеровцам было не дано,
Что за его спиной
Боррдино
И в двух шагах полки Багратиона.
...В глухом застенке
Щели очага
Еще дымили вкрадчиво и едко,
Но в маскхалатах
Шла уже разведка,
Подобно вьюге,
По тылам врага.

На хлебных трассах

У военного водителя
Взгляд внимателен и строг.
Видно, выдался в родителя
Соль-илецкий ларенок.
Распахнув кабину тесную,
Он туда спешит сперва,
Где пшеницей полновесною
Распирает кузова.
Парень знает цену вороха.
Помнит он, садясь к рулю,
Что без хлеба
Сила пороха
Часто

сводится
к нулю.

**Алексей
ЩЕРБАКОВ**

Ода паровозам

Горьковатый дым от паровоза...
Показалось... Их уж нет давно!
Видим горделивые их позы
Лишь в газетах старых да в кино.

Короли пространств — с султаном пара,
В ярко-алой мантии колес,
С огненным дыханьем... Нет, не даром
Облик их тревожил нас до слез!..

Снега хруст. Поселок в Зауралье.
К станции вперегонки, гурьбой
Мы бежим — занять места заранее...
Гул рождался в дымке голубой;

Затаив дыханье, ждем... И в туче
Снежной пыли, с грохотом, на нас
Из-за гор летел дракон могучий,
Змей Горыныч — огненно-трехглаз!

И сипя, натужно, сажей, пеплом
Сыпля ввысь, взревев, как сто быков,
В нас дохнув из топки жарким ветром,
Маслянистый, потный весь с боков,

Паровоз состав километровой
На подъем, в лесную даль волок...
Знали мы, куда: в шинели новой
На платформе каждой был стрелок.

Мы махали шапками худыми,
Глядя вслед, душой летя ТУДА,
Где отцы, что были молодыми,
Ими и остались навсегда...

Паровоз, трудяга лет военных!
Мирных лет... Куда ж ты делся, друг? —
Та же ширина путей железных,
Те же шпалы... Что случилось вдруг?

Вместо свиста пара — лишь гуденье
Ровное бескрайних проводов...
Да, высоковольтно напряженье,
Да, электросила лучше дров,

Но душой я там, в поселке горном,
И тоскует сердце без огня...
Чу, гудок!.. И пар — султаном гордым!
В детство, паровоз, умчи меня!..

Рисунки
Е. Охотникова

Иван Тарасович Сердюков

ДОРОГА НА ПЬЕДЕСТАЛ

Юрий
АЛАН

Фото
О. Капорейко

Иван Тарасович Сердюков работает на тракторе одной марки пятьдесят лет! Наверное, немного в стране подобных примеров...

Рос в бедняцкой семье, в селе Талы Воронежской области. Отец умер от ран вскоре после гражданской войны, и Ваня Сердюков стал жить в семье дяди. Трудился с малолетства. Восьмилетним мальчишкой пас овец, помогал взрослым на молотье. Это была еще домашняя эпоха в деревне. Пара «Фордзонов», которые пришли в село в конце двадцатых годов, стали большим событием, но революции в крестьянском труде, конечно, не сделали. Колхоз вытягивали по-прежнему лошадки.

Однако город готовил бесповоротный переход к механизации сельского хозяйства. В 1933 году Харьковский тракторный завод имени Серго Орджоникидзе достиг проектной мощности. На полях страны появились тысячи неприхотливых, сильных по тем временам колесников с маркой «ХТЗ». К тому году Иван уже закончил курсы трактористов. И весной впервые сел за руль харьковского колесника. Ему было восемнадцать...

Потом служба в армии, снова колхоз. А перед самой войной, откликаясь на зов времени, он едет на Урал — укреплять горную промышленность. Ведь все начинается — и производство тракторов — с руды, с металла. Так Иван оказался в уральском городке Дегтярске, где шахты добывали медь. И тут-то в первые годы войны Сердюков собрал из металлолома, свезенного с мест боев, свой «ХТЗ», на котором работает в ремонтно-механическом цехе Дегтярского рудоуправления по сей день.

Давно переменялось время. Теперь иная психология. Трактористы непременно стремятся сесть за руль машины самой новейшей марки. И заводы постоянно обновляют модели: у этой машины — все управление на гидравлике, у той — комфортабельная кабина, третья — высокоскоростная. Темп технического прогресса в тракторостроении стремительный. И механизаторы, особенно молодые, прекрасно чувствуют его. Это естественно. Но есть у жажды новизны и теневая сторона. Как бы быстро ни менялись марки машин, одно должно быть неизменным: машину надо беречь, любить, если же сказать утилитарнее, ее надо технически грамотно использовать,

выжимать из нее весь ресурс, не спешить заменить новенькой.

Иван Тарасович всей своей трудовой жизнью словно бы дает урок бережливости молодым. Ясное дело, удержи все его сверстники свои трактора на ходу до сегодняшнего дня, произошло бы некоторое замедление технического прогресса. Иван Тарасович — исключение. Но, быть может, с экономической точки зрения и его редкая верность устаревшему трактору тоже уязвима, малополезна?

С. А. А. Кукушкиным, начальником цеха, мы говорили об этом. Трактор «Беларусь» бежит быстрее «ХТЗ». Это очевидно. Однако старинный колесник действует лишь на цеховой территории, и на дальних дистанциях ему не нужно соревноваться с «Беларусью». А груз он тянет более тяжелый — до трех с половиной тонн. Запчасти никто не делает теперь для колесника? Не беда. Иван Тарасович ни разу не ступал, ремонтирует трактор только сам. У него кладовочка, где многое припасено. Был случай, Сердюков ушел в отпуск. Посадили на колесник парня. Стал жаловаться: тяжело выжимать сцепление, крутить руль без помощи гидравлики. Иван Тарасович узнал об этом: «Кто ж виноват, если у него силешки маловато». У Сердюкова есть силы и в семьдесят...

Тракторишко возит песок, стружки, литье, кокс, мусор. Весь день крутится в цехе и вокруг него. А экономика его такая: он стоит цеху в день шесть рублей. Заметим, эксплуатация автомашины обошлась бы в четыре раза дороже.

Словом, не ради экзотики держат в цехе «ХТЗ», не из-за того, чтобы не обидеть ветерана труда и дать ему возможность работать столько лет, сколько сможет. Ну, отчего же все-таки человек не пересел на какой-либо новый трактор за столько-то годов, не переучился? Да всегда понимал: полезен и так! И потом пусть это будет его личной тайной — почему не захотел переучиваться, хотя мог бы. Не счесть трудов Ивана Тарасовича. За всю жизнь был у врачей дважды. И то в первый раз в годы войны, когда ослабел, ибо питание было негустое. А ведь у трактора никогда не было и нет кабины. За двадцать километров зимой ездил (и так много лет) то за дровами, то за сеном. Скольким дегтярцам, живущим по-крестьянски, работающим в шахтах, помог (разумеется, с разрешения администрации). Качался, как снегирь на ветке, на металлическом сиденье, укрепленном на упругой пластине. Теперь уже в транспортной технике не встретить таких-то бескабинных рабочих мест. К нему, как к диву, подходят часто молодые шофера и трактористы. Расспрашивают обо всем, качают головами, никак не могут поверить, что четыре десятка лет он ездит на одном и том же тракторе. «Отец, в музей пора бы поставить твоего «мамонта»!»

И впрямь об этом стоит подумать. В городе Сысерти, на заводе гидромашин, есть станок, который работает более ста лет. Он, безусловно, памятник техники. И об этом сысертецы помнят. Так то станок, а трактора, они менее долговечны! Тем более надо сохранить сердюковский «ХТЗ» для потомков. Еще и потому, что сам Иван Тарасович показал такой пример верности, бережного отношения к машине. У Сердюкова есть трудовые награды. Наградой для него была бы уверенность в том, что никогда его «ХТЗ», восставший в трудные для страны годы из металлолома, не исчезнет в доменной печи. Иван Тарасович показывает на корпусе двигателя два запаянных отверстия и, хлопнув ладонью по этому месту, как по плечу трактора, говорит: «Он у меня фронтовик!» Потому что дырки на двигателе — от пуля. Трактор, возможно, был на войне артиллерийским тягачом. Символично, что самому ему в послевоенные годы Сердюков надел колеса гаубицы. Их он тоже добыл в горе металлолома. Реликвия, дорогая реликвия этот трактор, что бегаёт в уральском городе Дегтярске!

«Король эксперимента» на Южном Урале

Евгений
ДОРОШЕНКО

Крупным событием для всего мира в конце прошлого века было строительство Сибирской железной дороги. Многие иностранцы мечтали совершить путешествие в глубь овеванных тайнами и суровой романтикой сибирских лесов.

В числе первых иностранцев, проехавших по самой длинной дороге мира и по пути посетивших Златоуст, Челябинск и Курган, оказался выдающийся американский ученый, физик Роберт Вуд, которого часто называют «отцом современной физической оптики». Да, тот самый легендарный Вуд — подлинный виртуоз и чародей эксперимента, прославившийся также многими экстравагантными выходками и розыгрышами. Оригинальный стиль его исследований ярко иллюстрирует история с кошкой, известная всему ученому миру.

Дело было так. Вуд построил уникальный гигантский спектроскоп, составной частью которого была деревянная труба. В трубе, к огорчению исследователя, завелась паутина. Когда Вуд размышлял о том, каким образом очистить камеру, не повредив установки, к нему подошла кошка. Ученый схватил кошку и засунул, не без сопротивления с ее стороны, в один конец трубы и закрыл ее. Ошалевшая кошка, не видя других перспектив, полезла по туннелю к свету и выскочила из другого конца, волоча за собой шлейф паутины.

Так был изобретен ерш для прочистки трубопроводов. Кошка Вуда в науке не менее известна, чем ванна Архимеда, яблоко Ньютона или собаки Павлова.

Как же осуществилось путешествие Роберта Вуда? В 1896 году известный американский журналист Фрэнк Виллард получил командировку с заданием написать статью о транссибирской железной дороге. Он предложил Роберту Вуду стать его попутчиком. Молодой ученый с радостью согласился. Сам он об этом путешествии писал:

«Большую часть времени я проводил, перетаскивая 40 фунтов — камеру, штатив и сухие пластинки, а иногда делал зарисовки акварелью, в чем мне часто мешали внушительно выглядевшие жандармы... Наконец мы отправились в Сибирь экспрессом Москва — Челябинск. В Челябинске мы сели на транссибирский рабочий поезд, где получили купе первого класса в вагоне, в котором ехали инженеры-строители. Для пассажиров дорога еще не была открыта. Рабочие поезда шли нерегулярно, примерно раз в неделю, и делали около двадцати миль в час по рельсам, которые были прикреплены к шпалам только костылями. Шпалы лежали прямо в песке — каменный балласт еще не был уложен. Большинство станций были просто хибарки, в которых жили телеграфисты.»

ПЕЧАТЬ АДСКОГО ТРУДА

**Василий
ПОПОВ**

Собирательством занимаюсь уже давно... И любая новая вещь, поступившая в коллекцию, считаю, должна рассказать о себе обстоятельно, полно, как говорится, «с толком, с расстановкой». Но заставить заговорить вещь о давно прошедших событиях, свидетельницей которой она была, не так-то и легко. Радуешься, когда интерес преодолевает трудности познания.

Несколько лет назад мне подарили монетовидный жетон. Сделан из красной меди, диаметр примерно 25 мм, толщина около 3 мм. На одной стороне жетон, назовем лицевой (или аверс), надпись в три строки.

В. Н. З.
ПЕ. УГОЛЬНАЯ
1829 го.

На другой стороне (реверс) в две строки:

В. Н. З.
I КОРОБЬ.

Как на аверсе, так и на реверсе над буквосочетанием «В. Н. З.» расходящиеся солнечные лучи. Поле с каждой стороны ограничено выступающим кантом (ободком). Буквы и цифры выпуклые, гурт гладкий.

Такой жетон раньше мне видеть не приходилось. Первое беглое знакомство с ним навело на размышление... Значит, жетон отчеканен в прошлом веке, прошло уже полтора столетия. В России еще господствовал крепостной строй; недавно было восстание декабристов, жестоко подавленное царем Николаем I. Вожди восстания казнены, а участники томятся на каторгах. Жив был Пушкин, он в этот год отправился на Кавказ...

А дальше? Пока ничего конкретного о самой вещи — жетоне. В честь чего он выпущен? Что означает буквосочетание «В. Н. З.»? Что скрывается за «ПЕ. УГОЛЬНАЯ» и «I КОРОБЬ»? и т. д.

«В. Н. З.» — это, допустим, «Верх-Нейвинский завод» (в дальнейшем это подтвердилось). С другими вопросами обращаюсь к знакомым коллекционерам — близким и дальним (благо — их у меня много!). Они в общей совокупности все знают и всегда помогают друг другу. Заодно роюсь в газетных вырезках, журналах, справочниках. Знакомлюсь с музейными экспонатами в Свердловске, Нижнем Тагиле, Невьянске. Обращаюсь за помощью к старожилам и краеведам поселка. Из них особенно большую помощь оказал Василий Иванович Сапожников — большой знаток истории завода и поселка Верх-Нейвинск.

И картина начинает проясняться. Жетон — угольная печатка Верх-Нейвинского завода (основан в 1762 году). Расшифровывается так: «ПЕ. УГОЛЬНАЯ» — печатка угольная (угольная печатка), «I КОРОБЬ» — мера емкости.

А за всем этим — целая эпоха металлургической промышленности Урала, тяжелый труд углежогов. Сейчас эта профессия забыта. Но она была!

Металлургические заводы Урала (да и не только Урала) в XVIII—XIX веках работали исключительно на древесном угле. Для выплавки 1 пуда чугуна надо было заготовить примерно 1,6—1,9 пуда древесного угля. Для загрузки домны требовался уголь отменного качества. Он

должен быть твердым, крупным, то есть таким, чтобы не крошился и под слоем руды не истирался.

Уголь для Верх-Нейвинского завода выжигали в лесной даче, ограниченной деревьями и заводскими поселками: Пальники — Воробьи — Верхний Тагил — Шураля — Кунара — Таватуй. Верх-Нейвинский завод по тем временам (берется 1772 год — год пуска домны) был одним из передовых по техническому оснащению и рентабельным, и составлял немалое хозяйство. Производство начиналось с добычи руды и кончалось выпуском готовой продукции. По нынешним понятиям — это целый комбинат. Домна была одной из самых мощных на Урале — объемом 7,9 куб. сажени (76 м³) и давала в сутки 750—870 пудов чугуна.

Угля надо было заготавливать для домны очень много, да еще требовали и другие производственные циклы — кузнечные, кричные и другие.

Поэтому Верх-Нейвинскому заводу, чтобы заготовить уголь на год, нужно было пережечь более 720 тыс. куб. сажени леса. Домна проработала около ста лет и «съела» на 40 верст окрестные леса.

Непосредственно заготовкой угля занимались углежогои, или, как их еще называли, кабанчики. Последнее слово происходит от слова «кабан». Дело в том, что в начале XVIII века древний способ — ямное углежжение вытеснилось более рациональным и прогрессивным кучным, или кабанным, способом. Углежжением занимались обычно приписные крестьяне, то есть крестьяне деревень, приписанных к данному заводу. Как правило, занимались всей семьей со своим инвентарем и, главное, чтобы была своя лошадь. Если в семьях было мало мужчин, то несколько семей сколачивались в артели во главе с куренным мастером. (Курень — это место, где складывается куча, или кабан; куча курилась, томилась.)

Куренная работа шла 6—7 месяцев в году. В феврале — апреле рубили дрова, май — июль — сушка. После этого наступал самый ответственный момент — процесс кладки, дернения и осыпки кабана. Эта работа проводилась в августе — сен-

тябре и требовала особого искусства куренного мастера. От его мастерства зависело все — или получится уголь высокого качества, или останется одна зола. С сентября по ноябрь уже проводилось само углежжение. Все время нужно следить за кабаном — регулировать поступление воздуха в кучу малыми дозами, подправлять дернение и т. д. Чуть прозевал — многомесячная предыдущая работа пойдет прахом.

О тяжелой работе углежогов в конце прошлого века газета «Урал» писала:

«Сжигание дров в уголь — работа весьма трудная и вредная для здоровья, так как во время обжига приходится жить в сырых и холодных балаганах, землянках, обложенных дерном, отдыха совсем почти нет, работают день и ночь.

Помимо этого, от едкого дыма, копоти и смрада, поднимающихся от горящих под дерном дров, у кабанщиков сильно болят глаза, дыхание становится неровным, тяжелым, чувствуется сильная боль в груди, сердцебиение; недели две-три после углежжения, как выражаются углежого, отплываються «чернядь», — до того бывають засорены у них дыхательные органы. Помимо всего этого, у кабанщиков распространены всевозможные наложные болезни, ревматизм и прочее как результат тех антисанитарных условий, в которых они находятся во время сжигания дров в уголь».

Готовый уголь вывозили в коробах по зимней дороге на заводской склад. Короб — плетенный из ивовых прутьев (толщиной примерно с палец) ящик на санях, вмещающий 20 пудов угля. Это в среднем, так как размеры коробов на разных заводах были разные, неодинаковы. Вывозили, разумеется, по бездорожью, по глубокому снегу. Можно представить себе адский труд углежого, как недолго был его век! К тому же надо учесть, что каждый углежог обязан был поставить на заводской двор до 70 и более коробов в год.

На заводском складе — учет угля. Применяли ярлыки (прототип квитанции), затем деревянные бруски, на которых приемщик ставил свое клеймо. Все эти методы были неудобны, вносили путаницу.

В 1733 году утверждаются новые правила приемки угля. По этим правилам крестьянин-углежог, привезший уголь на завод, получал берестяную печатку от приемщика, который записывал в специальную книгу, что уголь тем-то привезен и столько-то. Углежог эти берестяные печатки хранил у себя до конца вывозки угля, а потом их сдавал надзирателю, который в свою очередь выписывал углежогу квитанцию о том, что урок выполнен полностью, то есть уголь вывезен и

подлежит оплате в заводской кассе.

На берестяной печатке изображался двуглавый орел, начальные буквы завода и год. Причем печаток для каждого завода изготовляли столько, сколько коробов угля заготавливалось на данный год. Делали их на Екатеринбургском монетном дворе с железных клейм.

К сожалению, такие берестяные угольные печатки Верх-Нейвинского завода не сохранились. Нет, видимо, подобных печаток и других заводов. Может, у кого-то есть такая печатка. Она могла бы занять достойное место в музее.

С 1749 года по указу Берг-коллегии угольные печатки начали чеканить из красной меди на Екатеринбургском монетном дворе. Правда, на некоторых частных заводах применялись угольные печатки, отчеканенные на своих заводах или же по заказу на других предприятиях. Например, для заводов Нижне-Тагильского округа Демидовых угольные печатки изготовлялись на Нижне-Салдинском заводе из белой жести и меди и имели разнообразие формы.

Угольные печатки различались еще по породности угля — красномедные печатки для угля из хвойных пород, такие же, но покрытые оловом — для угля лиственных пород.

С введением угольных печаток (металлических) упростились и расчеты с заводской конторой. Так, на Верх-Нейвинском заводе после того как углежог сдал короб угля, он получал один жетон — угольную печатку, которую хранил у себя уже не до окончания выполнения «урока», а до конца недели. В субботу имеющиеся жетоны непосредственно сам сдавал в заводскую кассу и взамен получал заработанные деньги.

В последнее время в моей коллекции появились медные угольные печатки Верхне-Тагильского завода (основан в 1716 году). Угольная печатка 1829 года — как и описанная Верх-Нейвинского завода. Но есть и более ранние выпуски. Их два вида. Более ранний выпуск имеет диаметр 25 мм, толщину 1,5 мм. На одной стороне: «ВТЗ. ПЕ. УГ», — в две строки. На обратной — тоже в две строки: «ВТЗ. 1. ко». Вверху с каждой стороны — часть солнечного диска с расходящимися лучами. По окружности — выпуклые точки.

Вслед за этим идет другой выпуск. Общее оформление такое же. Но техника чеканки улучшилась. И в надписях есть изменение: «ПЕЧ. УГО» и «1 КОР.»

Некоторые из угольных печатков имеют срезы, то есть кружок неполный, а часть отсутствует. Оказывается, это тоже имеет прямое отношение к труду углежого. Если по той или иной причине углежог при-

вез не полный короб угля, то ему выдавали жетон со срезом.

Вот такую историю рассказали угольные печатки о тяжелой жизни углежогов.

Здесь нужно еще добавить то, что со стороны администрации заводов и заводоладельцев углежого терпели всяческие унижения, были обшеты, штрафы и бесчеловечные наказания за различные малые провинности. Поэтому на заводах нередко были волнения углежогов. Вот небольшая хроника таких выступлений. В 1754 году крупные волнения с вооруженным сопротивлением прошли на Авзяно-Петровских заводах.

В 1762 году Невьянск всколыхнули крупные волнения приписных крестьян, в результате чего прекратился подвоз угля на заводской склад. В 1803 году значительные волнения были на уфалейных заводах Губина, крупные выступления углежогов Верх-Исетского завода Яковлева в 1812 году.

Несколько раз выступали против произвола углежого Ревдинского завода. Особенно заметный след оставили выступления в 1800, 1802, 1824 и 1841 годах.

Крупным было выступление рабочих в 1824 году. Причин для этого было более чем достаточно: низкие расценки, практика принудительного отпуска продуктов из заводских лавок, причем втридорога, штрафы, непомерные вычеты для покрытия долгов и т. д. А в 1824 году прибавилась новая забота, новая ноша. Заводовладелец решил увеличить меру угольного короба до 25 пудов. Полтора года не прекращали борьбу углежого, несмотря на аресты и карательные действия специально вызванных воинских отрядов. Только в апреле 1826 года волнения были окончательно подавлены.

В 1841 году в Ревде было самое крупное волнение углежогов, причем с человеческими жертвами. Углежого на этот раз были вынуждены братья за оружие — кое-кто имел ружья, а остальные вооружились кто как мог. В дело пошли куски железа, палки, камни. Но силы были неравны. Волнение было жестоко подавлено. 33 человека убитых. Около 100 раненых. 700 человек было привлечено к суду.

Во время следствий и на суде вскрылись вопиющие картины эксплуатации рабочих. Но виновными были признаны... рабочие! Руководителей восстания сослали на каторги, 25 человек отправили в арестантские роты, 270 человек наказали розгами.

ТАГИЛЬСКАЯ ЛЕНИНИАНА

Василий
КРИНИЦИН

Бессмертный образ Владимира Ильича Ленина — вождя, человека, учителя — получил достойное воплощение во множестве произведений советского изобразительного искусства. Для каждого живописца, скульптора или графика подобная творческая работа является показателем уровня зрелости и мастерства.

Ленинский характер очень многогранен и его масштабы кажутся почти неохватными. «Писать его портрет трудно», — отмечал Алексей Максимович Горький в очерке «В. И. Ленин». А ведь Горький прекрасно знал Владимира Ильича.

Время — неотступный спутник искусства. Оно-то и роднит историческую правду с художественной. И совсем не случайно Николай Андреевич Андреев, первый и единственный советский скульптор, которому посчастливилось рисовать и лепить портрет В. И. Ленина с натуры, считал, что в будущем талантливый художник, и не видевший Ленина, сможет дать хороший портрет Первого Председателя Совнаркома и даже Вождя мировой революции — хороший для тех, кто также никогда не видел живого Владимира Ильича. Н. А. Андреев также заметил, что для изображения Ленина-человека, которого люди по-родственному называют Ильичем, при столь суровых и требовательных судьбах, как его близкие друзья, нужен художник, имеющий помимо способности портретиста еще и багаж живых наблюдений и стенографических набросков.

Ясно, какую сложную, ответственную задачу предстоит решить тем, кто хочет воспроизвести образ В. И. Ленина. Нижнетагильские художники и скульпторы с ней успешно справляются. Полотна и скульптуры, в которых запечатлены незабываемые ленинские черты, хранятся в фондах Нижнетагильского историко-революционного музея и в музее изобразительных искусств города.

Искусствоведы дают им высокую оценку, отмечая, что все эти произведения отличаются высоким профессиональным мастерством, эмоциональной выразительностью, психологической и идейной глубиной. Ежегодно фонды музея изобразительных искусств Нижнего Тагила пополняются новыми работами Ленинианы.

Обращаясь к ленинской теме, тагильские мастера кисти и резца глубоко изучают все, что связано с жизнью и деятельностью В. И. Ленина: моменты его биографии, документы, фотографии, кинокадры и т. д. Это помогает полнее раскрыть образ В. И. Ленина и его соратников по революционной борьбе. Изучая творчество других советских художников, которые много, долго и плодотворно работали над изображением вождя, тщательно осмысливая огромный накопленный материал, тагильчане в своих работах стараются идти своим путем.

Первое самостоятельное решение образа В. И. Ленина в тагильской монументальной скульптуре принадлежит доценту Нижнетагильского государственного педагогического института Михаилу Крамскому. Все его скульптурные работы поражают широтой диапазона, классическим исполнением. Но среди созданных им произведений первое место по праву занимает замечательный цикл скульптур, посвященных вождю революции. В 1957 году М. Крамской выполнил заказ трудящихся города Красноуральска, создав барельеф В. И. Ленина. Через несколько лет он исполнил бюст вождя для города Глазова. В этом произведении автор стремился дать глубокий обобщенный образ мыслителя, революционера. М. Крамской отразил в нем характерные ленинские черты, озаренные мыслью гения, богатством чувств.

М. Крамской продолжает работать над ленинской тематикой, добывая в своих произведениях предельной выразительности. В период подготовки празднования 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции им была представлена сначала на городской, а затем и на областной выставке в городе Свердловске скульптура В. И. Ленина. Автор удачно использовал характерную пластику движения и выразительность силуэта, которые и определили ее звучание. В твердой постановке фигуры, в ее свободном развороте ощущается могучая сила человека, твердо уверенного в победе социалистической революции. Сочетается с бронзовой фигурой и стройный пьедестал. Над этим произведением автор работал около двух лет. Оно было подарено скульптором Нижнетагильскому металлургическому комбинату имени Ленина и в настоящее время находится в фойе Дворца культуры металлургов. Затем М. Крамской создал композиционный портрет «Ленин в Шушенском».

Над ленинской темой работают многие тагильские скульпторы. В своих произведениях И. Боголюбов, Ю. Косарев, В. Стеканов, А. Неверов, В. Ушаков и другие показывают единство черт Ленина-человека, Ленина-вождя.

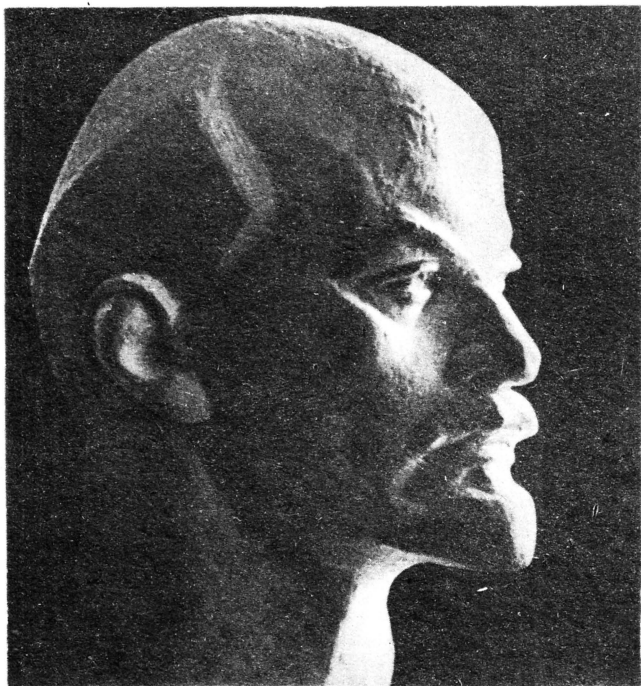
Важное место занимает ленинская тема и в творчестве тагильских художников-живописцев Р. Задорина («Портрет Ленина», «Выступление Ленина на Красной площади»), Е. Седухина («К Ленину», «Ордена Ленина металлургический»), Л. Зудова («Ленин и Джон Рид»), графиков М. Дистергефта, Е. Вагина, Л. Перевалова, Е. Буркова и других. Привлекают произведения заслуженного художника РСФСР Петра Бортонова. Его полотна посвящены преимущественно историко-революционной теме. Такие из них, как «Рабочие читают «Правду», «Прорыв», «Братья», «Волочаевка», подготовили мастера к работе над образом В. И. Ленина. Впервые он обращается к нему в картине «Тагильские ходоки в Смольном».

Широко известна работа художника, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — «Ленин говорит». Это произведение было выполнено в нескольких вариантах, имело большой успех на Всесоюзной выставке и за рубежом, в частности, в Монгольской Народной Республике. На полотне нет В. И. Ленина, а изображена группа людей: с винтовками в руках застыли рабочие, солдаты, матросы. Суровые сосредоточенные лица, плечи тесно прижаты друг к другу. Все это красноречивее многих слов говорит о готовности по призыву В. И. Ленина защищать завоевания Великого Октября. Здесь хочется привести слова старого путиловского рабочего-большевика П. А. Данилова, который в своих воспоминаниях раскрыл огромную силу воздействия ленинской речи на трудящихся: «...то, что говорил Ильич, захватывало и зажигало. Исчезал страх, пропадала усталость. И казалось, что говорит не один Ильич, а говорят все сорок тысяч рабочих, сидя, стоя, держась на весу, изрекают свои заветные думы. Казалось, что все то, что было в рабочем, заговорило одним голосом Ильича. Все то, что думал каждый, переживал про себя, но не находил случая и слов полно и четко изложить это товарищу — все это вдруг оформилось и заговорило...»

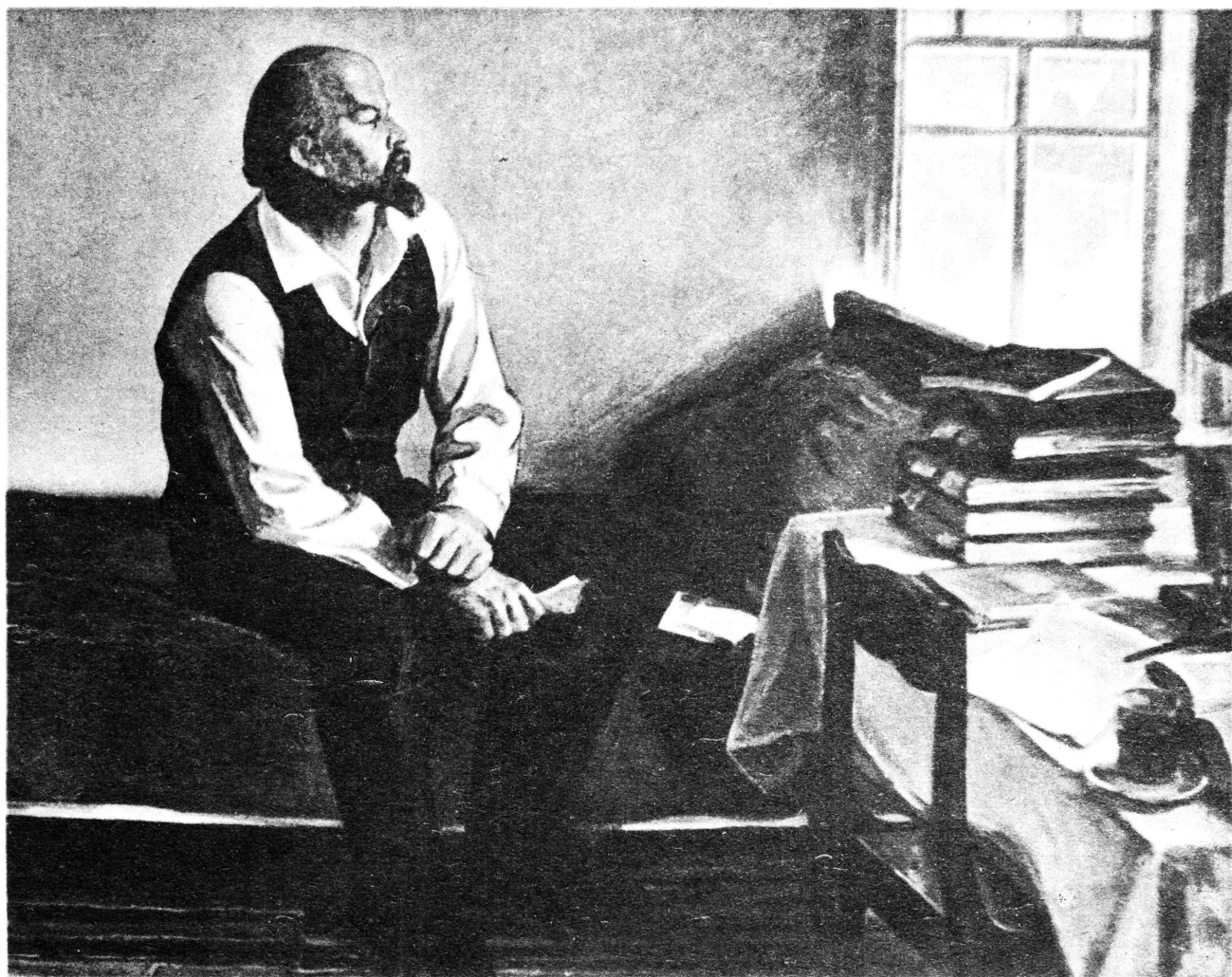
На 1—3-й стр. вкладки — произведения тагильских мастеров изобразительного искусства.

НИЖНЕТАГИЛЬСКИЕ РАБОЧИЕ У В. И. ЛЕНИНА.
Художник П. Бортнов

БЮСТ В. И. ЛЕНИНА.
Скульптор В. Ушаков

В. И. ЛЕНИН В ШУШЕНСКОМ.
Художник П. Бортнов

БЮСТ В. И. ЛЕНИНА.
Скульптор Ю. Косарев

ЛЕНИН ГОВОРИТ.
Художник П. Бортнов

1924-й.
Художник П. Бортнов

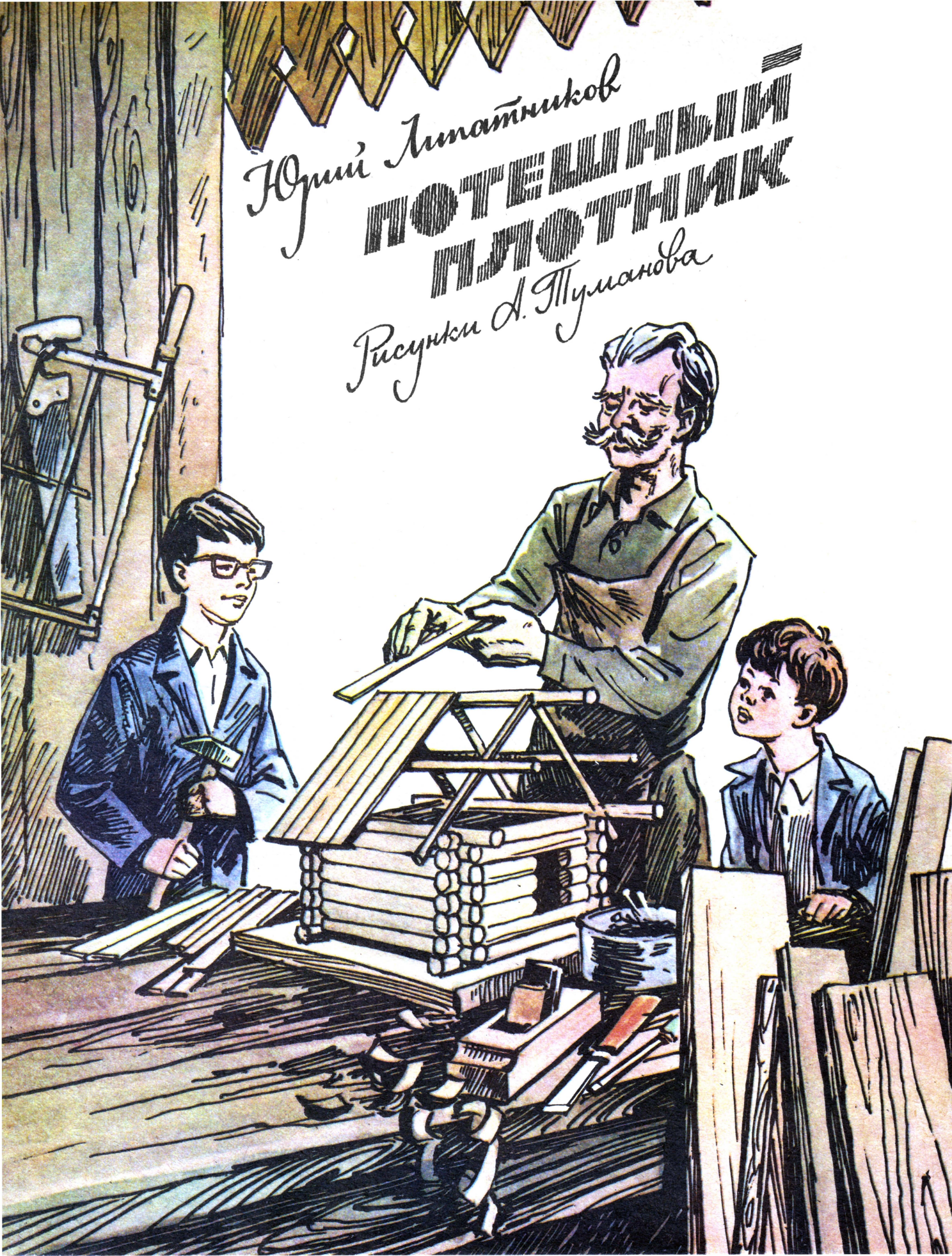

В. И. ЛЕНИН.
Скульптура М. Крамского
во Дворце культуры НТМК имени В. И. Ленина

Юрий Ляматников

ПОТЕЛЛИН
ПРОТНИК

Рисунки А. Плуманова

На крылечко дачного домика выходит высокий, ширококостный, в темной рубахе навывпуск старик. Опираясь о косяк, он опускается на порожек. Закручивает вверх и без того бравые буденновские усы. Берет в рот коричневый мундштук с сигаретой. Табачный дымок поднимается над ним и исчезает...

Все легче отдается воспоминаниям старый плотник Гаврила Иванович Степычев. Его мысли частенько отлетают от шебаршащей, стариковской жизни к молодым годам.

Кудрявились-вились те быстрые довоенные денечки, будто золотистые сосновые стружки из-под рубанка. И словно бы щекотали Гаврилу да его задушевного дружка Андрюху Ганюшкина. Уж так они тогда веселились и смеялись, а чему — отсюда, с высоты восьмого десятка, теперь и не разберешь. Молодая кровь играла...

Так неожиданно улетит дума деда Степычева, не спросив у него самого, что, понятно, он застывает в самых смешных позах. То с ложкой, недонесенной к губам. То с намыленными для бритья щекими. Тут всегда громко засмеется его огромный внук-внучище, спортсмен, а вернее сказать, тренер: «Оп! Дед опять стартовал!» И прихватывает старика, худого и сутулого, своей лапищей так, как будят человека, чтобы избавить от мучительного сновидения. Гаврила Иванович медленно возвращается. Видит подле себя внука. Молчаливо отводит его бестрепетную руку.

«Да... Все же смерть как долго пылала война с фашистом, пораздумаешься, а и она, однако, потухла. — Не утихают воспоминания деда Степычева. — И покатила жизнь в старых берегах: один повыше, другой пониже. Кто какого берега умел держаться, того держался».

Помнится деду Степычеву, как встретил друга Андрюху, воевавшего, как и он, сапером, но на других путях-дорогах. Как хлопал его по каменным плечам и радовался, что и сам никак не жиже, а может, еще крепче, что и его во всю войну не ранило. Контузии — это бывало. Гуляли они тогда ото всего сердца. Кажется, всю войну сызнова на словах прошли. Обговорили все бои и сражения, как маршалы, и свое будущее поразметили. А запомнилась изо всего того радостного кипения пустяшность: Андрюхин трофей. У одного фронтовика в избе поет крепкоголосый аккордеон. У другого карманные часы тикают. У Андрюхи — два конца, два кольца, посерединке гвоздик. Ножницы... Весело защелкали они тогда над светлыми мальчишескими вихрами. Сколь годов Андрюха стриг своих и соседских ребятишек.

— Я, пацаны, ножницы приголубил из уважения к инструменту. Сталь зело добрая! Вот я их и завоевал. А вы, космачи, стригитесь-ка почаще, быстрее вырастете. Не верите, мокроносые? Вырастете — поверите!

А еще Андрюха привез с войны кубичек, составленный из дубовых брусков. Придумка наша, русская. Старые саперы догадались. Это значит, чтобы смекалку плотницкую испытывать. Без всяких крепких штырьков кубик. Такие вырезы в брусках

мастера наумились понаделать, что, не знаячи, и инженер не разберет тот кубик и не соберет за день. Сейчас молодежь крутит-вертит, как четки, тоже какой-то кубик. Слышать, иностранный. Свой-то забыли. А мы, пни старые, о русской выдумке дедовской не напомнили...

Гаврила Иванович видит в окно и в который раз дивится тому, что выделяет внук его покойного друга Андрюхи Ганюшкина. Тот бросает в грязь лист фанеры, валится на него и наводит тяжелый фотоаппарат с длинным черным объективом на отверстие скворешни. Уж бело зацвела калина. У скворцов появились слетки. И Левка Ганюшкин, борогатый и розоволицый, по профессии фотограф, как медведь, катается по земле, чтобы получше прицелиться и заснять вылет первого птенца.

— В газетку либо в какой журнал подаст карточки, — вслух говорит Гаврила Иванович. — Если, понятное дело, защелкает чего путного, не промахнется.

Гаврила Иванович глядит на Левку и улыбается, что означает: нет, все ж таки он не может понять Левкины занятия! Снимать птичек — это работа? Может, и надо подсматривать в природе и показывать, ну, как там скворец дождевого червяка проворно из земли вытягивает. Или, допустим, наоборот, толкает червяков в клювы птенчишек. Все это занимает городской народ. Но, считал Гаврила Иванович, хватит, поди, журналам и таких фотокарточек, которые люди ненароком понанимают и в редакцию пришлют. Хотя с другой-то стороны, вон говорят, Левка весной просидел четыре недели на шаткой, из жердей, вышке, устроенной напротив совиного гнезда. Все ради того, чтобы защелкать, как птицы живут ночью. А ведь она, борогатая неясуть, сказывают, и глаз может выклюнуть. Никакого лешего не боится. Потом Левка мог бы и свалиться с той верхотуры, зашибиться. Кто бы его тогда выволок из лесу? Будто бы его за те фотокарточки даже премировали...

Или вот Левка неделями один живет где-нибудь на Севере, на безлюдном острове. И опять все там наснимывает. Что скажешь, Левкино дело рискованное. А все же Гаврила Иванович не может постигнуть...

Дед Степычев и над собой посмеивается. Вспоминает один случай. В днепровском селе дело было. На родине его жены. Приезжают раз столичные артисты. После концерта одна приветливая украинка душевно заговорила с певицей. Спрашивает ее от чистого сердца:

— Ось вы тилькы тако выступаете, выступаете, а щоб працювати, так не працюете?

Засмеялась на такие слова артистка, приобняла за плечи колхозницу и отвечала:

— Дорогая! Петь со сцены — это и есть моя работа!

«Я вроде той простухи про Левку-то понимаю, — думает дед Степычев, — а сам-то истинно в игрушки теперича играю...»

И Гаврила Иванович с усмешкой продолжает работу. Он рубил избенку-модель. Подвинул его на такое непривычное дело директор школы. Не человек —

осенняя муха. Так и прилипает. Всюду его в поселке увидишь, везде проберется. Ему бы прорабом, а он в школе. Поднял ребятишек, велел им собрать после новогодних праздников на свалках елочки и окорить их. Сказал при встрече школьный директор деду Степычеву: дескать, все, Гаврила Иваныч, хватит пятиться, вот тебе материал, строй хоромину, такую, в какой наши предки испокон веку жили. Потомкам будет память. И степенный мастер пошел в потешные плотники, начал рубить игрушечный дом.

Еловые бревнышки принесли деду Степычеву двое парнишек. Один постарше, в очках, немного заикается и робкий. Другой года на два моложе, крепенький, живой, говорливый, руками за все ловится, вопросы так и сыплет, а ответы как будто бы и не слушает. Потом приятели еще пришли к Гавриле Иванычу. А в третий раз уже был в гостях только один — робкий очкарик. Его звали Колей. Он больше молчал, старался подавать Гавриле Иванычу инструмент. И когда не ошибался, не путал шерхебель со шпунтобелем, то светился от радости.

Решил тогда Гаврила Иваныч избенку на время отодвинуть, не рубить, а принялся по памяти ставить маленькую водяную мельницу-колотовку. Молодежь такого не видывала. Исчезли мельницы-колотовки, и в кино,хвати дак, их не успели снять. В них же была механика! Вся-то техника, говорят ученые люди, с часов да с мельниц пошла. По Коле уже видно, мельница для ребятишек будет поинтереснее, чем дом. Они теперь всякие машины любят. А тут все движется: вода бьет в деревянное колесо, оно крутится, вращается и барабан с пальцами, которые так на нем расставлены, что по очереди поддевают все песты, стоящие в ряд, как доски в заборе. И песты, падая, колотят зерно, размалывают. Только веселый стукоток стоит, когда игрушечная мельница-колотовка работает.

Коля унес ее показать в школе. Потом говорит, что, мол, пацаны деревянную диковину так и облепили, давай ее крутить, разбираться, что к чему. Даже пальцы на барабане пообломали. Коля их восстановил...

Затем к Гавриле Иванычу явился молодой учитель труда. Разговор с дедом Степычевым о русском древоделии его зажег. И он горячо сказал:

— Гаврила Иваныч, это же идея! Надо нам заняться историческим моделированием всерьез и надолго. Это непременно увлечет детей. Мы как бы отправимся в путешествие по дедовской Руси. Понимаете? Восстановим ее, как выглядела. Она ведь, так сказать, вся выходила из-под мужицкого топора. Все придумки были выполнены в дереве. Нет, мы увлеклись металлом, забыли дерево. Вы понимаете, Гаврила Иваныч, для меня это ценнейшая идея!

Дед Степычев слушал педагога с некоторым удивлением и тряпочкой наносил олифу (у него еще сохранилась бутылочка натуральной олифы) на еловые бревнышки игрушечного дома, чтобы они стали баскими, янтарными. И поймал себя на мысли, что вроде как привыкает к роли потешного плотника. Да

и, похоже, дело это не пустое, вот как разговорился учитель...

Ковыряется полегоньку дед Степычев, бревнышки раскалывает, чтобы крыть крышу, как в старину делали, тесом, а не пилеными досками. И все поглядывает в окошко, что там делается. Левка удумал забраться на чердак и высунуть в маленькое слуховое оконце черный объектив. Сидит там, как снайпер, стережет птенцов. Трудяги-скворцы челноками летают туда-сюда, кормят потомство. Клювы их утратили черноту, стали восковыми — потыкай-ка ими столько дней сырую землю!

Гавриле Иванычу тут подумалось. Выберутся из скворешни птенцы, перелетят в лес, и там, на опушках, научатся добывать пищу так же, как родители. У человека — выбор. Вырос — берись за любое дело. Можно, по нынешним временам, и отцу не подражать. Раньше от сапожников были сапожники, от плотников — плотники. Ныне все перемешалось. От образования, видать, у молодых глаза разбегаются. И то любо, и то интересно. А если когда-нибудь все снова повернется к прежнему порядку? Когда народ переберодит. Поуспокоится. Где там! Каждый по своей воле жить хочет, себя больше слушает...

Долго глядит дед Степычев в сторону дачи Ганюшкиных. Мелькнула зеленая куртка того же Левки, а Гавриле Иванычу почудилось, что объявился Левкин дружок... Ждал он его с тайной радостью. Как звать его, даже не знал, не говорил с ним. Лишь видел дважды. Паренек ставил стропила на Левкиной даче, а потом и крышу закрывал. А было видно и издалека: топор хорошо держит, все делает играючи. На солидного Левку шутиливо покрикивает. А сам мал-маленек, и ловкий на высоте, ровно дятел, и кепчонка на макушке яркая-яркая. Зацепил он сердце деду Степычева! Любит он, когда работают красиво, со сноровкой.

Однажды Гаврила Иваныч зашел к Ганюшкиным. И тогда впервые увидел этого проворного паренька. Левка с дружком о чем-то непонятном спорили, потом перестали. Паренек уставился на рамку, которая так, как ненужная вещь, была накинута на большой гвоздь.

— Дед еще ладил... — объяснил Левка.

— Даришь? — быстро сказал паренек.

— Забирай.

Рамка была без украшений, не резная, простая. Простая, да не совсем. Андрей Ганюшкин ее так хитро связал, двойных шипов нарезал. Ей уж лет пятьдесят, а рамку не повело, не перекосило. И щелей не появилось. Как литая.

Дед Степычев видит: паренек так и эдак поворачивает рамку, оглядывает, оглаживает. То ее поставит, то возьмет, словно опасается, что отнимут. Пыль с нее ладонями стер. Обласкал вещь.

— Легонько лачком дерну и будет высший класс! — говорил паренек. — Фотографии предков в нее вставляю. Годится? Годится!

«Чует, что это старинная работа, — одобрительно подумал тогда Гаврила Иваныч. И тут же у него ше-

вельнулась ревность.— Легко Левка дедову рамку отдал, легко...»

Всю жизнь трудились Гаврила Иваныч и его друг Андрей Федорович Ганюшкин по столярному делу. Работали без оглядки на другие профессии, к себе их не примеряли. У того и у другого еще отцы и деды были древоделами. На Волге. Ходили с артелями ставить по деревням избы, амбары, бани. В двадцатые годы жизнь (голодуха да нужда!) крутанула отцов, и завербовались они на Урал, в горняцкий поселок, где люди уже второй век берут медную руду да помаленьку золото. Тут Гаврила и Андрей встали по семейной традиции тоже к верстакам. Только деревянных часов за свой век не делали, а так — все: комоды, шкапулки, бочки, чемоданы, лодки-дощаники, лыжи, табуретки, оконные рамы, скворешни, дома и домовины... Пролетела жизнь и — бах! — пенсия. Старики не ушли из столярки. Инструмент старинный, надежный. Руки еще тянут. Глаза видят. День за днем вперед да вперед! Соревновались пенсионеры, кто утром раньше в цехе будет. Придет первым, допустим, Степычев. Рубильник еще не включен. В цехе потемки. Делать ничего нельзя: Степычев взгромоздится на верстак и пожимает. Пахнет смолой. Гаврила Иваныч глубоко вдохнет дух дерева и опять тихо лежит. Запах дерева, как и хлеба, с годами не надоедает... Ага, топает Ганюшкин. Подходит, замечает друга. Не торопясь разблокируется. Надевает фартук, голову просовывает, как в хомут. Фартук покрыт корой клея. Смахивает стружку с верстака. Идет к шкафу за рубанком. И потом как бы между прочим спрашивает: «Когда прискакал?» — «Давно уж как здесь», — слышит якобы равнодушный ответ.

«Эх, Андрюха, Андрюха, — думается теперь деду Степычеву, — век ты жилы тянул, мозоли зарабатывал. А тоже не порадовался напоследок наследнику. Никто у тебя дело не принял. Левка, ровно кот ученый, окарауливает птиц. А топориче выстругать, чтобы по уму, не сумеет. Хоть спасибо, инструмент дедовский не пошевелил. Говорит, в музее ему место... А ведь Андрюха как-то даже на рынок таскался со стамесками. Постоял в том рядку, где мужики всякий шурум-бурум на бутылку продают, принес все назад. Не встретил человека, который бы ему поглянулся как знающий толк в столярничестве. Мало нынче охотников по дереву вручную работать объявляется. Больше балуются. По телевизору показывали одного такого. Инженера по технике безопасности. Он шкапулку из капа вырезал, да кресло дубовое, да ложки липовые. Работа все чистая, это видно. А чего, спросить его, в молодости не в столярку пошел? Одну радость мог бы делать людям своими руками. Поди-ка, сам о том жалеет...

Еще Андрюху огорчил тогда на рынке один «артист». Он в толпе похаживал и гвоздь стамеской постругивал... Дивись, дескать, народ, какой инструмент отдаю. Простофиль, словом, искал. Ведь стамеска всего-навсего была перекалена, и гвоздь-то она могла строгать, а в столярном деле — негодная. Нажми на нее посильнее — хрупнет, как морковка.

Помнится, Андрюха про того хитреца говорил: «Ходит там один по рынку, свою совесть разбазаривает, столяров порочит. Какой-нибудь лопух купит у него эту стамеску, сломает, и будет потом думать: мы, столяры и плотники, — нынче все мошенники».

Гаврила Иваныч принимается крыть крышу на игрушечном доме, но вспоминается ему отчего-то еще и смерть матери Андрюхи Ганюшкина. До войны ее еще не стало. Недолго Варвара Ивановна в смертной постели лежала. Все жила-хлопотала по дому, растила девять сыновей и вдруг оборвалась, разом занедужила, слегла, никого не узнает. Лежит махонькая старушка, и нет-нет да ее руки побеличи быстро примутся мять кромку одеяла... Душа уж отходит, а руки привычное бабье дело делают, белье стирают.

Гаврила Иваныч стал внимательно разглядывать свои руки. Будто невидаль. Трогает большой шрам на ладони. Глубоко заехал когда-то стамеской. Кровью верстак обрызгал... И горячая жалость к людям, ко всему живому и недолговечному, к себе захлестывает его, у него дрожат губы...

Кто-то с улицы настойчиво повторяет:

— Эй, хозяин! Хозяин! А, хозяин!

Гаврила Иваныч видит под окном пожилую женщину с букетом тюльпанов. Рядом с ней стоит тоненький, как пруттик, юноша, костюмчик на нем весь в заклепочках.

— Дедушка, дедушка, цветов не продадите? — зачастила женщина. — Извиняемся, конечно, за беспокорство. Свадьба у сынка, так вот много бы надо...

Тепличных цветов у деда Степычева нет. Жена умерла. Некому этим заниматься. Да и высаживала она только ноготки и васильки. Цветочки на погляденье, а не на продажу.

И вдруг наплыло на Гаврилу Иваныча другое — оттуда, из детства воспоминание. Может, впервые ему стало ясным то, как умирала его односельчанка, знахарка Агафья. Почему она так мучалась последние дни жизни — по молодости Гаврила Иваныч понять не мог. А вот теперь, когда у самого лета на исходе, смерть Агафьи, ее муки открылись ему...

Металась в постели Агафья-травница, стонала, травы в бреду кликала, будто звала самых близких родичей. Шли попрощаться с ней, как водится, бабы. Посидят, скажут утешные слова, слезинку обронят, уйдут. Агафье же не легче, а того хуже. Словно окончательно надежду теряет кого-то увидеть перед смертью. И однажды входит в избу к мученице чернобровая девка Екатерина. Агафья, поди ж ты, тотчас утихла! Стала Екатерина гладить руку колдуньи, ласковые слова шептать, ее душевную боль заговаривать. По деревне был слух: крепко держит в руке Агафья берестяную коробочку с какими-то снадобьями, и кому ее передаст, тому и быть деревенской знахаркой. Была ли та коробочка, не было ли ее, взяла ли ее Екатерина или не взяла, а только вскоре покойно отошла Агафья...

— Передала! — опасно шептались бабы. — Стубила Катерину... А какой-токой зов услышала Екате-

рина, по которому пошла к умирающей лекарке? И не водились-то они никогда. Могла ли быть меж ними дружба: одна — старуха, другая — красощекая девка. А вот пошла же Екатерина с Агафьи муки снять. Значит, чуяла, что сможет это сделать.

Как уж муж Агафьи-травницы, молчун Трифон, хотел жену отучить бродить лунными ночами, когда травы в цвету и дурманят! Не раз он в отчаянии надевал ей на шею тяжелый хомут да голову петлей вздергивал кверху, к богу, и так, как требовал обычай, держал ночь. И умолял, и ругал ее, чтобы не позорила бесовским занятием, не ходила, как тень, по ночам за травами, не пугала людей. Не помогало. Лишь встрепенутся, зацветут травы, и нет сил у Агафьи усидеть дома. Рада бы мужа не конфузить, колдуньей не слыть, а зовут ее травы, манят...

«Жила — мучалась, — думал Гаврила • Иваницыч. — Кажись, прокляни ты свое занятие, освободись от лесных чар. Не прокляла, не освободилась. Дак ведь и то сказать — от хворей она многих избавила. Скольких младенцев от родимчика спасла! А злоязыкие

добро забывали, всякое про Агафью языком шлепали. Мучали ее. На исходе жизни еще пришлось страдать от того, чтоб передать свое дело другому... Все ж, передала. Нет, не смерть приносит человеку успокоение, а те же люди. Смерть — что? Сыра яма...»

Растревоженный Гаврила Иваницыч выходит из домика, садится на крыльце и закуривает. В скворешнях пищат птенцы. Молчаливые скворцы всюю таскают червяков от озера. Дважды на горе, в высоком сосняке звучит чистая флейта иволги. Кто-то подъезжает к железным воротам коллективного сада на громадном, как дом, тракторе желтого цвета. Турбинный двигатель так могуче свистит, что кажется: трактор способен и летать, но без особой нужды, при сухой дороге этого не делает...

«Кем же работает тот паренек в красной кепке? — думает Гаврила Иваницыч. — Может, шофер? Или художник? Как Левка, тоже фотографирует? Видать только, что ни плотник, ни столяр... Явился помогать Левке стропила ставить без своего инструмента. Кто же чужим топором работает? Надо бы потолковать с пареньком!»

Друг на дорожке, ведущей к дачному домику, появляется внук Гаврилы Иваницыча.

Где-то за садами, на усадьбах раздается уверенный стук топора. словно отзываясь, затюкали и в другой стороне. Внук молча проходит в домик. Дед Степычев подумал: «Чего-то хмурый ныне явился. На работе, поди, какая неприятность...» Через минуту внук, уже с топором в руке, опять молча идет мимо деда. Заворачивает за угол дома. Вскоре оттуда тоже доносится тюканье. «Не иначе как лаги тешет, — догадывается Гаврила Иваницыч. — Сарайчик на них ставит. Смотри-ка, сам взялся! Без понуканий. Надо бы топор-то поточить! — дед Степычев хотел бы подняться, но передумал. — Хотя — шут с ним. Не стану вмешиваться. Шибко характерный внук. Еще осердится. Пускай тюкает!»

Гаврила Иваницыч крутит усы, улыбается, зажигает новую сигарету. И привычно летит его душа за воспоминаниями молодости. А над ним, в вечернем небе, все выше и выше снуют ласточки, будто и не собираются возвращаться на землю. Внук старого плотника Гаврилы Иваницыча все работает. Да так ритмичен стук топора, как стук сердца...

Старинной музыки концерт

Евгений
КОЛЕЗЕВ

Есть в Каменске-Уральском необычный музыкальный инструмент — фисгармония. Хозяин ее охотно принимает гостей, рассказывает им удивительные истории о музыке и музыкантах, играет на старинном инструменте. И попасть на такие лекции несложно. Нужно только позвонить Вячеславу Михайловичу Даровскому...

Обстановка в квартире — почти спартанская. (Знаю, Вячеслав Михайлович не обидится на меня. В его понимании спартанская обстановка — это достоинство квартиры, а не недостаток.) И первая диковина — фисгармония. Тускло поблескивают красное дерево, латунные канделябры фисгармонии, несколько напоминающей модный в начале века буфет. Хозяин стремится усилить произведенный эффект. Он поудобнее устраивается на высоком табурете. Ноги привычно упираются в педали. Руки быстро выставляют в нужное положение все 23 регистра и замирают над клавишами верхнего и нижнего мануалов (клавиатур). Вздыхают меха, и слышатся мелодия, скорбная и торжественная. Иоганн Себастьян Бах...

Не удивляйтесь, если в квартире Даровского застанете еще кого-нибудь. И даже наверняка застанете. Приходят сюда студенты и преподаватели музыкально-педагогического училища, учителя и ученики общеобразовательных школ. И просто знакомые. И почти незнакомые. Кто-нибудь из гостей, а если повеет, то и сам хозяин, расскажет, что пятнадцать лет назад в этой квартире на первом домашнем концерте присутствовало четверо слушателей. Вячеслав Михайлович исполнил для них... Впрочем, давайте-ка лучше обо всем по порядку.

Слава рос в семье петербургских интеллигентов. Отец сразу после революции пришел работать в горный институт, мать преподавала в училище. Оба были почитателями серьезной музыки. Слава не зачитывался приключениями Пингерто-

на, а отдавал все свободное время роялю. Были у мальчика успехи, и настолько заметные, что преподаватель не раз спрашивал у родителей, не собирается ли Слава стать профессиональным исполнителем. На что отец, Михаил Васильевич, неизменно отвечал:

— Без пианистов, тем более пианистов посредственных, страна обойдется. А вот инженеры нужны...

И стал Слава студентом Ленинградского горного института. Занимался науками прилежно. Вдобавок открылись незаурядные лингвистические способности. Даровский серьезно взялся за иностранные языки. Но все же о музыке не забывал. Юношеское увлечение переросло в страсть к органной музыке. Слава ходил на редкие тогда концерты наших и приезжих знаменитостей, забредал в лютеранские церкви, где можно было услышать органные произведения Баха. А тут к Даровским по случаю попала фисгармония — духовой клавишный инструмент, «младшая сестра» органа. Слава быстро его освоил. Стал он завсегдатаем книжных развалов, где можно было за дешево (иногда даже на вес, как макулатуру) купить книги о музыке и музыкантах, ноты органных произведений и переложений для фисгармонии. Даровский покупал все, что касалось органов и фисгармоний, вплоть до рекламных проспектов и инструкций по эксплуатации.

Война вошла в жизнь молодого инженера-исследователя Вячеслава Даровского изнурительной работой в институте, строительством оборонительных сооружений у стен Ленинграда. И смертью матери. И голодом. И эвакуацией на далекий Урал с обычным для переживших в осажденном Ленинграде зиму и лето сорок второго диагнозом: дистрофия третьей степени.

В первое же послевоенное лето Вячеслав Михайлович выхлопотал себе командировку на родину (а

попасть в ту пору в Ленинград было ой как не просто!). Прямо с вокзала — к себе, на прежнюю квартиру. Как-то там книги, фисгармония? С библиотекой все оказалось в порядке, соседи сберегли. А фисгармония... Дом Даровских сильно пострадал при бомбежке, и почти три года инструмент простоял под дождем, под снегом. И все же Вячеслав Михайлович решил вывезти его на Урал.

Грузчики, что доставили багаж с железнодорожного вокзала в комнату Даровского на окраине Каменска-Уральского, простодушно заинтересовались:

— А этот старый сундук куда ставить, хозяин?..

Приглашенный для ремонта инструмента мастер подлил масла в огонь:

— Выбросьте эту рухлядь. Дешевле обойдется.

Выбросить?! Ну нет! Даровский обложился инструкциями и рекламными буклетами (вот когда пригодились). В устройстве инструмента разобрался быстро. Но как его ремонтировать? Вернее — чем? Особенно много хлопот было с голосовым аппаратом фисгармонии — латунными трубками, мехами. Чем, например, можно заменить замшу ручной выделки, которая служила уплотнителем регистров? Вячеслав экспериментировал несколько лет. И нашел: вместо замши отлично служат склеенные вместе плотный поролон и... детская клеенка.

А латунные трубки? Куда бы ни заносила судьба Вячеслава Михайловича, разделившись с командировочными делами, спешил он по заводским цехам: «Нет ли у вас в отходах латунных трубок?»

И такие проблемы вставали перед самодеятельным реставратором буквально на каждом шагу. Двадцать два года понадобились Даровскому для того, чтобы вернуть инструменту и внешний облик, и, главное, голос. Весной 1968 года товарищи по работе проводили на пенсию заместителя главного технолога Каменск-Уральского метал-

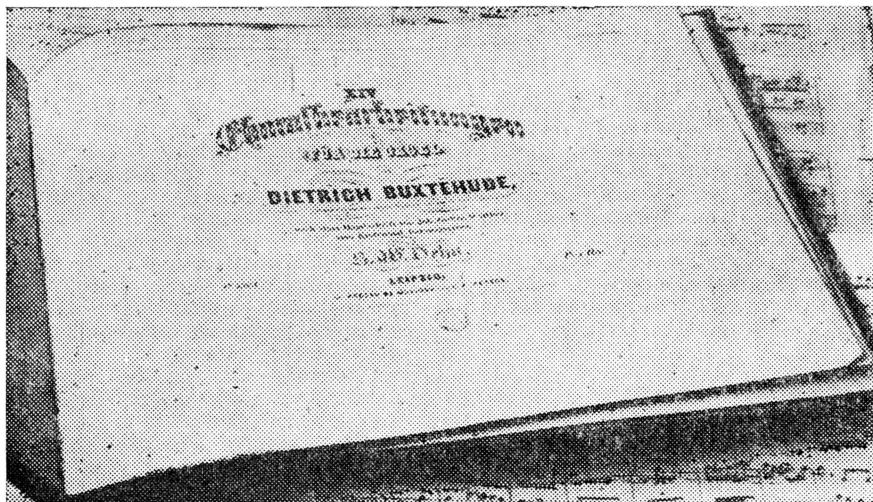

дургического завода, кавалера ордена «Знак Почета» В. М. Даровского. И в том же году в квартире Вячеслава Михайловича состоялся первый домашний концерт. Даровский исполнял для своих прежних сослуживцев мелодии любимого им Баха...

К услугам гостей не только исполнительское мастерство В. М. Даровского, но и богатая библиотека, украшением которой сам Вячеслав Михайлович считает собрание нот органичных произведений Баха в девяти томах, ноты всех баховских сочинений для клавира, десятки других нотных изданий, значительная часть которых вышла в свет в середине прошлого, начале нынешнего века.

Коллекционеры бывают разные. Один мой знакомый собирал книги. Купить их в доброе старое время можно было запросто. Точно так же, как и подписаться на собрание сочинений, допустим, Чехова. Мы пижонили в модных тогда нейлоновых рубашках и «битловках» — пиджаках с круглым воротом и без привычных лацканов. А Олег (назovem коллекционера так) зимой и летом ходил в одних спортивных брюках, разбитых ботинках. И неделю мог сидеть на пятикопеечных пирожках и чае. С единственной целью: летом, в отпуск, поехать в Москву или Ленинград, а там, в букинистических магазинах, Олег раскапывал уникальные издания вроде «Великой реформы» или же «Истории царской охоты», которые потом будили зависть книголюбов не только нашего провинциального Каменска-Уральского, но и приезжих знатоков из Свердловска.

Олег берег книги. Каждому, кто приходил к нему, еще на пороге объявлял: «Книги домой не даю даже самым близким друзьям». Про него говорили: фанатик. И вдруг метаморфоза... Он распродал почти всю библиотеку. Распродал вполне профессионально, с точки зрения негоднантичной, сбыв ходовые книги с неходовыми. Сначала разложил их по пачкам. Причем в одну пачку попадали, допустим, «Избранное» Булгакова и академические труды по истории. Потом Олег приглашал в квартиру покупателей и

Вячеслав Михайлович Даровский и его фисгармония фирмы «Шидмайер».

Редкое издание: ноты для органа. Хоральные прелюдии Дитриха Букстехуде. Издательство Петерс, 50 гг. XIX века.

объявлял: «Каждая пачка стоит 200 рублей. Хочешь читать «Мастера и Маргариту» — раскошеливайся».

Узнав о необычных торгах, мы поначалу решили, что Олег попал на какое-то уникальное издание, покупка которого потребовала мобилизации всех денежных ресурсов. Ничего подобного! Олег купил финскую мебель, шикарный телевизор, хрустальные вазы и т. п.

Пятнадцать лет прошло. Олег нет-нет да и вспомнит свою библиотеку. И пожалеет: «По сегодняшним ценам каждая пачка рублей на пятьсот тянула бы».

Говорят: «То, что отдал, — то твое, а что спрятал, — потерял». Проданные Олегом книги — навсегда потерянное. А то богатство, которым щедро делится В. М. Даровский, делает и его жизнь на радости щедрей, и бытие других людей краше. Богатство — это не ради красного словца сказано. 2050 долгоиграющих пластинок и 130 катушек магнитных лент с записями композиторов всех стран и эпох — от Орландо Лассо и Вивальди до Пендеревца и Шенберга, от музыки времен Петра I до Шостаковича и Прокофьева — вот богатство, которым гордится В. М. Даровский. Хотите послушать их дома? Переписать на свой магнитофон? Пожалуйста! Хотелось бы подробнее узнать о Вивальди и лейпцигском периоде творчества Баха? К следующему вашему приходу Вячеслав Михайлович приготовит небольшую лекцию, подберет музыкальные иллюстрации.

Музыка для Даровского — это не просто времяпрепровождение пенсионера. Вячеслав Михайлович глубоко убежден, что приобщение к творениям человеческого гения возвышает духовно, заставляет по-иному оценивать все вокруг себя, не оставляет в душе места для мелочного, суетного, своекорыстного. Вот почему, когда бы ни зашли вы в квартиру Даровского, будете желанным гостем. Даже если слов будет сказано мало. Их заменит старинной музыки концерт...

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА БАШКИРИИ

**Марат
САЛИХОВ**

В «Приглашении к чтению» автор, характеризуя жанр книги, отмечает ее краеведческий характер. Это не пересказ биографий писателей и поэтов, не анализ их произведений, а большая поисковая и исследовательская работа.

По-разному складывались связи писателей, поэтов, драматургов с нашим краем: приезд на лечение знаменитым башкирским кумысом Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, участие в боях против белогвардейцев Ярослава Гашека, Дмитрия Фурманова, Шамуна Фидаи, Афзала Тагирова; пребывание в Уфе во время Великой Отечественной войны деятелей науки и культуры Украины, Белоруссии, Литвы и других временно оккупированных гитлеровцами территорий — Павло Тычины, Максима Рыльского, Натана Рыбака, Михайло Стельмаха, Саломеи Нерис, избрание в высший орган государственной власти в стране Ильи Эренбурга и т. д.

В книге подчеркивается интернациональный характер взаимовлияния и взаимопроникновения культур: башкирской, русской, многонациональной советской и мировой. В созвездии литературных имен достойное место занимают отважный воин и полководец любимец народа Салават Юлаев, выдающийся просветитель XIX века не только Башкирии, но и всей Средней Азии, М. К. Акмулла; писатель-демократ, страстный обличитель мусульманского фанатизма и невежества, последовательный защитник обездоленных — Мажит Гафури. Автор пишет: «Поэзия Мифтахетдина Акмуллы составляет национальную гордость башкирского народа. Своим творчеством он развивает традиции Салавата и открывает путь Мажиту Гафури». В этой короткой фразе определены переломные этапы становления башкирской литературы: от эпического устного народного творчества — к шедеврам поэзии, прозы и драматургии.

Интересны страницы о пребывании в Уфе Жана-Ришара Блока, Ванды Василевской, Фридриха Вольфа. В книге приведен отрывок из письма Фридриха Вольфа ученому-лингвисту Д. Г. Киекбаеву: «...мы не можем не выразить своего восхищения огромным культурным прогрессом Башкирии. Я говорю «мы», так как дал почтить ваше письмо здешним писателям — Лиону Фейхтвангеру и Фрицу Верфелю. Они были приятно удивлены и восхищены твоим знанием немецкого языка и тем, что в Уфе, недалеко от Урала, тысячи башкир в вашем институте изучают немецкий язык. Это самая лучшая пропаганда для Советского Союза!»

Поколениям советских людей хорошо знакома песня «По долинам и по взгорьям». Мало кто, однако, знает, что написал эту песню П. С. Парфенов, родившийся в селе Никольское Уфимской губернии. Имя автора стало известно только в 1934 году. Впоследствии П. С. Парфенов — известный дипломат, поэт, журналист и критик.

Башкирские, да и не только башкирские — уральские, советские читатели, интересующиеся историей родного края, нашей многонациональной литературы, получили хороший подарок.

¹ Узиков Ю. А. Это с нами навсегда. Литературная карта Башкирии. Уфа. Башкирское книжное издательство, 1983 г.

ДЕЛА ЗЕМНЫЕ, ДЕЛА НЕБЕСНЫЕ

Сергей
ДРУГАЛЬ
Рисунки
Е. Стерлиговой

Рассказы

ВИШНЕВЫЙ КОМПОТ БЕЗ КОСТОЧЕК

Воспитатели летнего лагеря дошкольников при океанском центре Института Реставрации Природы (ИРП) пребывали на песчаном пляжике на берегу озера, там, где неподалеку рыжая саванна упирается в зеленую границу леса.

— Гром нервничает,— сказал Рахматула.

— Он всегда неспокоен, если Варсонофий обливается.— Олле играл кисточкой львиного хвоста.— Вообще, псу развернуться негде.— Олле вытянулся на песке, положив голову на львиный бок.

Нури сосредоточенно рассматривал синего жука, застывшего на желтой кувшинке. Какая-то птаха кричала в лесу радостно и тонко. Хогард откинулся, подставляя солнцу незагорающее тело, серьга в его ухе нестерпимо сверкала.

— А вчера бувескул высветлил компот и раздвоился,— Хогард старался поймать взгляд Нури.— Это, скажу вам, зрелище.

— Это что,— пробормотал Нури.

Жук слетел с кувшинки и копошился в песке у морды Грома. Пес прикрыл его лапой, прислонился ухом, вслушиваясь.

— У меня третьего дня двое завернулись в гракулу.— Иван доел персик, закопал в песок косточку, потом на глазах у всех вытащил из носа Рахматулы длиннющего ужа и швырнул его в озеро. Уж поплыл, оставляя на зеркальной глади усатый след.

— Не может быть,— Олле приподнял голову.— Гракула уплощается, если она перед тем кубична.

— Именно. Они подстерегли такой момент и глядели ее в четыре ладошки.

— В четыре? Кто бы не уплощился! — Рахматула проводил взглядом ужа, потрогал себя за нос.— Не знаю, как вы, а я после открытого дня до сих пор в мурашках. На сцене «в лесу родилась елочка», а родители в зале слезами исходят.— Рахматула закинул ноги за плечи, встал на руки и застыл в этой невозможной позе.

— Наглядный результат углубленного изучения прикладной психологии в руководимом тобой кружке.

— Это что, упрек? — Рахматула закрыл глаза.— А бувескул?

— А что бувескул, безобидная в общем бацилла,— сказал Нури.

Иван насыпал над косточкой холмик, набрал в горсть воды и полил. Истомная жара погружала в дремоту, и горизонт расплывался в колышущемся мареве. Гром залез в воду, улегся мордой к берегу. С усов его капало.

В пещере запищал зуммер, и послышался голос Отшельника:

— Это вас, Олле. Сатон говорит, что вход в центр пещеры кто-то блокировал. Он интересуется вашим мнением.

Олле встал, и лев тут же полез в воду в сторонке от пса.

В пещере было сумрачно и прохладно. Отшельник сидел в плетеном кресле над чертежами механозебры, а над письменным столом в туманном сфероиде фокусировалось объемное изображение Сатона. Они о чем-то тихо беседовали.

— Я слушаю, здравствуй, дед,— сказал Олле.

— Ни Нури нет, ни Ивана,— Сатон форсировал звук.— Куда все подевались?

— Педсовет у них. А я там в качестве сочувствующего.

— Педсовет! А у меня тут гад лежит. Смотри.

В сфероиде возникло знакомое изображение входа в центр ИРП. На белых ступенях между двумя золотыми дельфинами разлеглась огромная серая кобра. Голова ее была приподнята и беспокойно шевелилась.

— Ни войти, ни выйти...— В сфероиде снова возник Сатон.

— Это не опасно. Идите смело.

— То есть?

— Это голограмма, дед. Через нее ступени просвечивают. Видимо, Нурина ребятя забавляется.

— М-да,— Сатон дернул себя за бороду.— С вами не соскучишься.

Олле вышел из пещеры, задвинул за собой занавес. Конь, мокрый после купания, ждал его, и Олле прижался к прохладному боку. Воспитатели уже искупались и снова валялись на песке. Только Нури, равнодушный к жаре, о чем-то сосредоточенно думал.

— Там кто-то из твоих сфокусировал змею...

— Это что,— сказал Нури.— Это ерунда. Хуже всего, что я тоже погряз.

— А кто еще? — спросил Иван.— И в чем?

Персиковая косточка уже проросла, и Иван нетерпеливо вытягивал из песка маленький ствол, распрямлял ветви и проглаживал между пальцами листики. На глазах под его руками завязались бутоны и распустились в соцветия.

— Опылять пора,— пробормотал Иван. Он вызволил из шевелюры Хогарда неведомо откуда взявшегося шмеля и поднес его к деревцу. Шмель с довольным урчанием принялся за работу.

— ...В самодовольстве, Иван. А что? Все у нас здоровы, веселы, учебные программы выполняются. Да и сезон на исходе. Не жизнь — сплошной санаторий. Олле вон укрошает и без того кроткого, аки

агнец, льва. Рахматула, видимо, только и мечтает, чтобы его случайно с гвоздя не согнали, Хогард шлепает свои коллекционные алмазы, как будто нет других забот. А между прочим, мы на работе.

— Я что, я охотник,— зевнул Олле.

— Когда это ты меня на гвозде видел?

Хогард придвинулся к Нури, тронул за руку:

— Что с тобой, Нури?

— Беда у него,— сказал Иван, снимая с деревца персик.— Попробуй,— он протянул его Нури.— Кот у него в холодильнике.

Было так. В детской столовой было тихо. Разошлись, закончив дела, старшие дежурные, и лишь посапывал за стенкой кухонный автомат да звенели за открытыми окнами ребячий голоса. Нури прошел между столиками, одобряя чистоту, и вдруг услышал всхлипывания. Возле последнего стола сидела на полу девчушка и размазывала по щекам слезы. Маленький фокстерьер стоял мордой в угол и шевелил обрубок хвоста. Кто-то пренебрег запретом и притащил щенка. Это вполне могло быть. Но забыть щенка в столовой — такого быть не могло.

Нури присел на корточки, щенок не оглянулся и так же мерно вилял хвостиком.

— Они его заги-и-пнотизировали, а мне жалко, и я плачу. А как вишневый компот, так они его сливают в ведро. Я не возражаю. Если бувескул тоже любит компот, пусть.

Нури подхватил щенка на ладонь, ощущая странную одеревенелость животного, и поставил на подоконник. Щенок не изменил ни позы, ни поведения.

— Вундеркинды,— сказал Нури. Он обеими руками огладил щенка, снимая наваждение. Тот обмяк, твякнул и сбежал.

Нури недоверчиво оглядел столовую, ожидая новых сюрпризов. И сюрприз был. Выходя, Нури машинально открыл холодильник, и оттуда с мявом выскочил кот.

— Дожили,— разглядывая дымящегося от злости кота, произнес Нури. Девчушка заревела в голос.

— Кто это сделал? — спросил Олле, и воспитатели молча воззрились на него.— Но кто-то же это сделал. Загипнотизировал щенка, запер кота... Бедные животные.

— Не надо сюсюкать,— Нури раскусил персик.— Нам сюсюкать ни к чему.

— Но...

— И я говорю, Олле, плохие мы воспитатели. Но не настолько плохие, чтобы искать виновных.

— Дети есть дети,— Хогард раздробил в ладони округлый камень, отбросил крошки.— Только я, видимо, не пригоден для этой работы. Мне под землей как-то спокойнее. Здесь я как-то теряюсь. Не умею делать замечаний, весь в сомнениях — так ли по-

ступаю, а на многие вопросы не знаю ответа и тогда говорю: не знаю.

— Ну и правильно.

— Но это роняет мой авторитет воспитателя.

— Вот,— сказал Нури.— Вот здесь наша общая ошибка. По себе знаю: стоит начать думать об авторитете, как сразу невольно начинаешь принимать позы. А позу от детей не спрячешь, как кот в холодильнике. И потом: вам не режет слух словосочетание — авторитет воспитателя?

— А почему должно резать?

— Потому что оно подразумевает авторитет профессии, а это само по себе глупо. Авторитетной может быть только личность.

Нури прав, подумал Иван Иванов. Конечно, личность, если она добром и знаниями утверждает авторитет. Но врач и воспитатель должны быть авторитетны изначально, потому и строг отбор и сложные экзамены для кандидатов в воспитатели. Иван оглядел выращенное деревце, уловил признаки увядания — еще день простоят и засохнет. Пусть. Все подобные чудеса недолговечны.

— По-моему, ваши беды оттого, что вы погрязли в буднях, что и имел в виду Нури,— сказал охотник Олле.— И потеряли ореол героев, столь привлекательный для детей.

— А Марья Ванна? Как у нее с ореолом?

— Бабка другое дело, Рахматула. Она у истоков, а вы неофиты, вы начинающие...

Бабку привел Сатон. Директор Института Реставрации Природы был с ней почтителен, а бабка с виду была неулыбчива и свирепа.

— Познакомьтесь,— сказал он.— Марья Ивановна, няня. А это ваши ученики. Рахматула Хикметов. (Рахматула сделал шаг вперед и склонил голову.) Космонавт, йог. Пока единственный, кто побывал на Венере. Имеет высшую награду — пояс космонавта. Признан достойным... Иван Иванов. Маг. (Иван извлек из воздуха шикарный букет роз и молча положил на стол перед Марией Ивановной. Бабка шевельнула худым плечом, покосилась на букет.) Признан достойным... Хогард Браун. Спелеолог, автор трудов по прогнозированию и утилизации энергии землетрясения и... юморесок. Признан достойным.

— Э,— сказала бабка.— Серьгу убери или смени камень на овальный.

— Сегодня же, Марья Ванна.

Ворон на подоконнике склонил набок голову, прислушиваясь.

— Нури Метти,— продолжал Сатон.— Кибернетик, механик-фаунист. Генеральный конструктор большой моделирующей машины. Признан достойным.

Бабка чуткими глазами оглядела учеников и по добрела. Видимо, они понравились ей своей серьезностью.

— Марья Ивановна будет вести практические занятия, поможет вам овладеть некоторыми навыками.—

Сатон поцеловал бабку в щеку и вышел по своим делам.

— Вазу с водой,— ни к кому не обращаясь, сказала бабка.

Хрустальная ваза возникла перед ней, и бабка поставила в нее цветы, чтобы они не завяли. Потом принесла объемистую плетеную из лозы корзину.

— То, чему я вас научу,— начала она,— может вам понадобится, а может, и нет, но знать это нужно. Фильмы вы смотрели, таблицы там всякие, диаграммы изучали, теорию знаете, верю. А я вам преподам главное. Вы должны помнить: экзамены у вас позади, а впереди целая жизнь ученья, если уж вы сподобились и признаны достойными.

Она достала из корзины тряпочку, расстелила ее на столе.

— Это пеленка.

Бабка вытащила розового голого младенца, положила на пеленку.

— А это кукла. Учебное пособие. Младенец. Дите. Ясно? Младенец состоит из рта, живота, ручек, ножек и попки.

— Попка,— повторил Хогард.— Это надо запомнить.

— Дите,— продолжала бабка,— любит чистоту, хорошее настроение, доброту и чтобы с ним непрерывно разговаривали или хотя бы агукали. Вот ты, агукни.

Выслушав, как агукает Нури, бабка обиделась.

— Рехнуться можно,— нервно вздрагивая, сказала она.— Ты, парень, лучше не разыгрывай меня. Нечистая сила так агукает по ночам на кладбище!

Бабка долго и смачно ругала учеников за грубость и неспособность, потом достала из той же неисчерпаемой корзины ролик и в качестве домашнего задания велела прослушать его и к утру освоить разговор с младенцем или хотя бы мало-мальски сносное агукание.

— Если дите отсырело, если у него болит живот или оно хочет есть, или его кто ненароком обидел, то дите заходится.

— Как это? — робко спросил Иван.

— Не слышал? Послушай.— Бабка звонко шлепнула учебного младенца, тот всхлипнул и заревел. Во время жуткого перерыва в реве бабка сказала: — Вот это и есть — заходится.

— Силы небесные,— пробормотал Рахматула.

— А с этим можно бороться? — спросил Хогард, белей сметаны.

— Вам бы только бороться,— завелась бабка.— Вам бы только трудности преодолевать! Надо выяснить причину, почему дите недовольно. И устранить. Например, перепеленать. Но не туго.

Бабка что-то сделала с младенцем, и он замолчал. Ученики столпились у стола, чтобы лучше видеть. Ворон сел на плечо Хогарда, потянул серьгу, но ошеломленный плачем спелеолог даже «кыш» не сказал. Потом под пристальным и явно пристрастным наблюдением бабки все по очереди пытались спеленать младенца.

— Это тебе не по пещерам шастать.

Полою тоги Хогард вытер с лица пот, губы его подрагивали.

— Чего там, я бы смог, но то ручки выскакивают, то ножки.

— Я младенца вам оставляю. Тренируйтесь до полного автоматизма. Чтоб мне пеленали с закрытыми глазами! Завтра будем проходить купание, подстригание ногтей, потом варку манной каши, кормление, постановку клизмы, одевание-раздевание и так далее. Программа обширна.

— И так далее,— сказал Нури, когда бабка ушла. Все подавленно молчали.

— Олле прав, ореол слинял. Я тоже думаю, не слишком ли много дидактики, статичности, этакой прямолинейности в подходе. Да и непонятно, чего мы, собственно, хотим от своих воспитанников. Чтобы они стали людьми? Но каждый из них уже человек, без наших усилий. Какова, собственно, цель воспитания? Не учения, воспитания.

— Ты что, Иван, ты это серьезно?

— А тебе ясно, Нури? Поделись.

— Мне ясно. Я стремлюсь воспитать доброту. Уважение ко всему живому и сущему. Остальное приложится и без нашего вмешательства. И по части этого... героизма.

— Брось,— перебил Олле.— Никто не требует, чтобы ты говорил о себе или Рахматуле. Но на вас смотрят в сотни глаз. Потому и жить надо на пределе.

— Не понимаю. Предел—это всплеск, это вне будней.

— Пусть так, но кто из ваших воспитанников видел вас в этом всплеске? И жизнь не из одних будней состоит.

Нури вглядывался в лица друзей, разгоряченные спором, и привычно угадывал очередную реплику еще до того, как она была произнесена. Это странное, необъяснимое умение пришло к нему на третьем году работы с детьми, и он не удивился, а принял это как должное. Иначе было бы просто невозможно жить среди малолетних гениев с их невероятными способностями. Нури, как и остальные воспитатели, посещал все занятия, положенные по программе дошкольного обучения. Он с восторгом слушал поразительные по чистоте и логике лекции и, потрясенный, сознавал, что сложнейшие понятия современной науки с легкостью воспринимают его трех- и пятилетние воспитанники. И все-таки это были обычные дети, нормальные во всех отношениях. Просто взрослый мир еще не успевал за их развитием, как и прежние поколения не успевали за своими детьми. Но уже пришло время, когда человечество стало отбирать из своей среды все самое лучшее для обучения детей и их воспитания.

Бувескул. Пульсирующее чудо: малолетние генетики вывели бациллу учебную величиной с кулак. Чтобы не сидеть у микроскопов. И питательную среду подобрали — вишневым компотом. Изловчились мар-

сианского зверя приручить — гракулу. Впрочем, гракула сама лезет к детям. Что там Хогард говорит?

...На пределе. Это мне нравится. Если всем вместе. Что-нибудь необычное, праздничное, выходящее из повседневности, а?

— И помещение найдется! Привлечем общественность, накроем стадион надувной сферой, поставим растяжки, скамьи этаким амфитеатром,— Рахматула прищурился.— Чтоб не под открытым небом... Какой цирк под открытым небом!

Цирк? Тут Нури засомневался.

— А справимся?

Рахматула поднял с песка пояс космонавта, похожий на старинный патронташ, надел его и прижал руки к бедрам.

— Если не мы, то кто? — Он оторвался от земли и завис, опоясанный голубым сиянием.— Сейчас я вам покажу то, что мало кто на земле видел. Смотрите.

Рахматула со страшной скоростью взмыл вверх и тут же вернулся, неся под мышкой выловленного в поднебесье журавля.

— Вот, пожалуйста.

Журавль, не испуганный, изумленный случившимся, сначала постоял, шатаясь, потом вырвал с корнем выращенное Иваном деревце, шваркнув ногой, брызнул песком в морду Варсонофию и клюнул в живот Хогарда. Все это было проделано в невероятном темпе. В следующее мгновение журавль перешагнул через Олле и, сопровождаемый громовым хохотом корчащихся на песке воспитателей, ринулся вдоль берега по мелководью.

На шум вышел из пещеры Отшельник. Вообще-то это был известный в кругах специалистов зоопсихолог Ф. А. Судьба. Жил он постоянно в пещере, разделяя ее со львом Варсонофием, изучал в ИРП психологию сытого хищника и, по мере постижения ее, все добрел и добрел. Один из фундаментальных выводов в его трудах гласил, что если хищника накормить, напоить и спать уложить, то он не укусит. Последние десять лет он отказывался от законного отпуска, за что и был прозван Отшельником.

Ф. А. Судьба пожевал губами и поправил на бедрах козью шкуру.

— У вас пупки развяжутся, красавцы. И кому нужен шум? Моя поднадзорная скотина любит тишину. Она не любит быть напуганной.— Отшельник застыл в недоброй позе официального оппонента.

Но тут прибежали толстенные мягкие львята, полезли обниматься к Варсонофию, и Отшельник оттаял.

— Какая прелесть,— сказал он.— Как это умиротворяет... А почему эта птица,— он ткнул перстом в сторону журавля,— околачивается здесь, когда ей место в небе?

Узнав, в чем дело, и отсмеявшись, Отшельник вернулся в пещеру. Оттуда, жалуясь на немощи и возраст, приволок неподъемный валун. Он часто таскал

с места на место эту неудобную камешку, чтобы не ожиреть. Отшельник утверждал, что перед ним вечно стоят две проблемы: чего б поесть и как бы похудеть. Он уселся на камень и принял участие в педсовете.

Услышав о цирке, Отшельник оживился:

— И непременно с животными! Я дам Варсонофия. Насовсем.

Все надолго потупились. Хогард, элегантный даже в плавках, послунил палец и смазал ранку на животике. А потом Нури сказал:

— Не надо. Мы вас уважаем, Франсиск Абелярович. Даже любим. Но... не надо. Заснет.

— Это да, это он может,— с горечью признал чуждый лукавства Отшельник.— Тогда, знаете, вам надо связаться с Айболитом, у него есть незанятые звери из команды выздоравливающих.

Пра-пра-правнук знаменитого целителя и достойный представитель фамилии был главным врачом ветлечебницы при ИРП, и если где можно было достать необходимое для дела количество хищников, так это у него. Сами приходили: кто не бодался с разбегу, тот не знает, что такое настоящая головная боль...

— Ладно, животных я беру на себя,— сказал Олле.— Из любви к детям. И познакомьте меня с той девчушкой, что щенка жалела.

...Вылез из воды и высох Гром. Варсонофий и львята давно скрылись в пещере, оттуда доносился молодецкий храп. Явилось на водопой поднадзорное стадо антилоп, и, наконец, возник и укоризненно маячил неподалеку домовый кибер Телесик, он же по совместительству животный смотритель. Маячил, давая понять, что костер и шум мешают обитателям леса и что пора бы всем по домам,

— Цирк!

В пространстве родилась мелодия и высветлился луч, в котором парил, снижаясь кругами, гигантский ворон.

— Цирк!

Луч растекся розовым сиянием, и ворон уже казался красным. Ленивые взмахи его крыльев рождали ветер, трогаящий запрокинутые лица. Было слышно, как хрустальные шарики падают на хрустальное блюдо.

— Цирк!!! — кричал ворон.

Вспыхнул свет и залил весь цирк, и скамьи, заполненные зрителями — детьми и взрослыми, и узорчатый ковер на круглой арене. Ворон черный, обычных размеров, опустился в центре ковра рядом с великолепным снежно-белым попугаем.

Взмахнул волшебной палочкой маэстро, и под звуки труб в черном смокинге и ослепительной манишке вышел на арену невероятно импозантный Хогард Браун. Чуть подвитые локоны ниспадали на его благородный лоб, под стрельчатыми бровями благодушно светились глаза.

Он сделал величественный жест. Музыка смолкла.

— Начинаем представление! Большая разнообразная программа! Для детей всех возрастов — от

двух до ста и более. Сегодня вы увидите то, что вы увидите! А сейчас на арене мастера разговорного жанра. Попугай Жако! Прошу!

Попугай взлетел и опустился на вытянутую руку ведущего.

— Рекомендую,— дикция Хогарда была безупречна.— Известный лирик из бассейна реки Амазонки.

Попугай кланялся во все стороны, приговаривая: — Благодарю, благодарю.

— И черный ворон,— продолжал ведущий. Ворон уселся на второй руке. С вороном многие были знакомы, а кое-кто ему даже сочувствовал. Жил он с белой вороной и, видимо, жил плохо. Грустный и всегда чем-то расстроенный, он обычно целыми днями сидел на ветке клена неподалеку от развилки с гнездом и избегал контактов. Однако было замечено, после развода он заметно оживился и даже помолодел. Последнее время он подолгу беседовал с Олле и часто посещал рошу у дома Сатона, где безвылетно жил белый Жако. Сейчас ворон выступал в новом ампула, и ему одобрительно похлопали.

— Долгожитель,— сказал Хогард.— И прорицатель.

— Это верно. Я мудр от природы.

Попугай захохотал:

— Прорицатель! Ну предреки, что ждет меня сегодня?

— Могу. Ты потерряешь перо из хвоста своего! Хогард взмахнул руками, и птицы исчезли.

— Первый номер нашей программы. Человек и конь.

Погас и вновь вспыхнул свет. И не было уже арены и цирка, а была степь без края и одинокое дерево у ручья. Склонился к ручью пятнистый олень и не видит, как охотник ползет, скрываясь в траве. Просвистело копьё и вонзилось кремневым наконечником в землю, не долетев до цели. Олень оглядел качающееся неровное древко копьё и через мгновение исчез, словно растаял вдали. Охотник, сутулясь, посмотрел ему вслед, вытащил из плеча колючку, подобрал копьё, залез на дерево и замер, поджидая добычу.

И тогда возник конь. Он летел, распластавшись над степью, а грива его сливалась с травой. Восторгом загорелись глаза охотника, и, когда конь остановился у ручья, упал он ему на спину, вцепившись в гриву.

Пронзительно заржал, взметнулся конь, и исчезла степь. На арене, на золотом коне без седла и узды, раскинув руки, мчался обнаженный по поясу Олле. Он кричал что-то и смеялся, и свистел ветер, нет, это музыка, слитая с движениями коня, со смехом всадника, с аплодисментами и криками детей, звучала в цирке. На всем скаку конь замер, в двойном скалоте Олле перелетел через его голову и стал на ноги. Он поклонился зрителям.

— Олле!

Он подошел к коню, обнял его и поцеловал в фиолетовый глаз. Конь вытянул шею, бережно положил ему голову на плечо. Так они и ушли с арены.

Вышел Хогард с попугаем на плече. Хохолок у птицы топорщился, глаза были закрыты.

— Ты что такой хмурый, Жако? Доверься. Здесь все свои.

Попугай оглянулся и сказал на ухо ведущему:

— Меня беспокоит предсказание. Я, конечно, не верю, но рисковать не хочу. Очень уж я впечатлительный.— Он взлетел и уселся на трапедии под самым куполом.

— Следующий номер...

Мимо ведущего на арену выбежали пять волков. Они медленной рысью сделали круг вдоль барьера и уселись конвертом мордами к центру. А в центре матерый волчище.

— ...хоровой вой. Волки своют песню «Среди долины ровныя».

Сначала жутким, на уровне инфразвука, воем начал вожак. Волки вступали в песню по одному. В темноте пять кругов света выхватили пять одинаковых фигур. Под куполом возникло желтое пятно, сфокусированное на попугае. Волки наподдали.

— Как они свылись! — впелся в мелодию голос Хогарда.— Нет, как они вывывают... вот это... слышите?

Виолончель повторила мелодию. Хор смолк, и лишь вожак — он уже остался один в своем пятне, — пригнув голову, приканчивал песню на той же низкой ноте.

Засвистела, заскулила вьюга.

— Один.

Кто-то всхлипнул на весь цирк.

— Холодно серому...

Поземка крутила снежные вихри вокруг неподвижно лежащего зверя.

— Голодно...

Над волком поплыли лунные сумерки, и уже какие-то пятилетние из публики, хлюпя носами, активно устремились на арену согреть замерзшего, накормить голодного, обласкать одинокого.

Снова вышел ведущий:

— А сейчас то, что нужно всем — и детям, и взрослым: иллюзия! На арене маг. Иван Иванов!

Маг появился верхом на слоне, держа в руках небольшой сундучок. Он раскрыл его и выпустил воздушный шарик. С тихим звоном тот поплыл в зал и опустился кому-то в руки.

— Каждому по шарiku. С бубенчиком, — сказал Иван.

Из сундучка один за другим поднимались разноцветные шарики, но не было никакой суматохи, потому что каждый шарик знал своего хозяина и летел к нему. А потом в цирке медленно потемнело, а шарики засветились разноцветно в руках детей, и это было хорошо, так потом сказала бабка Марья Ивановна, пояснив:

— На празднике ребенок с шариком — это совсем не то, что ребенок без шарика.

Тут слон, обняв хоботом, снял с себя Ивана, подпрыгнул и повис над ареной, как неуклюжий аэростат. Его ухватил за хвост униформист из акселера-

тов старшей группы и увлек за кулисы. Всем стало ясно, что слон тоже был надувной.

Маг сбросил с себя черный в золотых звездах плащ, поклонился зрителям, пуская из глаз синие огни. А плащ, трепеща, поднимался над ареной все выше, постепенно превращаясь в ворона. Попугай слетел с трапедии навстречу ему.

Иван раскинул руки крестом и вытянул указательные пальцы. Ворон и попугай вцепились в них, взмахнули крыльями и подняли мага.

— Не чувствую тяжести, — сказал Жако.

— Чарродей, — проговорил ворон. — Разве в нем вес.

Птицы кружили над ареной, унося волшебника, и исчезли под куполом в темноте. И всем стало ясно, что Иван Иванов действительно великий маг.

Пока зрители дули на покрасневшие ладошки, на арене снова появился Хогард. Он снял смокинг и облячился в сверкающую броню — легкую, не стесняющую движений кольчугу с нашитыми на плечах и груди серебряными пластинками.

— А теперь — я! И недрессированный хищник. — Он положил на ковер свернутую кольцами веревку. — Задача: связать хищника, не повредив его.

Наведенное силовое поле, угадываемое по радужным бликам, накрыло арену. Хогард оглядывал полутемный цирк смеющимися глазами.

Бесшумно, стелясь над ковром, выскользнул на арену пятнистый барс и серой молнией метнулся к Хогарду. Дальше все слилось в ревуший клубок и вихрь. Через несколько мгновений клубок распался. Хогард снова стоял в центре арены, скрестив руки на груди, а у ног его шипел и плевался опутанный веревкой неповрежденный хищник. Цирк ошеломленно молчал.

— Извините, ребята, — смущенно улыбнулся Хогард. — Видимо, я поспешил, да? Вы и рассмотреть не успели? Но, знаете, я его просто боюсь, ужас как царапается. Не беда, мы сейчас повторим номер.

Он уволок барса, и тут же на арену выбежала крохотная девочка. На ней была легкая кольчуга с нашитыми серебряными пластинками. Комично вальяжная и серьезная, она, копируя движения Хогарда, положила на ковер свернутый кольцами шпагат.

За кулисами слышались взволнованные голоса, возня и звяк металла. Вышел Нури — в каждой руке по пистолету, заряженному, судя по всему, мгновенно усыпляющими пулями. Бабахнет из такого — и даже если попадет тебе только в кончик хвоста, все равно тут же лапы кверху, усы к низу и густой сон, как после неожиданного обеда. Оглядываясь, выбежал Гром в колочем наружу ошейнике и встал неподалеку, готовый к хватанию и удержанию. Напряжение нарастало. Взорвался тревожной дробью барабан в оркестре, Нури вскинул пистолеты, ошетинился Гром. Смолк барабан, и вот, стелясь над ковром, выскользнул на арену взерошенный котенок, маленькая копия грозного барса. Выскользнул и сел, тара-

шась в хохочущую темноту, свежий, как майская роза. Этот будущий крупный специалист по мышам почесал себя за ухом, потянулся.

— Барсик!

Котенок прыгнул к девушке. Она подхватила его на лету, прижала к себе, не спеша опутала лапки шпагатом, положила на ковер и застыла, скрестив руки на груди. Цирк приветствовал ее восторженными аплодисментами, переходящими, как вы понимаете, в овации.

Хогард и Нури, тужась, уволокли котенка за кулисы, а потом Хогард, опять в смокинге, объявил коротко, держу пари, короче быть не может. Он сказал:

— Йог.

— Рахматула, здравствуй! — крикнул с трапеции попугай.

В чалме, в набедренной повязке, сложив ладони, Рахматула кланялся на четыре стороны.

— Демонстрация элементов высшей йогии, — сказал он. — Протыкать себя гвоздями или впасть в каталепсию я не буду — это так же неинтересно, как медведь с кольцом в носу.

Два слона отбуксировали на арену огромный стеклянный аквариум — бассейн. В голубоватой подсвеченной воде плескался и пускал пузыри дельфин. Слоны приставили к бассейну две ваги с прорезями. Хогард подавал сабли, а Рахматула подбрасывал платок, разрубал его саблей и вкладывал каждую в пасть ваг, образуя лестницу. Хогард от барьера до лестницы полил ковер бензином и, уходя, успокоил:

— Ковер из негорючей синтетики.

Пламя взметнулось, обдав жаром зрителей, и в эту огненную дорогу шагнул Рахматула и пошел по ней в огне до плеч. Загорелся свисающий конец чалмы, йог зажал его в кулаке, поднялся по сабельной лестнице и прыгнул в аквариум вниз головой.

— На бедного мишку все шишки! Как пить дать, утопнет! — возопил попугай.

Обгоревшая чалма плавала на поверхности. Йог уселся на дне, скрестив ноги. Возле него крутился встревоженный дельфин. Рахматула погладил его: все в порядке, спасать не надо.

Минут через десять невредимый йог встал, ухватился за край бассейна, рывком перекинул тело и повис на стенке снаружи, не доставая до ковра сантиметров двадцать. Проектор поймал его в белый круг, в тишине послышался хруст, и было видно, как толчками удлиняются руки — кости выходили из плечевых и локтевых суставов. Рахматула встал на ковер, опустил руки, и они коснулись лодыжек. Потом канатами взбурлились мышцы, возвращая кости на свои места.

— Группа дрессированных ослов! — грассируя, выкрикнул сверху попугай. — Чудеса самодрессуры!

Что творили на арене веселые ослы — описать невозможно. Это надо было видеть. Такие добродушные и совсем вовсе не упрямые.

До позднего вечера продолжалось представление. Выбегали на арену гиены, сытые, умытые, ничему специальному не обученные и потому добрые. Они

играли друг с другом и с Олле. Приходил медведь без следов радикулита и кувырчался на арене, и боролся с Нури, и вообще всячески веселился сам и веселил зрителей. Он долго не хотел уходить, и тогда Олле уложил его в мешок и унес на спине куда-то.

С нервическим хихиканием попугай вырвал у себя из хвоста перо:

— Я весь издергался, извелся в ожидании. Покончим с этим и забудем.

Из-под купола спустились журавли, исполнили танец маленьких лебедей и важно ушли за кулисы.

Была коррида. И неуловимы были движения безоружного Нури, когда бык пронесся мимо и застыл от удара ладонью в холку, и снова кидался, оскорбленный пренебрежением к своей мощи и ярости.

То стихал, то вновь вступал оркестр, сопровождая выступления, вспыхивал маленький фейерверк, и шутики крутились под куполом, брызгаясь разноцветными огнями.

И было еще много разного, интересного и поучительного, смешного и серьезного в том представлении. Словом, праздник удался на славу.

...Подходил к концу летний сезон. Скоро придут родители и увезут детей по домам, а здесь останутся только ребятишки сотрудников центра ИРП — несколько групп дошкольников со своими постоянными воспитателями. Предстояла длинная шестимесячная пауза. Олле привлек на это время Нури в организованную ИРП службу экологического патрулирования, Рахматула должен был прочесть цикл лекций в жмеринской школе йогов. У Ивана накопилась куча дел во Всемирной ассоциации магов, где он был председателем. А Хогард уговорил няню Марию Ивановну взять его на углубленную стажировку. И предстояло еще многократное посещение воспитанников, проживающих на разных континентах: по статусу и по совести воспитатель становился полноправным членом семьи воспитанника. А еще нужно было время, чтобы просто жить, смотреть на людей и звезды, гладить зверя по шерсти, выращивать картошку и розы и ходить под дождем по лужам...

Утром Нури и Хогард провожали старшие группы в пеший поход по побережью, долго разговаривали с инструкторами, проверяли рюкзаки, не туго ли затянуты лямки, не жмет ли обувь? Нури еще раз убедился в исправности самобеглой тележки. Вроде все было в порядке, но беспокойство, уже ставшее привычным, не покидало его. Ох, уж эти походы с их вечными неожиданностями, со стертymi ногами, синяками и занозами, с волдырями от крапивы и комаров. Сидели бы дома, что ли? Или взять орнитоплан и незаметно следом, а?

Он поймал понимающий взгляд Хогарда и засмеялся:

— Тебя тоже родительские мысли гнетут?

— Ой, гистут. Этакие наседкинские. Марья Ванна говорит, что это первый признак профессионализации...

А по влажному песку, почти в полосе прибоя, пяти- и семилетние, уходя, голосисто орали старинную пиратскую песню.

Пират, забудь про небеса,
Забудь про отчий дом.
Чернеют дырья в парусах,
Протыкнутых ножом.
Там девятнадцать храбрецов
Сошлись на смертный бой,
И вот один уже лежит
С отгрызенной ногой!

Следом чуть в стороне бежала тележка, груженная палатками и аквалангами.

— Красиво поют... Ладно, пойдём к себе,— сказал Хогард.— А это еще что такое? И сюда добрались?

Между акаций, ухватившись за стволы, таким гамачком висел марсианский зверь гракула. А в гамачке, шерстяном и мягком, разметавшись, сладко посапывали два голыша из ползунковой группы. Гамачок слегка покачивался, и то ли действительно звучала, то ли мерещилась колыбельная.

Воспитатели на цыпочках отошли в сторону.

— Мне иногда кажется, что она вполне разумна.

От акаций явственно донесся приглушенный смехок.

Ночью дежурил Хогард. Он обошел спальни, укрывая тех, кто был раскрыт, проверил еще раз защиту от летающих и ползающих насекомых. Лесные шорохи и звуки не мешали сну, от океана доносился пахнувший соснами и водорослями ветерок. Было спокойно и легко думалось.

А на окне в аквариуме мутант бубескул высветлял кем-то тайно налитый вишневым компот. Без косточек.

ТИШЕЗИН СИНДРОМ

— Ничто так не сплачивает космический коллектив, как единство этических и эстетических представлений.

Выдав этот афоризм, Вася изогнул седую бровь и поглядел на меня. Тут даже Клемма — и та поняла, чего от меня хотят. Дохнув озоном, она принялась за дело, символически расчищая место для дискуссии: убрала чайный прибор, сняла со стола впечатленца пустотелого, который заправлялся из вазы родниковой водой, и посадила его на окно. Клемма — мой домовый кибер — следит, чтобы в квартире было чи-

сто и красиво, и поэтому впечатленец у меня всегда толстенький такой, гладкий и бодрый... Сегодня Вася опять навестил меня и заодно принес свой групповой портрет. Вроде как на неофициальную экспертизу. Впечатленец, чуя халтуру, обфыркал то место, где Вася третий с конца, и мы оба приняли это как должное. Ничего не поделаешь, мнение впечатленца о произведении искусства, как говорят, обжалованию не подлежит. Для меня разговор, который начал Вася приведенным выше афоризмом, не был неожиданным: в присутствии впечатленца люди всегда почему-то говорят об искусстве. А лично я ценю эту зверюшку как огородника, не более того. И уж как-нибудь сам сумею отличить хороший этюд от плохого...

— Насчет этики согласен,— ответил я, потирая поясницу.— Этика регламентирует отношения в коллективе и тем полезна. Когда же говорят про эстетику, я всегда вспоминаю Тишку.

Вася не спросил меня о связи между эстетикой и собакой, Вася поморщился. Как и все члены нашего экипажа, он не любил вспоминать об экспедиции на Цедну. Это понятно. Выглядели мы тогда не лучшим образом. Как говорит капитан, вели себя не адекватно. Лично я отношусь к случившемуся философски, то есть, по квалификации Васи, наплевательски. Процесс познания бесконечен, и какая разница, освоит человечество Цедну на сто лет раньше или позже. А поскольку истина недостижима, то, полагаю, ничего не случится, если оно Цедну вообще не освоит. Я высказывал эту точку зрения и публично, и в тетя-тетной обстановке, и всегда разгорались дискуссии. Как и в любом споре равных, каждый оставался при своем мнении, что не мешало нам уважать друг друга. Сейчас-то я знаю, что друзей мы не выбираем, их нам дает судьба, и надо принимать их такими, каковы они есть. А раньше мы умудрялись ссориться по пустякам, не понимая, что день неповторим и каждую минуту надо беречь для приятного общения. Признаюсь, что я таким умным стал, когда в связи с возрастом отошел от дел. Конечно, триста лет — это еще далеко не старость, но в космосе уже делать нечего.

Так о чем это я? Ах, да, о Цедне. Я уже рассказывал о наших великолепных по результатам экспедициях на Ломерею, на Теору и другие планеты. Но и мы, прославленные, не были застрахованы от неудач. Что ж, пусть и об этом узнают потомки, пока не поздно... м-да. Если бы с нами тогда был Си Многомудрый или Невсос, этого бы не случилось. Но на Земле тогда начались работы по реконструкции днища Тихого океана, и была большая нужда в специалистах по донным ландшафтам, а лучше дельфина и осьминога в этом никто не разбирался.

Цедна, рядовая планета, освещаемая своим оранжевым солнцем, была обитаема, и, готовя свой разведочный рейс, мы учитывали это обстоятельство. Если вы помните, тогда с нашей легкой руки началась эпоха открытия обитаемых планет, и многие из них десятилетиями дожидались своей очереди на исследование. Разведочных кораблей не хватало, как, впрочем, не хватает и сейчас... /

Мы высадились на Цедне, как всегда оставив звездолет на орбите. Отличная, скажу вам, планета. Зеленая, обильная холодными речками и теплыми морями. Мы летали над ней на махолетах, неспешно разглядывая окружающую красоту. Махолет — он на глюкозе и не заглушает запахов, а планета пахла черемухой. Леса и воды были населены зверьем, в воздухе реяли птицы, в траве звенели насекомые. К вечеру мы неохотно возвращались в свой третий уже по счету лагерь. Ну да, третий. Первый мы разбили на опушке хвойного леса, накрыли территорию защитным полем и лишний раз убедились в мудрости составителей предписывающих инструкций. Наш капитан, к слову, делит все инструкции на полезные предписывающие и вредные запретительные. Первые он знает назубок, а что касается запретительных, то, помню, перед стартом пришли мы к нему домой в гости, он вышел к нам, толкая перед собой тележку, и на нем лица не было.

— Ну вот, — решили мы. — Капитан никак заболел.

— Ребята, как по-вашему, я человек дисциплинированный? — в голосе капитана звучал непривычный для нас надрыв.

— Он еще спрашивает! — воскликнул Вася Рамодин.

— Тогда все! — сказал капитан. — Отлетались. Старта больше не будет! Вот это, — он кивнул на книжки, грудой уложенные на тележке. — Это запретительные инструкции. Мне с чего-то взбрело в голову их прочесть, затмение нашло. По точному их смыслу нам не то что летать, нам и ходить-то нельзя.

— А ты о них и забудь! — посоветовал случившийся здесь председатель Государственной комиссии. Старый космический волк держал под руку молодую космическую волчицу, был в связи с этим алертен, сиял улыбками и знал, что чего стоит. Знал он и составителей инструкций, из которых никто, странным образом, сам в космосе не бывал. Сейчас-то я уже понимаю: каждый жить хочет, и тот, кто сам взлететь не может, тот лезет других учить и проверять. Полагаю, дело в том, что за всю историю человечества запретитель ни разу ответственности за свои пемехи делу не понес. Но это так, заметки на полях. Короче, капитан последовал примеру умного человека с тем результатом, что мы благополучно стартовали и прибыли на Цедну...

Так о чем это я? Ах, да. О Цедне. Накрыли мы, значит, лагерь защитным полем и хорошо сделали, ибо утром проснулись от звуков (поле пропускает звук), по сравнению с которыми мартовский вопль glandista-микрофонщика, как капитан называет эстрадников, казался колыбельным мурлыканьем. Продрав глаза, мы увидели у кромки поля четырех зверей. Представьте себе покрытую пенистой слизью свинью на шести длинных суставчатых ногах, и вы получите то, что надо. То, что будет отдаленно похоже на эту богомерзкую тварь. Умывались и завтракали мы, не глядя по сторонам: какофонию слегка приглушили звукопоглотителями, но аппетит уже одним своим видом портили скользкие скоты. Потом

мы свернули лагерь, погрузили оборудование в звездолет, и капитан после часа полета выбрал в горах сравнительно ровную площадку, которую мы полдня очищали от камней. У леса, конечно, лучше, но мы были на все готовы, лишь бы не видеть больше этих свиноподобных. Напрасны оказались наши труды: утром двое из них суетились и орало у лагеря, поражая нас отвратительной, как в кошмарном сне, внешностью. Мы могли вернуться на катер под его защиту радиусом две меганоты и тем самым избавиться от этих страшилищ, но капитан решил попробовать еще раз. Третий лагерь мы разбили у голубой бухты в окаймлении живописных скал на берегу моря. И что вы думаете? Целое стадо выверилось на нас со скал! Орало они вроде уже потише и не все сразу, но все равно смотреть на них без озноба никто из нас не мог.

— Однако, — сказал утром капитан. — Они здесь живут, а мы только гости. Будем так: они сами по себе, а мы сами по себе. Не станут же они нас кусать?

Мы долго смеялись капитановой шутке, понимая, что никто из нас не даст повода быть укушенным. Потом каждый занялся своим делом — программу надо было выполнять, и не родилось еще во вселенной зверя, который помешал бы нам это сделать. Короче, мы стали работать, как положено, и заставили себя не то чтобы не замечать, но не обращать внимания на этих зверюг, которые в общем-то оказались для нас безвредными. Они попадались нам в самых неожиданных местах, кричали, но работать не мешали.

А дел было много, как и в любой экспедиции. Пробное бурение, отбор образцов пород, семян, вод и растений, фотоохота за зверьем и насекомыми — это еще не самое сложное. Вася Рамодин выслеживал хищников и силой внушения вынуждал отдавать недоеденную добычу: мы хотели привезти на Землю шкуры для чучел, но не убивать же нам было местную живность...

Периодически кто-нибудь из нас отвозил все это на катер, чтобы не очень накапливать в лагере. И тогда приходилось выслушивать громкие жалобы Льва Матюшина на общую несправедливость. Все, дескать, заняты делом, один он сидит у катера, как привязанный, но он ничем не провинился и тоже хочет... В конце концов капитан сжалился над ним и посадил дежурить меня.

Я не скучал. Катер — он только так называется, а вообще это корабль для межпланетных перелетов, вполне внушительный и солидный с точки зрения того, кто не видел звездолета. С утра я делал обход, передавал на звездолет материалы предварительных анализов, мы с Тишкой завтракали, я консервировал в жидком азоте шкурки, чтобы сохранить клетки для будущих генетических реставраций. После обеда мы вдвоем гуляли по окрестностям.

Тишка была ничейная корабельная собака. Ничейная — совсем не значит нелюбимая. Мы любили ее, маленькую, в космах, веселую и ласковую со всеми.

Тишка была не из тех собак, что очертя голову бросаются навстречу опасности. Почуввав угрозу, она сначала убегала, а потом раздумывала, стоило ли бежать. И всегда приходила к выводу: бежать стоило. Чувство опасности у нее было развито необыкновенно, и она очень дорожила своей шкуркой. Я это написал потому, что мы в экипаже как-то долго спорили — можно ли собственную шкуру считать имуществом? Мнения, как всегда, разделились фифти-фифти. Но тут пришел капитан и сказал:

— Каждый может подарить свое имущество другому лицу. Подарить собственную шкуру нельзя. Следовательно, шкура неотчуждаема и с личностью нераздельна. Отсюда: шкура не есть имущество. Сберегая шкурку, Тишка бережет себя. Для нас! И за это ей спасибо.

Мы привычно подивились капитановой мудрости и заспорили о чем-то другом, а о чем, я не помню.

Если быть справедливым, трусила Тишка только когда оставалась в одиночестве. При нас это была смелая, во всяком случае весьма громкоголосая собака, всем своим поведением доказывающая, что на миру и смерть красна. Каждая собака не прочь при хозяине смелость показать.

Когда мы гуляли, она активно интересовалась мелким местным зверьем, оставшимся под куполом защитного поля. Это были в основном — голова да крылья — увимчики без присосок, соскачили бы быстрые и впечатлительные пустотелье, способные не одно киломгновение просидеть в созерцании какого-нибудь невзрачного цветка. Я уже говорил, что планета была густо населена, а к тому времени человечество уже понимало, что население важно само по себе, независимо от того, обладает оно с нашей точки зрения разумом или нет. На мой взгляд, у Тишки это понятие — уважение к живущему — было врожденным. Во всяком случае, на Цедне она никого не кусала, а так... баловалась. То облает кого, то усядется на чью-нибудь временно пустующую нору, благо густоты невероятной штаны ее были непрокусаемы и со стороны хвоста она за себя не опасалась. Сядет и не пускает в нору взволнованного хозяина. Подозреваю, Тишка старалась для меня, чтобы я успел сфотографировать зверушку. Тишка, как и все мы, после полетных будней радовалась возможности бегать по траве. А уж радоваться она умела всем телом, от носа до хвоста, и по любому подходящему поводу. Естественно, не сильнее Льва Матюшина в том случае, когда капитан освободил его от обязанностей вахтера. Лев после этого мог заняться своей любимой статистикой, дабы, как он говорил, не забыть, чем критерий Пирсона отличается от критерия Колмогорова.

Мы с Тишкой наслаждались тишиной и безлюдием. Свиноподобные, что бродили возле базы, больше не кричали, и Тишка без боязни подбегала к ним в те редкие моменты, когда мы оставались без силовой защиты. Но вскоре настало время сборов в обратную дорогу. Наш дисколет делал по два грузовых рейса в день, курсируя между лагерем и катером. Мое дело было снять защиту на время разгрузки, а потом мы

с Васей, как самые жадные до работы, компактно укладывали образцы в ящики и размещали их в грузовых отсеках. Механики демонтировали оборудование, картограф и планетолог последний раз прокручивали пленки, а капитан, как и положено, попевал всюду.

Мы спешили, ибо приближался момент старта нашего звездолета, рассчитанный корабельным навигатором, который и Цедны-то, бедняга, посмотреть не успел. Это только кажется, что звездолет может лететь в любое время, когда капитану угодно будет. Такая махина, снявшись с орбиты, всегда летит только по прямой (разумеется, с учетом кривизны пространства), и всякие маневры исключаются. А так как наша родная звезда Солнце тоже движется вместе с планетами, то курс звездолета рассчитывается с опережением. Там, куда сейчас нацелен наш звездолет, ни Солнца, ни Земли еще нет. Они в эту точку подоспеют как раз к моменту нашего прилета. Стоит опоздать со стартом — и снова придется навигатору вести многомесячные дискуссии с корабельным компьютером. Это я говорю для тех, кто случайно подзабыл школьные основы космонавигации.

Все имеет свой конец, даже, говорят, Вселенная, хотя я лично в это не верю, как не верю в ее начало. Природа логична, и нельзя, не греша против логики, утверждать, что Вселенная возникла в результате взрыва протояйца, в котором якобы было упаковано все вещество всех галактик. И расширится сейчас, чтобы потом снова ужаться до яйца. Конечность Вселенной, во времени ли, в пространстве ли, извините, даже в моей голове не укладывается...

Так о чем это я? Ах, да. Об отдыхе. Настал день, когда капитан объявил давно заслуженный нами выходной. И этот день тоже пролетел в заботах, но уже личного плана.

Вечером, помню, собрались мы в кают-компании. Я вывел муляжного мужика, усадил на стул лицом к спинке, обклеил датчиками шею, уголки глаз, виски, подключил энцефалограф и вставил, куда следует, кассету с записями биотоков мозга кого-то из членов экипажа. Кассету я достал наугад и ввинтил не глядя. Потом подошел Лев Матюшин и, садистски хэкнув, вдарил мужика кулаком по темечку. Мужик ткнулся лицом в спинку стула, приняв наиболее удобную для операции позу, а Лев взглянул на экран энцефалографа и увидел знакомый всплеск.

— Никак я сам себе по мозгам дал, а? — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Точно, муляжному мужику в этот раз досталась Левина кассета. Случайно, конечно, как и в прошлый раз... Я уже говорил как-то, что мое хобби — операции на мозге. И я всегда беру с собой муляжного парня, на котором можно имитировать любые повреждения любого органа. Очень, знаете, удобно. А был случай, когда этот муляж добрую службу всему человечеству сослужил. Но об этом в другой раз... Ну, вожусь это я с инструментами, сдвинул скальп с помощью скальпеля, обнажил черепную кость, короче, занимаюсь любимым делом. А капитан впечатленца пустотелого

рассматривает, который уселся возле горшка с засохшим кактусом. Сам впечатленец маленький, поменьше кошки будет, а глаз у него на стебле большой, и он этак им на кактус воззрился, а сам когтем землю вокруг рыхлит. Взрыхлил, лапу поливочную вытянул и зафыркал из нее мелким дождичком. Я десятки раз все это видел, но вздрогнул, когда из кактуса цветок полез. Капитан тронул впечатленца пальцем, а тот вытащил из нутра стебель с запасным глазом, уставился на капитана и помаргивает изредка.

— Меня никто не поливал,— задумчиво сказал капитан.— Но когда он так смотрит, мне тоже, гм, распустился охота.

Капитан первым понял, что впечатленцы пустотелые — телепаты. Интуитивно понял. Уже на Земле было установлено, что это особый вид телепатии, избирательно действующий только на растения. Впечатленец проникает в душу цветка, и та раскрывается ему навстречу. Если бы не моя врожденная и широко известная скромность, то мог бы заметить, что к акклиматизации этих животных на Земле и я руку приложил. На корабле я отвечал не только за здоровье членов экипажа, но и за корабельную оранжерею. А мы везли на Землю, в числе прочего, и десяток впечатленцев. И хоть Вася предупреждал меня, что мы можем остаться без огурцов (особенно любит он иногда по утрам малосольные), я под свою ответственность поселил впечатленцев в оранжерею. И что? А то, что на обратном пути мы отказались от анабиоза, чтобы не проспать ту редкостную еду, которая начала вызревать в нашей оранжерею. И притом в огромных количествах. Впечатленцы все делали сами: пололи, удобряли, поливали... Нам оставалось только собирать урожай.

Нет, много я повидал диковин, больших и маленьких, на голограммах, в чучелах и живьем, но впечатленцы до сих пор поражают меня. Мы были потрясены, узнав, что у них нет желудка и вообще всего того, что мы называем ливером. Но зато невероятно развита нервная система. И именно это натолкнуло меня на мысль, которая впоследствии подтвердилась, что питаются они пищей духовной, чистым созерцанием красоты. Так сказать, хорошими впечатлениями, за что и название свое получили...

Ну так вот, каждый, значит, занимается своим делом. Вася, знаток телекинеза, сам с собой за двоих в пинг-понг играет, Лев Матюшин читает справочник гиппопотамовода-любителя и хихикает в наиболее скабрзных местах, картограф рисует портрет три на четыре метра, а я удаляю из мозга осколком черепной кости. Капитану же все неймется: налюбовавшись впечатленцем, он устался на портрет.

— Любимая девушка, твердокопченую колбасу в руках держащая. Так я это назвал,— застенчиво объяснил картограф. И добавил: — По памяти рисую. Генетической.

— Сильная вещь,— одобрил капитан.— Ярko и в то же время не навязчиво уловлена связь между едой и красотой. Кстати, о красоте: ты куда собаку дел? — это он уже у меня спросил.

Я к тому времени срастил осколки, залил мозг биораствором и приладил на череп заплатку. Думаю, посажу скальп на место, заклею раневые края и проверю реакции. Вроде все правильно сделал, а мужик сильно косит. Отвлекаться мне во время операции нельзя, и я по-уставному, не задумываясь, отвел:

— Куда б я ее дел? Не девал я ее.

— Я спрашиваю, где Тишка?

Тут только до меня дошло, что капитан спрашивает, где Тишка. Где она может быть? Ну, сидит, как обычно, в кресле, чтобы ее мог видеть каждый и она видела всех нас. Каждая собака любит, чтобы на нее смотрели. В кресле ее не было. В результате судебного аврала, возникшего стихийно, было установлено, что Тишки нет ни на катере, ни в его окрестностях. Ничего себе сюрпризик!

Когда мы отдышались от беготни и криков, капитан никого не упрекнул.

— Собаки нет,— констатировал он.— А с орбиты мы должны стартовать через три оборота. Значит, Цедну мы должны покинуть завтра в это же время, чтобы за два оставшихся оборота подготовиться к старту. Спрашиваю всех, что будем делать?

Наш капитан не терпел совещаний, а равно заседаний и планерок, называя эти мероприятия толчением воды в ступе. И если он сказал «спрашиваю всех», то, значит, положение было из ряда вон. Надо было что-то делать.

Тут я поступил так, как поступил бы каждый член нашего экипажа. Я сделал шаг вперед и сказал:

— Капитан, это я проворонил Тишку. И если мы все улетим, то она может плохо о нас подумать. Но и оставаться всем не имеет смысла. Останусь я один. Если Тишка пока еще не съедена, я найду ее. Цедна — хорошая планета, ее так и так будут осваивать. Мы с Тишкой здесь подождем.

Я видел, как потупился Лев Матюшин — потому, конечно, что не успел шагнуть раньше меня. Я видел, как дернулся кадык у Васи Рамодина — это он гордился мной. А капитан долго смотрел на меня в упор, потом затряс головой и сказал:

— Да, непросто командовать такими людьми. Нет, не просто.— Он замолчал, и в тишине было слышно, как сучит ногами муляжный мужик, видно, я что-то напутал с двигательными центрами. Капитан выключил мужика и добавил ни к селу ни к городу: — Что пеньком о сову, что совой о пенек...

И закрыл совещание, не сообщив о своем решении.

Назавтра мы не улетели. Капитан, поговорив со звездолетом, счел достаточным и одного оборота на орбите для удовлетворительной подготовки к старту. Мы бродили по окрестностям, далеко обходя свиноподобных, которые попадались в одиночку, мы заглядывали в колдобины, исходили криком у каждой заросли, и все напрасно. Потом я по привычке заглянул в виварий и увидел на экранчике, что светлый фефел обьелся груш. Пришлось ставить ему клизмы — это не трудно, когда весь экипаж в сборе. Тут

кто-то вспомнил, что последним видел Тишку все-таки я, и меня попросили поделиться.

— Все,— говорю,— было, как обычно. Когда я позавчера утром умывался, Тишка обрычала меня за то, что долго копаюсь... Потом мы с нею ели приварок — утром считаю горячее необходимым — и я рассказывал ей, какая она у нас красивая, похожая на сфинкса, когда сидит, сложив лапы, и смотрит перед собой. И что у нее блестящие глаза и холодный нос, вокруг которого растет белый подшерсток, а из черных точек на нем топорщатся усинки...

— Усинки,— вздохнул в этом месте Вася.

— ...И что на нее нужно любоваться, так как шерсть ее, желтенькая такая на пузе, переходит в коричневую на боках и почти черную на спине. И что пусть ходит Тишка всегда лохматой: кто хоть раз увидел ее, тот остаток дней проживет в радости, и ему будут все завидовать, потому что он видел самую красивую из собак... Тишка поощрительно подскуливала в самых теплых местах, не догадываясь, что я преувеличивал ее достоинства.

— Ничего ты не преувеличивал,— прервал меня капитан.— Она такая и была.

— Капитан! Она и есть! И будет!! — Вася трахнул себя кулаком в грудь, и мы долго прислушивались, как гаснет в ближнем лесу эмоциональное эхо.

Э, что там говорить! Закончили мы погрузку, увязку и утряску, не глядя друг на друга. В должный момент заняли места по вахтенному расписанию, и капитан включил Маком.

— Начнем штатную проверку систем,— сказал он нарочито буднично.

— По какому поводу? — ребячьим своим голосом спросил Маком.

В те времена все корабельные мозги имели детские голоса, говорят — с целью предотвращения развития комплекса неполноценности. Это у космонавтов-то комплекс!

— По поводу предстоящего старта,— капитан был печален, как недоглаженный кот.

— А вот и нет,— говорит Маком.— А вот и не полетим!

Мы все замерли. Если бы наш капитан, не к ночи будь сказано, вдруг запел арию мадам Баттерфляй из одноименной, между прочим, оперы, мы бы так не удивились. Малый корабельный мозг — не более, чем навигационный компьютер. И вот поди ж ты! А капитан вроде и не заметил нарушения устава.

— Это в связи с чем не полетим?

— Одного едока в экипаже не хватает.

— Это ты Тишку имеешь в виду?

— Хотя бы, а что?

Капитан убрал с клавиш руки, прикрыл глаза. На виске его мелко пульсировала, билась жилка.

Тут я должен сказать, что каждый из нас мог позволить себе скорбеть по Тишке. И скорбил! Но капитан по долгу своему думал сразу о всех нас, скорбящих, и он держал себя в руках. Преодолев минутную слабость, наш капитан выключил компьютер и взял управление на себя.

Предстартовый порядок известен, и главное — в нем это забор воздуха в резервуары и сжатие его. При старте с обитаемых планет двигатели сначала работают на сжатом воздухе и лишь потом, на высоте десятка километров, начинается подача горючего. Это для того, чтобы не обжечь планету.

Сидим мы, значит, слушаем, как воют компрессоры, и смотрим на пустующее Тишкино кресло, в нем при взлете образовывалась противоперегрузочная ямка точно по Тишкиной фигуре. А капитан угрюмо разглядывает на пульте эргономическую фигуру в виде красного кукиша, и тот кукиш означает, что стартовый комплекс заблокирован, так как трап — он же крышка люка — не поднят.

И вот пошли оставшиеся до старта четырнадцать минут, начали счет семнадцати последних мгновений, смолкли компрессоры, капитан навесил над пультом указательный палец, и тут мы вдруг услышали усиленное динамиками Тишкино тьяканье.

— Капитан! — всхлипнул кто-то из нас, и палец опустился на клавишу кругового обзора. Вспыхнули экраны. От ближних кустов к нам неслась никем не съеденная Тишка, и встречный ветер сдувал в сторону ее рыжие бакенбарды. Тишка вспрыгнула на поднимающийся трап, сопя и взлаивая, взбежала в рубку по винтовой лестнице и с маху кинулась в свою ямку.

Мы стартовали!

Подобной суматохи я за всю свою летно-космическую жизнь не видел. Каждый спешил, как голый купаться, ибо по времени на звездолет мы прибыли впритирку. Мы кинулись по местам, едва в ангаре уравнилось давление. Только я на секунду задержался — прижать Тишку сверху пневмоподушкой, чтобы она не выскочила из ямки: помещать ее в компенсан уже не было времени. Буквально на ходу я всадил Тишке под шкурку укол снотворного и еще успел улечься в свою противоперегрузочную ванну, в упруго-податливый гранулированный кисель компенсана.

Ускорение в пять жи действует ошеломляюще, и я помню только, как ритмически сдавливал мое тело компенсан, помогая сердцу гнать по сосудам тяжелую кровь. Казалось, что перегрузка никогда не кончится. Магнитное поле ворочало нас в компенсане без малого шесть часов, и это был максимум, который мог выдержать самый слабый из нас. Обычно стартовое ускорение не превышает двух жи, но мы расплачивались за задержку на Цедне... Наконец смолкли двигатели, и наступила блаженная невесомость. Мы достигли скорости 1000 километров в секунду, и этого было достаточно, чтобы уйти в подпространство в любой удобный для нас момент. Мы теперь могли отдохнуть в инерционном полете. Капитан выплыл из ванны, стряхивая с костюма намагниченные гранулы компенсана, и сел за пульт. Предстоял сложный маневр по выбросу в пространство буера, в качестве которого мы использовали многотонный бак с запасами

воды. Наконец бак удалился, и натянулись тросы, связывающие его с кораблем. Капитан включил ненадолго боковые двигатели, и мы стали медленно вращаться вокруг буера. Появилась тяжесть в одну десятую земной, мы стали различать — где верх, где низ, я вылез из ванны и бросился на катер, посмотреть, что делается в виварии. Светлый фефел лежал хлебалом на полу, обрамленный редкими усами овалный экранчик у него под ноздрями едва светился, непонятное изображение на нем мерцало и расплывалось. Чувствовалось, что пятикратная сила тяжести плохо повлияла на скотинку.

— Ничего, оклемается, — рядом возник Вася и дал фефелу пить. Вася в свободное от ремонтов время помогает мне в уходе за животными и растениями. Они его любят.

Тишка спала в своей ямке и даже похрапывала. Судя по ее цветущему виду, ускорение она перенесла отлично. Мы разбудили ее...

В оранжерее дел оказалось не на один день: вьющиеся растения не очень пострадали, разве что размазались в кашу арбузы, но древовидные требовали большого лечения. На полу блестели лужицы воды, выжатой из впечатленцев пустотелых, а сами впечатленцы, непривычно плоские и вялые, подчищали лужицы, втягивая в себя воду. Мы с Васей засучили рукава, унесли в холодильник сломанный ствол говяжьего дерева и хрящевые сучья и вообще стали наводить порядок. Ну, а кто наведет порядок, если не мы с вами?

Ужинали мы, столик на двоих, на кухне, что возле оранжереи. Все были усталые и потому молчаливые. И хотя наесться перед сном не рекомендуется, мы пренебрегли и ели сначала холодец с чесноком, потом борщ с говядиной, и кашу гречневую с хрустящими шкварками. Запивали квасом. Капитан вдруг стал рассказывать, как в древности фантасты представляли себе межзвездные полеты.

— На звездолете бассейн с подсветкой и вышкой — это обязательно. Парк для прогулок и, знаете, пейзаж, уходящий вдаль. Вечером ты в смокинге с дамой. Ресторан: шашлык, семга и глиссе, везде хрусталь и золотые вилки. Приглушенная музыка. Дама хорошо пахнет. А мы едим и беседуем. И в бассейне соревнуемся.

— Кто это мы?

— Мы! О нас писали, — ответил капитан.

— Шашлык к празднику — это хорошо, — сказал Вася. — Но парк зачем?

— А чтобы ты с ума не сошел. Считалось, что в космос летят неврастеники, которых надо изящной жизнью отвлечь от мыслей о космосе.

— Ага, — сказали мы на это. А что еще можно было сказать?

Тишка тем временем наелась каши и забралась в свое кресло слева от капитана. Он положил ей руку на голову, погладил. Каждая собака любит, чтобы ее гладили. Вопрос прозвучал неожиданно.

— Кто на собаку ошейник надел? — капитан сдвинул в сторону тарелки и посадил перед собой Тишку.

Мы устали на Тишку. Действительно, шею ее опоясывала повязка из белой, под горностая, шкурки с бантиком снизу. Капитан оглядел наши честные недоумевающие лица и стал белым, как сметана. Вася развязал бантик, пустил повязку по рукам. Шкурка была мягкой и сшита чулочком, а вместо нитки — жилка тоненькая. Тут нам совсем не по себе стало: получалось, что мы три земных месяца околачивались на Цедне, а главного не заметили. Главное же всегда и во веки веков — разум.

— Эстеты, — капитан гладил Тишку, речь его была отрывистой. — А вот для собаки все равны, что павиан, что свинья на паучьих ножках. Для Тишки кто не несет угрозы, тот и хорош. А нам еще красоту подавай. В нашем понимании. А может, здесь слюни на пузе — самая красота и есть? И зря мы их своим пренебрежением обидели. Тех, кто так хорошо шкурки выделяет. Они ведь просто напрашивались на контакт. Для них-то мы, хоть и двуногие, хороши были... А вот Тишка с ними общий язык нашла, — капитан вывернул чулочек, оглядел аккуратный шов. — Тишке подарок сделали. Бантиком повязали... Это я не столько вас, это я себя больше казню.

— Капитан, а может, это не они, не эти... скользкие?

— Ну, мы ведь только с ними и избегали общения. Немелодично, видишь ли, кричат. Грубые, понимаешь ли, голоса у них. А ко всем остальным, — капитан ухватил за крыло увимчика, пролетающего над столом, оглядел его и пожал плечами. — Ко всем остальным со всей душой. Аж припадали. Родовались многообразию животных форм...

О том, чтобы вернуться, не могло быть речи. Мы знали, что на Цедну теперь полетят другие, свободные от эстетических предрассудков. Полетят обязательно, ведь разум так редок и всегда неповторим.

По возвращении на Землю наш отрицательный опыт на Цедне был всесторонне изучен. Проявление коллективного отвращения к непривычным для нас формам живого получило название Тишкин синдром, хотя Тишка как раз и не испытывала ни к кому отвращения или просто неприязни.

Я обрадую вас, сказав в заключение, что Тишка жила долго, пользуясь всеобщей любовью. В ней, как и в каждой благополучной собаке, мягко сочетались красота с добротой. Это так естественно — быть добрым, если ты не на привязи.

ПОИГРАЕМ?

Во второй половине апреля, надо полагать, снова съедутся в Свердловск — на вручение «Аэлиты-84» — представители многочисленных ныне клубов любителей фантастики. Это значит: опять дни и ночи напролет — жаркие дискуссии. О фантастике, о клубных делах, снова о фантастике... Но ведь проговорить, не отвлекаясь, 12—24—48 часов подряд — даже и о любимейшем увлечении — способны лишь самые пылкие из энтузиастов! Подумаем о не самых пылких: им-то при этом каково?! Нет, чтобы встреча обошлась без жертв, просто необходима периодическая разрядка. А в качестве таковой лучше всего, как известно, использовать игры...

Рассудив так, мы решили к предстоящей встрече КЛФ поместить на страницах журнала две игры, имеющих ярко выраженный НФ характер.

Одна из них — «Сталкер» — уже была показана гостям Свердловска в прошлом году. Составленная по мотивам повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине», она теперь пользуется популярностью не только в Свердловске: в нее играют, к примеру, и в Ростове-на-Дону, и в Волгограде... Правила этой игры даны в отредактированном нами виде; примерную схему к ней смотрите на 3-й странице обложки.

Другая игра — мы назвали ее «Копилкой НФ сюжетов» — предложена одесским КЛФ «Протей». На веселой предновогодней встрече трех свердловских клубов насквозь ироничный (по отношению к плохой фантастике) «компьютер», изготовленный по подсказке одеситов, имел шумный успех; а поскольку, к тому же, и сами авторы указывают на значительные резервы для увеличения его мощности — надеемся, что и эта игра придется по вкусу самому широкому кругу наших читателей.

Внимание: а во что играете вы в своем клубе? Напишите нам об этом! Пришлите описание и правила своей игры — давайте создадим общими усилиями НФ игротекую!

«СТАЛКЕР»

На листе бумаги вычерчивается игровое поле («зона»), разбитое координатной сеткой на квадраты. Обозначаются местоположение «золотого шара» и входы в «зону» (на предлагаемой нами схеме они расположены по углам). Вокруг каждого входа — пространство в 3×3 клеток, гарантированное от ловушек; один из входов — «институт» (хорошо известный тем, кто читал повесть Стругацких). На игровое поле может быть нанесен и рельеф местности, ее водный режим.

В игре могут участвовать одновременно — по числу входов в «зону» — не более четырех одиночных «сталкеров» или их групп, образуемых из двух-трех человек и не получающих никаких иных преимуществ перед одиночками, кроме коллективного мозга. Задача каждого участника (или группы) — дойти до «золотого шара». Побеждает тот, кто сделает это первым.

Игру ведет судья, контролирующий продвижение «сталкеров» и соблюдение ими принятых условий. У судьи

находится контрольный листок, на котором повторено игровое поле и в секрете от играющих расставлено максимальное возможное количество ловушек.

Каждый участник начинает игру от выбранного им входа, свое продвижение отмечает на поле перемещением фишки. Не обязательно двигаться строго по прямой: на протяжении одного хода можно сворачивать в стороны, останавливаться, возвращаться; не разрешается только движение по диагонали. Количество шагов в каждом ходе определяется броском кубика, на гранях которого нанесены числа от 1 до 6.

У каждого участника игры имеется условно 15 «гаек» для прощупывания пути. Бросив кубик «на ход» и узнав, сколько шагов предстоит сделать, играющий вправе разведать выбранное направление. Для этого он снова бросает кубик — «на гайку», одновременно указывая направление ее полета (вверх, вниз, влево, вправо). Если на своем пути гайка засечет ловушку, судья обязан сообщить — какую именно и в каком квадрате.

Гайка летит только по прямой и засекает не все ловушки. Бросать ее можно независимо от хода: перед ходом, после него, в середине. Допустим, вам выпало 6 шагов. Вы можете бросить гайку перед ходом, сделать 1—2 шага — снова бросить, еще через шаг — опять, и так далее; хоть все гайки израсходуйте за один ход, единственное ограничение — их количество.

Ловушки, подстерегающие играющих, можно разделить на две категории. К первой относятся «паутина» и «ведьмин студень».

Паутина. Многоклеточная, произвольной формы, постоянного действия. Гайкой не обнаруживается. Прошедший сквозь «паутину» (или застрявший в ней) участник игры пропускает очередной ход.

Ведьмин студень. Многоклеточная, произвольной формы, постоянного действия. Обнаруживается гайкой на всем протяжении ее полета над ловушкой. Попавший в «студень» пропускает очередной ход и, кроме того, возвращается на место предыдущей остановки.

К месту последней стоянки возвращают и ловушки второй категории — плюющаяся «чертова капуста», «комариная плешь» и «мясорубка».

Чертова капуста. Одноклеточная, постоянного действия. Поражает на расстоянии в одну клетку вокруг эпицентра. Гайкой засекается только эпицентр, а поле поражения не обнаруживается.

Комариная плешь. Многоклеточная, прямоугольной формы произвольных размеров, постоянного действия. Обнаруживается только первая на пути гайки клетка «плеши», дальше гайка не летит.

Мясорубка. Одноклеточная, одноразового действия (поражает лишь одного играющего, повторно не срабатывает). Как правило, «мясорубки» располагаются вблизи «золотого шара». Гайкой не засекаются.

Попадание в любую из этих трех ловушек приносит штрафное очко; участник, набравший три таких очка, выбывает из игры.

Количество ловушек не регламентировано, поскольку зависит от величины игрового поля (можно расставить, скажем, по 6—8 ловушек первой категории, по 3—6 второй). Ловушки не могут примыкать одна к другой и к «золотому шару». Лишь поле «чертовой капусты» может смыкаться с соседней ловушкой (формально просвет есть — а не пройти!), однако злоупотреблять этим не следует, проходы к «золотому шару» должны быть обязательно.

В игре возможны некоторые дополнительные условия. Так, могут затруднять продвижение играющих рельеф и водный характер местности: болото, переход через речку вброд, крутой подъем могут сокращать ход на 1—2 шага. Или, скажем, нельзя останавливаться посреди

реки, в болоте — и потому, если не хватило лишнего шага, стоянку приходится разбивать перед препятствием. Кроме того, участник игры, идущий через «институт», может воспользоваться «галосей» — и без помех пройти не страшную для машины «чертову капусту»; но взамен у него отнимается право на штрафные очки: первое же попадание в любую из двух других ловушек второй категории выводит его из игры.

Судья на своем контрольном листке обозначает шаги играющих пунктиром, полет гаек — точками, остановки — косым крестиком, попадание в ловушку (за исключением «паутины») — прямым крестиком.

В игру можно играть и вдвоем — на манер «морского боя»: при этом каждый ведет соперника по своему контрольному листку, а сам идет по его «зоне».

КОПИЛКА НФ СЮЖЕТОВ: 2048 ГОТОВЫХ РАЗРАБОТОК

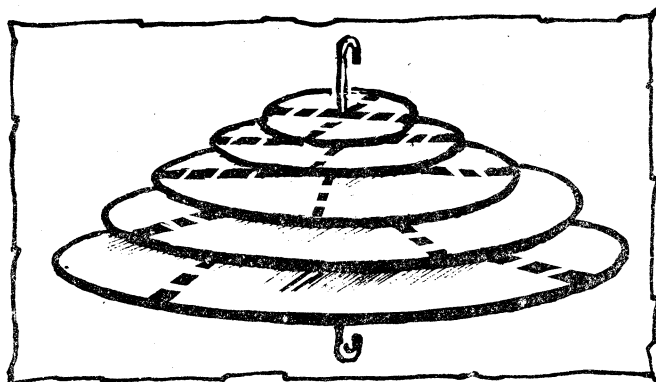
По образу и подобию логической «машины истин» средневекового философа, алхимика и авантюриста Раймунда Луллия мы создали карманную мини-ЭВМ для написания остросюжетных НФ рассказов на тему «Чужой Разум». Этот компьютер представляет собой пять картонных концентрических кругов, разделенных на четыре сектора и вращающихся вокруг общего центра. На каждом секторе нанесена соответствующая запись из числа приведенных ниже.

1-й (внешний) круг

- I. Разумные антропоморфные существа...
- II. Мыслящие кристаллы, сгустки энергии...
- III. Разумные насекомые, растения, животные...
- IV. Думающие машины или биомеханизмы...

2-й круг

- I. ...обнаружены в Космосе...
- II. ...установили контакт с землянами...
- III. ...созданы или выращены в лаборатории...
- IV. ...прибыли на Землю...

Вести из КЛФ

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ...

3-й круг

- I. ...помогают людям в освоении Космоса.
- II. ...наделили людей особыми способностями.
- III. ...помогли открыть новые законы, создать новые машины или лекарства и т. д.
- IV. ...указали новые пути в иные пространства либо в другие временные миры.

4-й круг

- I. На Земле наступает век изобилия.
- II. Земля принята в Великое Кольцо Разума.
- III. Люди расселяются по всей Вселенной.
- IV. Земля становится центром Разума во Вселенной.

5-й круг

- I. Все проблемы решены.
- II. Осталось решить лишь одну проблему.
- III. Еще много проблем нужно решить.
- IV. Все оказалось приятным сном.

Изменяя относительное расположение секторов вращающихся кругов такого компьютера, мы получаем $4^5 = 1024$ сюжета на данную тему.

Для поклонников «черной фантастики» можно предложить, например, такие записи на секторах кругов.

1-й круг

- I. Монстры, растения, кристаллы и т. д.
- II. Фантомы, сгустки энергии, экстрасенсорные объекты...
- III. Антропоморфные завоеватели либо мутанты...
- IV. Роботы либо биомеханизмы...

2-й круг

- I. ...обнаружены в Космосе...
- II. ...созданы либо выращены в лаборатории...
- III. ...установили контакт с Землей...
- IV. ...незаметно (либо в сопровождении катастрофы) вторглись на Землю...

3-й круг

- I. ...начинают ядерную (бактериологическую, психическую и т. д.) войну с людьми.
- II. ...похищают ученых, женщин либо детей.
- III. ...превращают людей в подобных себе.
- IV. ...порабощают людей либо питаются ими.

4-й круг

- I. Земляне с трудом побеждают.
- II. Пришельцы по случайности погибают.
- III. Люди вынуждены покинуть Землю.
- IV. На Земле воцаряются хаос, вырождение, мор и глад.

5-й круг

- I. Земная цивилизация отброшена в прошлое.
- II. Земля погибла либо разорена.
- III. Вскоре погибли и последние земляне.
- IV. Сохранилась лишь жалкая горстка людей.

Возможности предложенного компьютера можно значительно расширить, увеличив количество кругов и секторов на них.

Игорь КОВШУН,
председатель КЛФ «Протей» (Одесса)

Сначала были письма: «Фант» приветствует братьев по разуму из «Комкона-3». Давайте дружить! Потом — встречи. И, наконец, президент владивостокского КЛФ Александр Корольков произнес слово. Точнее, три:

— Фестиваль! Первый. Дальневосточный.

А почему бы нет?

Формы работы у трех дружественных КЛФ разные. «Комкон-3» делает зрелища — синтетические спектакли, фильмы, КВНы, с которыми выезжает и в города Приморья. «Апекс» из Комсомольска-на-Амуре молод и пока ищет свой путь, но уже нашел контакт с самодельным театром ДК «Строитель» и помог поставить спектакль «451⁰ по Фаренгейту». Хабаровский «Фант» предпочитает традиционные формы: обсуждение направлений НФ и отдельных произведений, литературное творчество, подготовка «Фант»-выпусков в молодежной газете (к фестивалю вышел уже 33-й!) и передач на телевидении. Если все это объединить — может получиться что-то интересное!

И вот 1 октября Межсоюзный Дворец культуры в Хабаровске распахнул свои двери перед любителями фантастики трех дальневосточных городов. В фойе были развернуты выставки работ местных художников, пишущих на темы НФ, газетных выпусков «Фанта» и «Комкона-3», на столах лежали альбомы, рассказывающие о клубах. Участников фестиваля приветствовали руководители Хабаровской краевой организации Добровольного общества любителей книги РСФСР, оказавшие большую помощь в проведении праздника.

Что же было на нашем фестивале? Сообщения председателей КЛФ о работе, обмен опытом, отчет творческой секции «Фанта», доклады о дальневосточной фантастике, о вкладе советской фантастики в борьбу за мир и социальный прогресс, викторина, подготовленная «Апексом», диско-шоу «Путешествие по мирам фантастики» и спектакль-пародия по мотивам повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света» под интригующим названием «Кто убил Снегового?», привезенные «Комконом-3», и даже (это ли не фантастика?) книжный киоск, в котором продавались новинки НФ!

А главный итог фестиваля, который невозможно зафиксировать словами на бумаге, но который был хорошо виден «невооруженным глазом» — это возможность «очного» общения сразу трех клубов, это мгновенно возникающие дружеские контакты и личные симпатии, это создание реальной базы для дальнейшей совместной работы.

На объединенном заседании советов трех клубов был создан оргкомитет дальневосточных КЛФ, намечен план работы на ближайшие месяцы и принято решение — проводить дальневосточные фестивали фантастики ежегодно.

Ю. ШМАКОВ,
член совета КЛФ «Фант».

Первопроходец

**Мария
ВЕРНИКОВСКАЯ**

Рисунки
Е. Киселевой

Бывают встречи не подвластные забвению. Наоборот, с временной дистанции человек, зацепивший чем-то твою душу, как бы укрупняется, а сделанное им приобретает иные размеры и ценности. Думала ли я, когда впервые узнала геолога Александра Тимофеевича Пономаренко, лауреата Государственной премии, что пройдет два десятилетия, и мной овладеет нестерпимое желание узнать детали его жизни, в которой отразились шаги истории нашей страны, восстановить события далеких лет прошлого, из которых выросло настоящее.

Опоздала... Но ведь кто-то есть, кто шагал вместе с ним нелегкими дорогами изыскателя, кто знает, помнит пусть хоть одну страницу его во многом необычной жизни... И полетели мои письма в Москву, на Дальний Восток, в Ленинград, Уфу, Оренбург...

В Челябинске живут его жена и сын. На Омской улице в тихой, необычайно опрятной квартире седая женщина Александра Александровна достает старую папку: «Вот все, что осталось». Орден Трудового Красного Знамени, удостоверение лауреата Государственной премии, грамоты, трудовой список, заменявший в двадцатые годы то, что теперь именуем трудовой книжкой. Первая запись: 1924 год. Студент-практикант Ипполитовской геологической экспедиции. Год 1925-й — прораб геологической артели «Дальгеотреста» на Сахалине. Год 1930-й — началь-

ник, технический руководитель Бурейской геологоразведочной партии...

С волнением беру в руки красочный картонный лист. Рисунок, кажется, впитал все, чем мощно дышала эпоха первой пятилетки: строительные леса, шахтные терриконы, дымящие трубы, паровоз, устремляющий бег в будущее. И строки, выдержанные в ритме и духе времени:

«За героическую борьбу на хозяйственном фронте, за выполнение промфинплана, за творческую инициативу в деле социалистического строительства технического руководителя Бурейской геологоразведочной партии т. Пономаренко А. Т. выдвинуть кандидатом в Красную книгу социалистических побед и премировать окладом».

Эту Почетную грамоту двадцатидевятилетний геолог Александр Пономаренко получил накануне пятнадцатой годовщины Великого Октября в 1932 году. Имя его в том же году было навечно занесено в Красную книгу социалистических побед на Дальнем Востоке. Но молодой геолог тогда еще не знал, что главные события в его жизни будут отмечены на карте Родины новыми городами в Приамурье и на Урале и что появятся в тех городах улицы, носящие его имя...

Дальний Восток был его родиной. Горно-таежная окраина Советской Республики еще хранила свежие следы жестоких боев гражданской войны. Советский Дальний Восток только начинался. Студенты горного факультета, еще не получив дипломы, становились геологами-искателями. Пономаренко с геологической артелью уезжает на Сахалин, затем на Камчатку на поиски и разведку углей. Было разведано и передано в эксплуатацию несколько угольных месторождений. Но открытия крупных угольных пластов были впереди. Пока же эти первые шахты поднимали край из нищеты и экономической разрухи, наполняли углем застывшие топки паровозов, приводили в движение турбины тепловых электростанций.

Осенью тридцать первого года на Дальний Восток приезжает народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов. По поручению Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства он вместе с руководителями края готовит предложения о создании индустриальной базы на Востоке. В Москве действует контора «Дальпромстрой», занятая подготовкой проектов будущего Комсомольска-на-Амуре...

Созданный «Дальгеотрест» срочно организует поисковую экспедицию в район Долины Горючих Камней во главе с техническим руководителем Бурейнской геологоразведочной партии А. Т. Пономаренко.

На мое письмо, посланное в город Райчихинск Амурской области, откликнулся генеральный директор комбината «Дальвостуголь» Василий Федорович Зарубов:

«Первые тропы в Райчихинских сопках проторила геологоразведочная партия под руководством Александра Тимофеевича Пономаренко... Память о геологе Пономаренко как о первооткрывателе нашего бассейна жива. Имя Александра Тимофеевича Пономаренко носит одна из самых больших улиц нашего города».

На том месте, где сегодня протянулись широкие улицы города Райчихинска, осенью тридцать первого года экспедиция Пономаренко после многодневного пути по болотам, тайге и сопкам сделала остановку в небольшой деревне Духовской. Потом сюда приедут семьи геологов, строители шахт, установят палатки и назовут свое палаточное селение поселком Райчихой.

Через много лет, когда мы встретились в Челябинске с Александром Тимофеевичем, он, человек немногословный, вспоминая ту, райчихинскую, угольную эпопею, как бы вскользь заметил:

— Бывало, застывшую землю и ножом ковыряешь, и молотком бьешь, в мох вгрызаешься, каждый камень обстукаешь...

Он умалчивает, как карабкались по скалам, как вымокали в болотах, питались брусникой, грибами. Разве это главное? В них жил дух энтузиазма первооткрывателей. Лозунг того времени «Уголь решает судьбу пятилетки!» не сходил с газетных страниц, и участники экспедиции Пономаренко с боя брали каждый метр пройденного пути. Эта экспедиция стала решающей для развития народного хозяйства Приамурья. Было разведано несколько крупных месторождений и главнейшее из них — Кивдо-Райчихинское.

О результатах экспедиции Пономаренко писал в докладной: «Райчихинский уголь наиболее перспективен для промышленных разработок, его качество гораздо лучше кивдинского. А главное — уголь лежит почти на поверхности, что дает возможность добывать его наиболее экономичным, открытым способом».

Это был огромный вклад в революционное наступление индустриализации на Дальнем Востоке, на фронте сражений за социалистическую экономику. Это был и блестящий прогноз теоретической мысли руководителя экспедиции, позволившей под поверхностью таежных сопек обнаружить богатые залежи угля.

Докладная записка была направлена в ВСНХ СССР. Руководство треста просило кредиты на дополнительные изыскания и прокладку железнодорожного пути до стан-

ции Бурей. Трест обратился и в Далькрайисполком с просьбой выделить 4196 кубометров бревен, 10 650 кубометров пиловочника, 500 рабочих на договорных началах, из которых 150 должны быть с лошадьми, 3—4 трактора... Так начиналась Райчиха — будущая Дальневосточная кочегарка.

После короткого отдыха Пономаренко вновь уходит с поисковой партией в глубь таежных сопек. С виду очень тихий человек, никогда не повышавший голоса, он умел увлечь, воодушевить людей своей устремленностью и твердой уверенностью в деле, которым был занят. А дело это было najważнейшим.

Двадцативосьмилетний технический руководитель Бурейнской разведочной партии в дни долгих трудных поисковых маршрутов, в глухой тайге, где иногда к лагерю подходили тигры, все делил наравне со всеми, но только он мог выстроить вернейшую логику поиска, мягко, тактично дать практический урок, поделиться опытом. Через пятнадцать лет, уже в другом краю, на Урале, он также будет возглавлять поисковые партии, делить со всеми трудности походов, и однажды молодой коллектор Володя Шпакович с сыновней признательностью скажет о нем: «Наш батя». И на долгие годы укрепит за ним это имя, вместившее любовь и почитательность коллег.

В душе он был вдохновенным романтиком, однако возвышенных слов никогда не высказывал. Но иногда ночью, когда усталые поисковики крепко засыпали в палатках, ведущий геолог Пономаренко у догорающего костра свои чувства выражал в стихах. Была у него такая слабость, но об этом мало кто знал.

Трудно давался на первых порах райчихинский уголь. Почти никаких механизмов, все вручную.

Потом на разрезы Райчихи стали поступать экскаваторы, прибыл и первый паровоз ЕС-350 с гордым именем «Коммунар». Это был тот легендарный паровоз, который в апреле 1920 года рабочие челябинского депо отремонтировали в дни субботника для отправки в Москву.

Несколько лет «Коммунар» достойно нес службу, доставляя в Москву эшелоны с хлебом и топливом. Когда же на Дальнем Востоке появилась новая железнодорожная ветка Райчиха — Бурей, старого труженика направили в помощь райчихинским угольщикам. Впоследствии его вручили комсомольско-молодежной бригаде паровозников во главе с бригадиром коммунистом Иваном Тимофеевичем Дудко. Встречал этот паровоз и Пономаренко, но не ведал он тогда, что через много лет произойдет у него вторая встреча с «Коммунаром» на Урале. Это случится в 1959 году, когда по просьбе челябинских железнодорожников старый «Коммунар» вернется в свой родной город, пройдет последний раз по железнодорожным рельсам и навеки встанет на высокий каменный постамент у Дворца культуры железнодорожников...

Но до той поры пройдут годы и годы и целая вечность — Великая Отечественная война. Она впишет в биографию геолога Пономаренко новую героическую страницу. Великая Отечественная война мобилизовала его на угольный фронт на Урал. Угольная промышленность юга — Донбасс — была временно отрезана от главных промышленных центров страны. Уголь, необходимый, как хлеб, как снаряды, надо было искать здесь, на Урале. Летом

сорок первого года Александр Тимофеевич с женой и семилетним сыном выезжает на Южный Урал, в Башкирию. Он назначен главным инженером Куюргазинской геолого-разведочной партии треста «Южуралуглеразведка».

И в геологической партии Пономаренко шагали по уральским взгорьям с тяжелыми рюкзаками за спиной пятнадцатилетние мальчики и девочки. Дети Великой Отечественной войны, принявшие на свои хрупкие плечи тяжелый груз взрослых забот и трудностей.

Коле Михаленкову не было и пятнадцати лет. Его отец и старший брат Анатолий, оба работавшие геологами, ушли на фронт. Мальчик пришел в партию Александра Тимофеевича и в нелегком поисковом походе обучался профессии коллектора. Зина Наумчик, пятнадцатилетняя девочка, работала в партии на ручном бурении. Немногим старше были Владимир Шпакович, геологи Любовь Сосницкая, Леонид Бакулин. На обычных пономаренковских уроках, устраиваемых у походного костра, они овладевали только еще зарождавшимся в геологии новым методом геохимического анализа глубины недр.

Президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров со страниц «Правды» говорил:

«Урал — это богатейшая страна железа, цветных и легких металлов, топлива и химических ресурсов. Этот меридиональный хребет, тянущийся параллельно фронту и удаленный от него на одну-две тысячи километров, образует мощную линию экономических укреплений, линию богатейших месторождений...» На этой линии укреплений и пролегал фронт геологической экспедиции А. Т. Пономаренко.

Военная обстановка торопила. И все-таки не один месяц, а почти год потребовалось на изучение геологического строения Куюргазинского района Башкирии, прежде чем А. Т. Пономаренко уверенно написал: «На обширной территории в результате длинной цепи природных оседаний развиты здесь третичные угленосные отложения приурочены к районам развития купольных гипсовых структур, к впадинам которых и должно быть приурочено максимальное угленакпление».

Фашисты рвались к Волге. Мужественно выдерживали блокаду и голод ленинградцы. В старинное село Ермолаевку приходили солдатские треугольники с фронтов, из госпиталей. Старший коллектор геологической партии Александра Александровна Сотникова получила похоронку: ее муж погиб в бою. Она стала вдовой с двумя малолетними девочками.

Война стала бытом, бессменной работой на фронте и в тылу. Тяжелая утрата постигла той трудной весной и Александра Тимофеевича Пономаренко. У него умерла жена Вера Павловна — верная спутница его дальневосточных походов, пережитых там печалей и радостей. Коллектор Володя Шпакович в те скорбные дни был с ним неотступно. В письме, присланном из Ленинграда, где он теперь живет, Владимир Юлианович вспоминает:

«Горе его было тяжким, но затаенным. Сам будучи тяжело больным (от скудного питания открылся застарелый туберкулез), он держался мужественно, стойко. Еще больше загрузил себя и нас, молодежь, работой. Мы вместе с ним сидели над отчетами до полуночи, а в шесть утра начинали новый рабочий день. Трудолюбие, полная

отдача делу — это было в нем главной чертой. Александр Тимофеевич привил и нам, тогда молодым, на всю нашу жизнь высокое понятие совести».

Он учил их науке познавать тайны Земли и учил Жизни. У главного геолога-поисковика нет кабинета. Он каждый час — днем и ночью — на виду у всех. Пономаренко понимал, что каждый его поступок взвешивается вот этими подростками, с которыми ему пришлось работать в войну, на невидимых, но чувствительных весах юношеской восприимчивости. И ни разу, ни при каких обстоятельствах не уронил в их глазах своего человеческого достоинства.

Другой его воспитанник М. Т. Михаленков, работающий ныне начальником изыскательской партии по проектированию и экономическим исследованиям Оренбургского геологического управления, пишет:

«Человек он был необыкновенный, кристальной чистоты и порядочности. Замечательный специалист, он был наделен талантом воспитателя. В трудные военные годы мы, мальчишки и девчонки, на каждом шагу ощущали его отеческую заботу. В изнурительных походах он умел нас взбодрить, увлечь, воодушевить. Много занимался с нами, чтоб сформировать из нас специалистов в геологии и сделать нас настоящими людьми с чувством гражданского долга перед Родиной».

И вот накануне 25-й годовщины Великого Октября наступил ставший памятным для всех день. В впадине у ручья Бабай по указанию Пономаренко Зина Наумчик бурит скважину. Геолог Любовь Сосницкая в нетерпении склоняется над камнями, добытыми из глубины. Уголь! Бурый уголь! «Зина! Бури еще, глубже!» Но скважинами ручного бурения не удастся полностью пересечь угольный пласт. Владимир Шпакович, ставший к тому времени сменным мастером, готовит и закладывает механическую скважину. Скважина пересекла стосорокаметровую толщу уникальной угольной залежи с полным отсутствием породных прослоев. Огромная чаша площадью в шесть квадратных километров, окруженная красноцветным песчаником и белым гипсом, была заполнена бурым углем.

Волнующий тот день и поныне живет в памяти участников исторического события. На карте геронеских сражений советских людей на фронте и в тылу не значился затерянный в предгорьях Урала ручей Бабай, но именно здесь небольшой отряд совсем еще юных геологов во главе с опытейшим первооткрывателем выиграл бой за уголь. Взоры всех устремились на Пономаренко. Это он, их «батя», сквозь толщу земной коры как будто увидел богатейшую залежь угля.

Открытие Бабаевского месторождения, запасы которого определялись в более чем 200 миллионов тонн, внушало уверенность, что геологов ждут новые угольные кладовые на этой обширной территории. Надежды не обманули. В двадцати километрах от Бабаевского месторождения в точке, указанной Пономаренко, долото вновь сверлит землю. И здесь предвидение Александра Тимофеевича оказалось поразительно точным. А вслед за этим вторым — Маячным месторождением — последовали Шайтанское и еще одно, и еще...

Долгожданный день Победы отряд Пономаренко встретил новым крупным открытием угольного месторождения.

Пустынный край южной Башкирии менял облик. Развернулось строительство угольных разрезов. Это положило начало созданию в Башкирии новой отрасли — Южноуральского бурогоугольного бассейна с общим запасом более полутора миллиардов тонн угля.

Наступили перемены и в жизни Александра Тимофеевича Пономаренко. Он обрел новую семью, соединив свою жизнь с Александрой Александровной Сотниковой, работавшей в партии старшим коллектором. Пономаренко удочерил двух ее девочек, а она окружила материнской теплотой и заботой десятилетнего Илью.

Неподалеку от Бабаевского месторождения появился рабочий поселок Бабай. Через два года после войны Александр Тимофеевич однажды позвал сына-подростка на закладку нового города. Недавно мы встретились с Ильей Александровичем — инженером Челябинского трубопрокатного завода. Вспоминяя тот день, он рассказывал:

— Собственно, это была привязка проекта к местности. Но отец по дороге об этом говорил так, что мне представлялось — увижу сейчас рождение нового города. А увидел знакомые места, услышал прозаические разговоры о каком-то склоне, который создаст ландшафт, о водоснабжении, о том, как будет питать водой будущий город река Белая. Меня как раз и поразила эта прозаическая будничность. Я не ощутил величия момента. А отца мечты уносили в будущее. У него душа пела.

Можно понять взволнованность Александра Тимофеевича. Проект будущего города — это торжество вверенного ему дела, его труда и жизни, нераздельно связанных с масштабным развитием края, угольной промышленности. Он первым предложил дать имя будущему городу — Кумертау, что в переводе с башкирского означает «угольная гора»...

В 1949 году А. Т. Пономаренко был удостоен высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени, а в пятидесятом году за открытие крупного Южноуральского бурогоугольного бассейна главному геологу Куюргазинской геологоразведочной партии А. Т. Пономаренко была присуждена Государственная премия. Лауреатами премии стали также геологи Л. Ф. Сосницкая и А. С. Хоментовский.

К тому времени на базе Бабаевского и Маячного месторождений создавался крупный топливно-энергетический узел. То, что планировали наша партия и Советское правительство накануне войны, то, что в трудные военные годы открыли здесь в недрах земли геологи во главе с Пономаренко, начинало действовать, работать на экономику страны. Из нового юного поколения складывался первый коллектив шахтеров Башкирии. Бывший пастушок из ближней деревни Бугульчаны Ганя Шарков, впервые в сорок первом году встретивший здесь геологов, теперь участвовал в монтаже первого экскаватора.

Кумертауский угольный разрез — это гигантская чаша, обрамленная со всех сторон уступами горных выработок. Двигаются электровозы с думпками, гудят роторные экскаваторы. Одной из этих могучих машин управляет Герой Социалистического Труда Гавриил Антонович Шарков. Уголь Кумертауского карьера, добываемый открытым способом, — самый дешевый в стране. В городе Кумертау

работает самая мощная в СССР углубрикетная фабрика с годовой производительностью около двух миллионов тонн угольных брикетов. Есть здесь ТЭЦ, деревообделочный комбинат, кирпичный завод. Есть фабрика по производству из местных углей удобрений, горного воска, парафина, стекла.

Пономаренко в пятьдесят третьем году был направлен на изучение промышленной угленосности каменных углей восточного склона Южного Урала. Через год был переведен в Челябинск. Моя встреча с Александром Тимофеевичем произошла в шестьдесят втором году совершенно случайно. Редакционное задание привело меня в геологоразведочный трест. Руководителя треста не оказалось. Я сидела в приемной, раздумывая, ждать или не ждать. В это время в приемную вошел высокий, чуть сутуловатый пожилой человек с худощавым продолговатым лицом. Увидев постороннего, он нерешительно остановился в дверях. Секретарь, миловидная девушка Валя, повернулась ко мне и громко, подчеркнуто сказала:

— Это Александр Тимофеевич Пономаренко, старейший наш геолог, лауреат премии. — И тихо добавила: — Вот кто вам нужен. — И к Пономаренко: — Это из редакции.

— Нет-нет, — запротестовал он, беспомощно взмахнув руками: — Для интервью я не гожусь.

Но врожденная деликатность, которая сквозила во всем его облике, помешала ему вот так оборвать разговор и уйти.

— С чего же начнем? — спросил Пономаренко с той же мягкой улыбкой. И добавил: — Вы были когда-нибудь в Миассе? Там можно начинать знакомство с геологией прямо со станции. Стены старого станционного здания выложены из редкой горной породы — миаскита. Прекрасный строительный материал. Здание стоит более сотни лет и не стареет.

Потом я поняла, почему он начал разговор не с угля, не с руды, а с миаскита. Он в ту пору был занят разведкой и поиском на Урале строительных материалов.

Многое дал мне тот «пономаренковский урок», помог осмыслить современную геологию Урала. И еще мне открылся в моем собеседнике человек целеустремленного характера, мыслящий масштабами больших планов своей страны, ее народнохозяйственных нужд и проблем.

Когда Александра Тимофеевича не стало, его ученики, те, кто с ним работал в Куюргазинской геологоразведочной партии, обратились в исполком городского Совета города Кумертау с просьбой увековечить память старейшего геолога-первопроходца. Заместитель председателя горисполкома К. Н. Солдатов, приславшая мне письмо, сообщает: «Решением исполкома городского Совета № 433 от 2 декабря 1970 года улица Шахтерская в городе Кумертау переименована в улицу имени А. Т. Пономаренко. В краеведческом музее Дома пионеров собран материал о главном геологе Куюргазинской геологоразведочной партии Александре Тимофеевиче Пономаренко».

От Дальнего Востока до Урала живет память о человеке, который самоотверженно прокладывал свои маршруты сквозь тайгу и тундру, пересекал высокие хребты и глубокие реки, открывал потаенные клады земли.

КАРТОФЕЛЬ, КАРТОШКА, БУЛЬБА

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Рисунок
В. Ганзина

На обширном лугу в устье Сарапулки возле Камского железнодорожного моста отвели землю под картофель для горожан. Было там и наших несколько соток. Уже вечерело. Нелучистое багровое солнце медленно опускалось к зубчатому краю синего леса на возвышенности за городом. Спалдал дневной жар, от воды тянуло свежестью. Мягкий, теплый воздух наполнялся ароматами луговых цветов — мышиного горошка, вьюнка полевого, раковых шеек — и запахом свежего сена в грядущах и копнах.

В осоке скрипел дергач-коростель. На упругих травинках покачивалась и звонко попискивала желтогрудая плиска. А мы на своем огороде пололи и окучивали картошку. Острыми тяпками подрубали крепкие корни осота, молочая, репейника, цепкую повитель, холмиками сгребали землю у картофельных кустов.

Хорошо работалось в такую погоду. Хотя всякий труд на земле нелегок, даже изнурителен, но чем-то он и привлекателен. И, помню, с малых лет брались мы за него с удовольствием и великой радостью. По росту и силам были у нас и рабочие инструменты — лопаты, грабли, вилы, окучники. На небольших огородах картошку сажали под лопату, на обширных — за плугом. Ложится на пашне глубокая борозда, а мы идем вдоль нее с ведрами и бросаем клубни в землю. На второй борозде плуг отвалом засыпает первую. И так — все поле...

На Тамбовщине и в других местах средней России клубни для посадки разрезают на дольки. В Прикамье бросают их в землю целиком — они тут помельче.

Тихими днями золотой осени опять ходим за плугом: убираем урожай. Только и слышен дробный перестук картофелин в оцинкованных ведрах. К вечеру разводим костер, сжигаем сухую ботву и печем в золе картошку. Сидим у огня, поджав босые ноги, усталые и затихшие, ждем, когда будет готова. Выкатываем палкой горячие, обуглившиеся клубни, чистим, посадив на заостренный прутик и посолив обильно, откусываем рассыпчатую, пахнущую дымом белую мякоть.

Нет лакомства лучше печеной картошки! Да и дома, на обеденном столе, картофель самая почитаемая и самая незаменимая еда. Второй хлеб. Картофель — хлебу подпора, говаривали мужики в Семёновке. И представлялось мне: ис-

кони сажают его в наших селах. Помню свое удивление и недоумение, когда узнал, что картофель на Руси появился лишь в XVIII столетии, а на Урале — и вовсе недавно. Ни древние обитатели Прикамья и Урала, ни новгородцы-хлыновцы на Вятке в XII веке, ни русские переселенцы XVI—XVII веков о нем и слыхом не слыхивали. Даже в начале XIX века в Межевой книге по владениям города Сарапула картофельных огородов не значилось. А тот луг в устье Сарапулки, где мы окучивали свою картошку, числился городским выгоном. Старожилы рассказывали: в Паркачево, Ершовке, Балаках и других селах Прикамья картофель по-настоящему обосновался на крестьянских огородах всего каких-нибудь лет сто с небольшим назад.

Так было и на горнозаводском Урале. Правда, первые попытки вырастить его здесь отдельные энтузиасты предпринимали и раньше. Любопытно, что Дальний Восток и Восточная Сибирь опередили Урал в этом предприятии. И вовсе поразительно: на земном шаре культурный картофель возделывается ни много ни мало, а уже 14 тысяч лет. Полтора столетия на Урале и сто сорок веков — на Земле?! Фантастический разрыв. Почему так случилось?

Люди палеолита, древнего каменного века, обитавшие на тихоокеанском побережье Южной Америки, собирали и ели клубни какого-то дикого растения. То растение и было предком современного картофеля. Возможно, клубни пекли в золе, и тоже сидели у огня, как мы у своего костра, а может быть, поначалу ели сырым и остатки выбрасывали. А они прорастали. Тогда-то человек и догадался посадить клубни возле жилища, взрыхлив почву палкой. Дикое растение постепенно стало культурным. Как именовалось оно в каменном веке, никто не знает. Несколько позже, в древнем Перу, его называли папа.

На других континентах картофель не рос. Только в XVI веке мореплаватели открыли его для европейцев. Из Перу клубни диковинного пищевого растения привезли в Испанию, а из Эквадора — в Англию. Из Испании оно попало в Италию, потом во Францию, в Бельгию. Из Бельгии всего два клубня (так мало их тогда было) отправили в Венский ботанический сад австрийскому ботанику Клюзису... Двести лет расселялся картофель по огородам Западной Европы и в самом

конец XVII столетия пересек границу государства Российского.

Если приглядеться повнимательнее, то в сумраке давних лет можно приметить тропки-дорожки, по которым пробирался он в Россию. По суше и по морю везли его к себе на родину молодые дворяне, которых Петр Первый посылал в Европу для обучения. Бытует легенда, будто бы первый мешок картофеля послал из Голландии в Россию сам Петр, изучавший там корабельное дело. Документальных подтверждений этому факту нет, и никто не знает судьбы картофеля из того мешка.

В беломорские и балтийские порты России картофель завозили иностранные корабли. Моряки продавали его местным жителям из имущих сословий. На Украину картофель попал из Польши, а возможно, еще и из Австрии и Чехии. Из Пруссии он пришел к нам с полками русской армии, возвращающимися на родину после Семилетней войны 1756—1762 годов. Тогда русский солдат впервые варил в своем походном котелке картофель.

Границу-то картофель пересек, а дальше, в глубь России, не двинулся. Для повседневного питания у нас его нигде еще не выращивали. Даже в Петербурге в царском дворце блюдо из картофеля подавалось к столу как деликатес буквально граммами.

В 60-е годы XVIII столетия на северо-западе России из-за недорода хлеба разразился голод. Единственно надежный и скорый способ помочь голодающим русские медики видели в массовом разведении картофеля. И 19 января 1765 года Правительствующий Сенат по предложению Медицинской коллегии издает указ «О заведении картофелеводства в государстве». За дело взялись решительно и энергично: в течение года в Сенате 22 раза обсуждалась проблема картофеля. Медицинская коллегия составила и выслала бесплатно во все города, провинции и губернии «Наставление о разведении земляных яблок, называемых потетес», так охарактеризовав в нем новую сельскохозяйственную культуру: «в недостатке и дороговизне прочего хлеба великую замену делать может».

Ранней весной того же года служащие Медицинской коллегии закупили девять пудов семенного картофеля на английском корабле в Кронштадте, пять пудов в Курляндии и без промедления отправили в ближайшие к Петербургу и к Москве селения. В дальние области клубни картофеля посылали с оказией. Так, из Москвы в Тобольскую крепость с солдатом Андреем Курицыным, который привез в столицу партию пушинины, отправили полпуда, одно ведро, семенного карто-

фея. Сам иркутский губернатор привез из Петербурга на Байкал в своей карете несколько клубней и раздал их для посадки. В последующие годы из Иркутска картофель переправили в Илимск, Якутск, Охотск, на Камчатку. К концу века его выращивали на небольших площадях по всей Восточной Сибири и на Камчатке.

Примерно в эти же годы первую посадку картофеля на Урале в Красноуфимской крепости сделал некто Голубцов. Попытались вырастить его и в Верхотурье, административном центре Зауралья, но получили мелкие клубни, и дело забросили.

В деревнях Пермского уезда картофель распространялся успешнее. В начале XIX века его сажали в Соликамске, в Кунгуре, в Оханске и продавали в Перми. Но до всеобщего признания было еще далеко.

Агроном и писатель А. Т. Болотов, сам познавший достоинства нового продукта питания в заграничных походах Семилетней войны, активно пропагандировал картофель на родине. Нежелание крестьян браться за новую культуру он объяснял горьким вкусом его тогдашних сортов. Кроме того, до неграмотного крестьянина не могло дойти содержание «Наставления» Медицинской коллегии. Люди не умели возделывать новое растение, не знали, как его употреблять в пищу. Случалось, ели не клубни, а ядовитые зеленого цвета плоды, так называемые ягоды, растущие на стеблях, и заболели. С религиозной фанатичностью противились посадкам картофеля старообрядцы Беломорского Севера, Поволжья и Приуралья. Они называли его чертовым яблоком и запугивали суеверных людей: «кто ест картофель, ест души человеческие». Главное же было в том, что сельское население не нуждалось в новом продукте питания, еще не ощутило потребности в новом овоще.

А царские чиновники заставляли государственных и удельных крестьян сажать картофель под угрозой оружия. Спротивляющихся жестоко наказывали. Возмущенные насилием крестьяне избивали чиновников, громили карательные отряды, уничтожали посевы картофеля. В истории эти антиправительственные выступления получили название картофельных бунтов.

Годы середины XIX века повсеместно выдались неурожайными. И тогда на крестьянском столе все чаще и чаще стал появляться чугунок с вареной картошкой. Она спасала людей от голодной смерти. Сложилась поговорка: картошка хлеба присошка. Сосед у соседа брал взаймы семенные клубни. И теперь у каждого сельского двора и возле каждой избы горнозаводского рабочего по всему Уралу, Предуралью и

Зауралью зеленела к июню картофельная ботва.

В разных местностях новый овощ называли по-разному. Еще в XVI веке итальянцы дали ему имя тартуфуло. В русском произношении — трюфель. Потом оно превратилось в тартуфоли, в картуфоли, а у немцев — в картофель. Французы называли клубни помо де терр, что означает яблоки земляные. Англичане — потэйтоу, клубневидный. Петербургские медики превратили его в потетес. Но прижилось у нас немецкое слово картофель. В тульских селениях его переименовали в картошку, в пермских — в картовку, в вятских — в карфеты. На Псковщине, Смоленщине, в Белоруссии и на Украине вошло в обиход название бульба.

К началу XX века на Урале картофель был уже общепризнанной, широко распространенной пищевой культурой. И все же возделывать его правильно не умели.

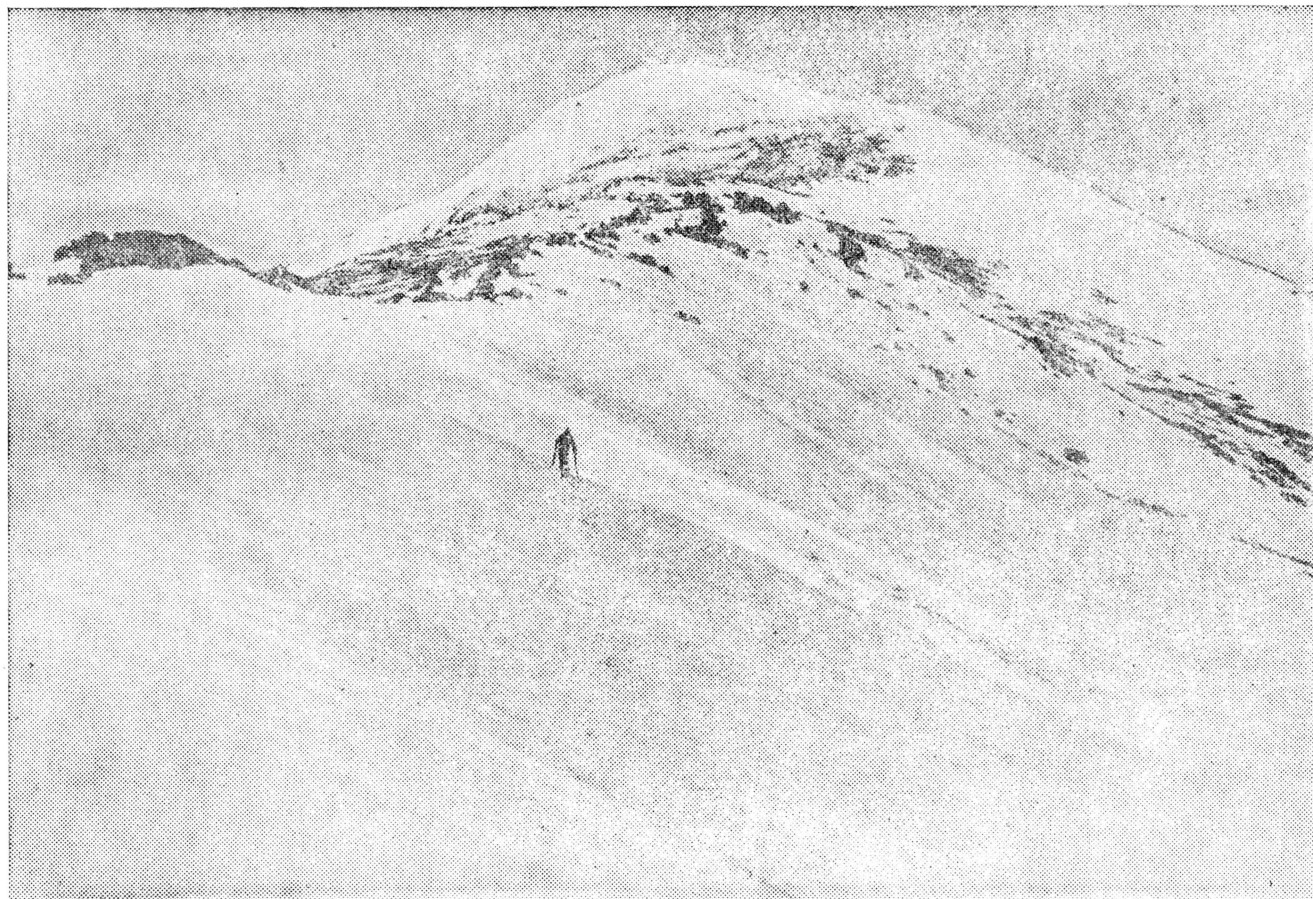
Самым популярным сортом был «ранний розовый», в обиходе «ранняя роза», завезенный в Россию из Америки. У него клубни с розовой кожурой и розовым кольцом мякоти на срезе, достаточно крахмалистые, но не устойчивые к заболеваниям. Сажали еще «мышку» и «чугунку». С чернолиловой кожурой, стойкие к болезням, но позднеспелые и малоурожайные.

Сейчас совхозы и колхозы выращивают товарный картофель на больших площадях.

...Весна запаздывала. Только в конце апреля с полей исчез снег; и одиннадцатого мая начали бороновать почву — закрывать влагу, как пояснила мне Наташа Долгова, агроном по картофелю опытно-производственного хозяйства «Исток». А обычно двенадцатого уже высаживали.

Коротко уральское лето. И селекционеры Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства вывели скороспелый сорт «Искра». Его и выращивает на семена для колхозов Наташа, применяя индустриальную технологию, разработанную в том же институте. Машинами сажают, полют, окучивают и копают картофель, собирая по 250—300 центнеров с гектара.

Но ой как нелегко даются эти центнеры! Капризна погода: то зной иссушает почву, то заливают дожди. И не пройти машине. Выходы повреждает колорадский жук. Клубни поражают различные болезни. Нужны новые, лучшие сорта, новые, более современные, машины. Эти проблемы и решают сейчас ученые. Ими занимается и опытный агроном Наталья Васильевна Долгова, теперь уже сотрудник института.

ГОРЫ И ЛЫЖИ

**Надежда
ЛУКИНА**

Фото автора

И среди людей немало «снегирей», для которых таяние снега — знак того, что нужно перебираться на север, в горы, поближе к ледовым вершинам, на безбрежные снежные склоны.

Когда на равнинах лето, в горах — весна, а весенние горы — это уже новый мир, прекрасный и необъятный. Кто не верит, может убедиться в этом сам, собрав рюкзак, взяв лыжи (желательно горные), проехав немного на север вдоль Уральского хребта и рано утром сойдя на станции Карпинск. Перед вами — горы. Снег лежит на всех северных склонах.

Не беда, что здесь еще нет подъемников: взбираясь с рассветом на снежные вершины, вы становитесь горовосходителем, надев на вершине лыжи, превращаетесь в горнолыжника. И не беда, что затейливым серпантинном вашего спуска любят не восторженные зрители, а только полярные куропатки, греющиеся на скалах. Ведь знакомиться с природой надо не только посредством окошечка популярной передачи «В мире животных».

В полдень кататься невозможно. Солнце палит, снег тает, в громадном снежном цирке стоит шум и гул, — это миллионы ручьев под снегом организуются в речки и устремляются к зеленому водопаду. Он вырывается из-под снежного моста у самой границы леса. Здесь можно побрызгаться и умыться. Можно набрать воды для душистого чая, но осторожно: бушующий поток так и норвит вырвать из рук котелки и унести их вниз, по серебряным излучинам реки.

К вечеру подмораживает. Любители ледовых спусков снова уходят к вершинам, а тем, кто остается у костра потолковать о смысле жизни, еще долго видны их темные фигурки на ледянисто-малиновых предзакатных склонах.

Говорят, горные лыжи, возможно, еще не являются счастьем, но вполне могут заменить его.

**Начало мая. Безбрежные
снежные склоны...**

**Взбираясь с рассветом на
вершины, вы становитесь
горовосходителем**

Стремительный спуск

**Совсем рядом — полярные
курупатки**

«...ПОД НОГАМИ ЛЕЖИТ БОГАТСТВО»

**Владимир
БИРЮКОВ**

Известный уральский краевед Владимир Павлович Бирюков был по одному высшему образованию ветврач, а по другому — археолог. Однако в практической деятельности краеведа и основателя ряда краеведческих музеев он очень часто выступал в роли геолога и на этом поприще был не только первооткрывателем, проводником, но и автором значительных для Урала книг, брошюр, листовок, вопросников и статей в газетах и журналах. Так, в 1926—1927 годах В. П. Бирюков подробно описал почвы, геологическое строение и полезные ископаемые Зауралья в книге «Природа и население Шадринского округа», а в 1931 году выпустил в Свердловске три программы по сборанию сведений о водоемах, о торфяных болотах и об ископаемых строительных материалах. Он писал о природных газовых источниках, о естественных грязевых колодцах, о гипсах и кварцевом порфире в Зауралье.

Теперь, когда В. П. Бирюкова нет в живых, он умер в 1971 году, краеведам и геологам следует не только отметить скромные заслуги ученого в истории уральской геологии, но и заглянуть в архивы ученого, перечитать его работы и пройти по местам, где он указал сподручные полезные ископаемые.

Ниже приводятся отрывок из автобиографического очерка В. П. Бирюкова (1970), где говорится о его занятиях геологией, а также неизвестная широкому кругу геологов заметка об учете полезных ископаемых на территории Курганской области (1958).

В начале октября 1924 года в Свердловске состоялась многодневная уральская краеведческая конферен-

ция, по решению которой было создано Уральское областное бюро краеведения, сокращенно УОБК. Ученым секретарем его был избран известный старый ураловед Дмитрий Михайлович Бобылев, трудами которого по экономике Пермской губернии пользовался В. И. Ленин для своей работы «Развитие капитализма в России».

В Свердловске тогда существовал Уральский краеведческий музей, созданный в 1870-х годах Уральским обществом любителей естествознания. Ко времени первой уральской краеведческой конференции в административных рамках Уралообласти на ее территории существовали музеи в городах Златоусте, Нижнем Тагиле, Ирбите, Перми, Челябинске и Шадринское научное хранилище. Директора этих учреждений вошли в состав Уральского бюро краеведения. Потом уральские краеведческие конференции повторялись несколько раз.

В начале апреля 1930 года скончался Д. М. Бобылев, и на его освободившееся место был приглашен я. Сравнительно недолго пробыл я на этом посту, как стал ведать сектором полезных ископаемых. Общий курс геологии мне пришлось слушать в трех вузах: в ветеринарном, сельскохозяйственном и археологическом институтах. И лекторами этого предмета во всех этих вузах были звезды науки: П. И. Кротов, Я. В. Самойлов и академик А. П. Павлов, — было чему от них научиться.

Хотя я числился геологом, но фактически работал на разные стороны. Прибыла из центра какая-либо экскурсия или экспедиция, мне пришлось быть для них экскурсоводом и даже консультантом.

Возложено было на УОБК описание курортов, санаториев и домов отдыха в Свердловской области, существовавшей еще до разделения на Пермскую и Свердловскую, мне приходилось разъезжать по этим учреждениям и вести их описание.

Или потребовалось собрать образцы шлихов, отражающих минералогический состав речных и прочих отложений в разных местах Урала, и меня опять командировали на эту работу.

В это время у бюро краеведения существовала мастерская по изготовлению минералогических коллекций. На Урале нет кое-каких минералов и горных пород, как агат, оникс, ленинаканский туф и др., и я получаю командировку на Северный Кавказ и Закавказье...

В августе 1934 года обком ВЛКСМ и редакция газеты «Всходы коммуны» и журнала «Техника сме-не» организовали молодежную экспедицию в самоцветный (геологиче-

ский) район: Режевской, Алапаевский и Петрокаменский административный районы Свердловской области; начальником экспедиции был секретарь «Техника сме-не» Ю. М. Курочкин, а научным руководителем по геологии был отряжен я.

По поручению общества изучения Свердловской области (ОИСО) осенью 1936 г., да отчасти летом еще я вел сборание шлихов, побывав в Челябинске, Каменске и других местах Урала.

По долгу службы в секции полезных ископаемых я был организатором всеуральского похода за полезными ископаемыми. Здесь мне пришлось написать и издать общее руководство «Где и как искать полезные ископаемые», а также ряд отдельных программ — по строительным материалам, по торфяным болотам, по каменному углю, по нефти и природным газам, по водоемам...

Помимо брошюр пришлось также написать и издать два больших плаката, в сущности, те же брошюры, только на развернутых листах — в 1933 и 1934 годах. Что ж, писал и охулки со стороны специалистов не получил.

История знает тысячи примеров, когда люди, как говорится, спотыкались о те или иные горные породы, не придавая им никакой цены, а потом вдруг оказывалось, что под их ногами лежит богатство.

Часть Свердловской и Курганская область расположены на дне третичного моря, моря очень древнего, которое в течение миллионов лет разрушало старый Урал и растащило обломки его горных пород далеко на восток. Из этих обломков образовались толщи осадочных пород до километра в глубину. Разнообразны эти породы: пески разной величины зерна, гравий и глины, годные для выделки кирпича, гончарной посуды, черепицы, разные виды трепела, известные в некоторых районах под названием опоки (Катайский и Далматовский районы Курганской области); отложение мергеля, известняки, песчаники и т. д. Чем ближе к Уральскому хребту, тем меньше мощность осадочных пород и ближе твердокаменные породы под ними. На западе Курганской области в некоторых местах есть признаки ископаемых углей, родственных углям Челябинского каменноугольного бассейна. Небольшим островком к югу от Далматова залегают изверженная горная порода стекловидного строения — кварцевый порфир. Это удивительной прочности строительный материал, но недостаток его — необычайная твердость и в связи с этим трудность придания ему необходимой формы. Впрочем, тут открыто поле для изобретений, для создания такой машины, которая могла бы

обрабатывать этот камень в желательном направлении.

Осадочные горные породы содержат в себе целый ряд образований, ценных в самом различном отношении. Вот в осыпях лессовидной глины лежат кремового или совершенно белого цвета «журавчики» извести, ее конкреции и стяжения, образовавшиеся в глине. Будь этих журавчиков значительные залежи, они были бы прекрасным флюсовым материалом для металлургического производства.

Таковыми же включениями являются бурые железняки, а иной раз углекислое железо, образования которого светло-серого цвета с виду нередко напоминают булки домашнего печения. Поднявшего такой камень удивит его большой удельный вес. Это и есть признак железного углекислого образования.

На дне обсохших русел таких речек, как Верхний и Нижний Канаш, Чумляк и других, можно встретить иной раз в большом скоплении стяжения грязно-серого цвета. Это марказит, т. е. сернистое железо, разновидность колчедана. Если необходимо продезинфицировать какое-либо закрытое помещение, стоит на жаровню с горячими углями набросать марказита, как он, разлагаясь, начнет выделять сернистый газ — первый враг всякого рода паразитов растительного или животного происхождения. Это лишь один вид использования полезного ископаемого.

По берегам реки Кызылбай в Мехонском районе и реки Куртамыш под г. Куртамышом в Курганской области встречаются гипсы, т. е. материалы вяжущего назначения. Трепел и гипсы — первые друзья строителей.

Не стану перечислять всего того, что можно найти в земных толщах наших областей. Помимо полезных ископаемых, земля может дать много интересного для науки и образовательных целей. Я имею в виду кости и раковины наземных и морских животных, давно исчезнувших с лица земли. Иной раз животные остатки скопляются в таком значительном количестве, что будут представлять и хозяйственный интерес. Так, к югу от села Бакланки Каргапольского района Курганской области в склонах южного берега долины реки Миасс я встретил идущий на большую длину пласт ядер морейных раковин — циприн, переплетенных окаменевшими остатками морских растений неглубокого, прибрежного моря. В свое время я давал образец этого пропластка на химический анализ известному уральско-

му геологу Ф. И. Кандыкину. Он установил в ядрах окаменелостей до 4 процентов фосфорной кислоты. Но геолог предупредил, что соединение сильно окаменелое, а потому полезное действие фосфорной кислоты в качестве удобрения будет очень медленным ввиду трудной растворимости ее почвенными водами. Но ведь можно найти такую технологию, которая позволит растениям быстрее усваивать питательные вещества.

Цель настоящей статьи — не исчерпывающий обзор местных полезных ископаемых. Иначе я мог бы сказать еще очень о многом: о торфах и о сапропелях, о минеральных источниках и другом. Хотелось показать, что все это еще далеко не учтено, не зарегистрировано, не выявлено даже. Настала пора приняться за это дело. На помощь должна прийти широкая общественность — наши музеи, школы, клубы с их активом, работники совхозов, колхозники, а также работники леса, строители, агрономы, врачи и другие представители интеллигенции.

Материалы
представил в редакцию
В. П. ТИМОФЕЕВ

В. И. МУХИНА НА УРАЛЕ

Виктор
КЛОЧКОВ

С Уралом Вера Игнатьевна была знакома заочно — по необыкновенно красочным рассказам друга скульптора Ивана Шадра. И вот только теперь в Каменске-Уральском, куда В. И. Мухина была эвакуирована вместе с семьей, она сама увидела суровую и величественную красоту Урала. Сегодня, закончив работу над барельефом В. И. Ленина на фронтоне Дворца культуры строителей, она решила немного прогуляться по окрестностям города. Вышла на берег Исети, залюбовалась простирающимися вдали лесами.

Да, природа, великая природа!.. Как хотелось ей передать людям хотя бы толику той радости, что дарит природа. Хватило бы только умения. Она, Мухина, автор знаменитой композиции «Рабочий и колхозница», всегда боялась, хватит ли у нее умения воплотить рождающиеся в голове замыслы. В свое вре-

мя она именно по этой причине от- казалась преподавать в академии...

— Что с отцом? — спросила она дома сына, когда Алексей Андреевич вышел из комнаты.

— Может, получил очередной от- каз? — предположил сын.

Должность амбулаторного врача тяготила Алексея Александровича Замкова. Имея опыт военного хирурга, приобретенный им еще во время первой мировой войны, он считал, что его место во фронтовых госпиталях. Но на все его просьбы о переводе приходили неизменные от- казы.

Алексей Андреевич появился на пороге комнаты с письмом в руке.

— Прочитай, Вера, — протягивая письмо жене, сказал он. — Сергей погиб. «Сергей Александрович Замков погиб смертью храбрых в боях под Москвой 20 октября. Сгорел в танке заживо. Отстреливался до последнего...»

Сережа Замков... Он был краси- в. Правда, все Замковы были краси- вы: и ее муж, Алексей Андреевич, и старший Замков... Но их красота была слегка грубоватой, вот Сергей был на особинку, его красота была одухотворенной. Когда Вера Игнать- евна приступила к работе над композицией «Рабочий и колхозница», у нее не было сомнений, кого взять в качестве модели. Под стать Сергею была и его жена Наташа, внучка знаменитого адвоката Плевако. Сергей и Наташа не только внешне, но и внутренне, духовно сродни были тем, кого она хотела представить всему миру как поколение новых людей — советских.

Недолго пробыла Вера Игнатьевна Мухина на Урале, всего около пяти месяцев. Здесь она сделала барельеф Ленина, портрет «Сидящего узбека», «Голову узбека», здесь она работала над скульптурной композицией «Воз- вращение», здесь у нее созрел за- мысел «Портрета партизанки».

Жители Каменска-Уральского в память о пребывании В. И. Мухи- ной в их городе хотят установить мемориальную доску работы своего земляка художника В. В. Пермя- кова.

СОН СЕМИНАРИСТА

Валерий
ПОНОМАРЕВ

На обложке — сидящий на камне черт и интригующая надпись: «Юмористический, сатирический, отчасти политический, но не бюрократический, не периодический семинар-орган «С натуры». Сегодняшнее число, настоящего месяца, текущего года. Издается под редакцией «веселых друзей». А вот другая обложка: на фоне весеннего пейзажа рука с горящим факелом, и название другое — «Пробуждение».

Речь идет о нелегальных географических журналах, издаваемых в Вятской духовной семинарии во время первой русской революции. Выходили здесь также журналы «Рассвет», «Блин», «Хулиган», «Мысли». Несколько экземпляров этих изданий сохранилось в областном краеведческом музее.

Вятская духовная семинария... За городом, на берегу речки Люльченки возвышались ее корпусы, огражденные высшим забором. Молитвы, зубрежка Часослова, Библии и прочих духовных канонов, снова молитвы. И так изо дня в день.

В октябре — декабре 1905 года, когда в Вятке бастовали рабочие, служащие, не оставались в стороне и учащиеся. В учебных заведениях устраивались сходки, собрания. В духовной семинарии началась забастовка. Семинаристы требовали свободы собраний, демонстраций, устранения преподавателей-консерваторов. Напуганные размахом волнений учащихся, городские власти отдали приказ закрыть все средние учебные заведения Вятки на два месяца.

В 1906 году, несмотря на массовые репрессии, революционное движение в губернии продолжалось, а в духовной семинарии даже усилилось. В Вятку из Владимира был переведен центральный комитет общесеминарского союза, который и возглавил всю нелегальную работу. В семинарии создаются лекторские коллегии для ведения политических бесед, докладов. На средства центрального и местного комитетов выпускались газеты, брошюры революционного направления, издавались и свои журналы. Они существенно отличались друг от друга. В «Мыслях», «Пробуждении», «Рассвете»

публиковались серьезные статьи о революционном движении, рецензии на философские труды, рассказы, очерки. Даже одни названия статей — «К товарищам», «Что делать?», «Несколько слов о русской революции», «Ближайшая задача учащейся молодежи» — говорят о том, что революция — главное в жизни учащихся. Конечно, большинство семинаристов недостаточно разбиралось в идеях социализма. Однако достойно уважения само провозглашение этих идей в то время, когда даже слово «социализм» находилось под строжайшим запретом, когда за пропаганду социализма бросали в тюрьмы, высылали в Сибирь.

Журналы «Хулиган», «Блин», «С натуры» изобиловали шаржами, карикатурами на свое начальство, высмеивали пороки духовенства. Вот одна небольшая шутка под названием «Сон семинариста».

«Мне снилось кладбище... Кресты деревянные, мраморные, чугунные тянулись без конца. Вдруг мое внимание привлекла одна новенькая плита, на ней сбоку жирными буквами было начертано: «Прах епископа Филарета», а на обратной стороне:

Здесь нашел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив;
Он оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив.

Я проснулся. Разбудили меня пьяные, воротившиеся из ресторана. И так скверно сделалось на душе: и спать-то не дали и Филарет-то жив».

Доставалось от острых на язык корреспондентов и епископу, и ректору семинарии, и гражданским властям.

В мае 1907 года полиция разгромила организацию семинаристов. 10 человек были арестованы и посажены в тюрьму.

В ДОМИКЕ НЯНИ

Борис
ЗЕЛИЧЕНКО

Доподлинно известно, что Арина Родионовна — няня нашего великого поэта родилась в 1758 году в селе Суйда, что близ Кобрينو (бывшее Коприно). В Кобрينو, принадлежавшем «птенцу гнезда Петрова» Абраму Ганнибалу, подарила ей избу бабушка А. С. Пушкина — Мария Алексеевна...

Ехать туда надо электричкой Ленинград — Луга с Варшавского вокзала до остановки Прибыtkово. А там — пройтись полтора километра.

Вот и домик-музей. Вросшая в землю крестьянская изба. Правда, к ней пристроены большие сени для туристов. Здесь же в сенях рисуют няню, сделанный А. С. Пушкиным. В избе большая русская печь, она топилась по-черному, так как за трубу нужно было платить налог. В избе — стол, накрытый скатертью, которой уже сто лет, и посуда того же времени. Окна маленькие, пол и крыша новые. Висит люлька, в ней куклы деревянные, замотанные в тряпочки, — игрушки тех лет. В углу старая икона.

Старина глубокая, но прочтешь на фасаде: «Здесь жила няня Пушкина Арина Родионовна, и дрогнет сердце, и сразу вспоминаются строки «Подруга дней моих суровых...»

Сколько раз возвращался поэт к образу Арины Родионовны! Любовью к ней навеяны и мамка из «Русалки», и няня Татьяна Ларина, и няня Владимира Дубровского. А в стихотворении «Сват Иван»:

Мастерица ведь была
И откуда что брала,
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки...

Слушать так душе отраднo.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?

Ее любили и друзья Александра Сергеевича. В своих воспоминаниях о посещении Пушкина в Михайловском Иван Пушкин писал:

«Прибегавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом... Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая — чуть не задушила ее в объятиях».

После Великой Отечественной

войны, казалось, дом уже обречен. Но нашлись люди, поклонники великого Пушкина, и сберегли его. Наталья Михайловна Ныркова — жительница Кобрينو, учительница немецкого языка, переселилась в домик няни, чтобы изба не разрушилась, и жила в нем двадцать лет. Но до открытия музея не дожидаясь «бабушка Арина», как ее звали местные школьники.

Музей открылся в 1974 году, к 175-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Интересно, что Домик няни сейчас «подчиняется» музею Станционного смотрителя, где жил Самсон Вырин, придуманный гением Пушкина. Музей существует уже много лет на 69-й версте «от Петербурга к Выре».

Бывал ли поэт в домике няни — неизвестно. Мы знаем другое: по этой дороге Александр Сергеевич проезжал 13 раз по пути в Выру, где жил «суший мученик» четырнадцатого класса» станционный смотритель.

Арина Родионовна уехала через два года после окончания ссылки поэта из Михайловского в Петербург к обвенчавшейся сестре Пушкина Ольге. В дороге она простудилась и вскоре умерла в Петербурге. Это произошло 31 июля 1828 года. Похоронена она на Смоленском кладбище, но могила ее, к сожалению, затерялась.

ДОНЕСЕНИЕ ГУБЕРНАТОРУ

**Николай
КУЗМИНСКИЙ**

Об уровне культуры даже крупных царских провинциальных чиновников свидетельствует случай, происшедший в 1829 году в Ишиме.

Знаменитый немецкий ученый Александр Гумбольдт приехал в том году в Ишим для астрономических наблюдений. Не имеющий представления, что такое астрономия и телескоп, ишимский городничий Стотчен пришел в ужас от поведения ученого. Вот такое донесение послал ретивый ишимский городничий тобольскому губернатору:

«Несколько дней тому назад прибыл сюда немец, по имени Гумбольдт, худой, невысокого роста, а на вид ничего не значащий, но важный и при этом он был снабжен письмом ко мне от вашего высокопре(восходитель)ства, в котором вы приказываете мне обращаться с ним вежливо и с воздержанием. Я же хотя и принял его с достойным уважением, но все-таки должен заметить, что личность эта кажется мне подозрительной и весьма опасной. С самого начала он мне не понравился. Слишком много болтает и пренебрег моим гостеприимством... пренебрег и мною и моим угощением. При всем том, явно не почтив своим вниманием высшие официальные лица в городе, вступил в разговоры с поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня под надзором.

Осмеливаюсь донести (ашему) высокопр(евосходитель)ству, что подобные разговоры с политическими преступниками не ускользают от моего внимания, особливо с той поры, как после продолжительных с ними переговоров, ночью, ушел он с ними же на вершину одного холма, господствующего над городом. Туда притащили они какой-то ящик и вынули из ящика инструмент, имеющий вид длинной трубы, которая и мне, и всему обществу кажется пушкой. Утвердивши трубу эту на трех ножках, он направил оную прямо на город и каждый из них стал к ней подходить и смотреть, верно ли она прицелилась.

Видя во всем этом великую опасность для города (так как весь он деревянный), я немедленно приказал гарнизону, состоящему из одного подпрапорщика и шести нижних чинов, идти к тому же месту с заряженными ружьями, глаз не спускать с немца и следить за его штуками.

Если изменнические проделки этого человека оправдают мои подозрения, то мы положим животы наши за царя и святую Русь».

Судя по этому документу, астрономические наблюдения Гумбольдта в Ишиме запомнились ему до конца жизни... Как сказал поэт, «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

ЕРМИЛ КОСТРОВ

**Виктор
БЕРДИНСКИХ**

Ермил Костров — фигура немалая в русской литературе XVIII века. Чего только стоит такая оценка А. С. Пушкина: «...Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык».

Современники видели в Кострове оригинального и самобытного поэта, стоявшего в ряду первых поэтов своего времени. Костровские же переводы на русский язык Вольтера, Оснана и Гомера были крупными литературными событиями той эпохи. А его перевод Апулея оставался единственным до начала XX века.

Поэт и переводчик, друг А. В. Суворова, человек со славой русского Гомера прожил жизнь тяжелую и яркую, о которой мы сегодня почти ничего не знаем. Размышляя о трагической судьбе поэта, вспомнил Кострова А. С. Пушкин в своем первом печатном произведении «К другу стихотворцу»:

Катится мимо их фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб
Руссо;
Камозэнс с нищими постелю
разделяет;
Костров на чердаке безвестно
умирает,
Руками чуждыми могиле предан
он;
Их жизнь — ряд горестей, гремящая
слава — сон.

Воспоминания современников о Кострове, собранные уже в XIX веке, представляют ряд исторических анекдотов, зачастую малоправдоподобных. Но кроме них у нас почти ничего нет. Поэтому любой достоверный факт биографии поэта вдвойне драгоценен для нас.

До сих пор не была известна не только точная дата рождения Ермила Ивановича Кострова, но и из какой он семьи, полные имена родителей. В Государственном архиве Кировской области мне удалось обнаружить архивные документы, позволяющие установить точную дату рождения поэта, состав его семьи. В метрической книге за 1755 год Вятской епархии Слободского уезда села Синеглинского Петропавловской церкви в части «О родившихся» первая же запись гласит: «6 января у дьячка Ивана Кострова сын Ермил».

Итак, будущий поэт родился 6 января 1755 года в семье дьячка местной сельской церкви Ивана Вуколовича Кострова. В год его рожд-

дения отцу было 26 лет, а матери, Екатерине Артемьевне, — 24 года. Ермил был третьим ребенком в семье. В год его рождения сестре Ульяне было 6 лет, а брату Ипату — 3 года.

Отец Ермила был человеком грамотным, и его подпись мы видим на метрической книге прихода за 1755 год и на исповедной книге за этот же год. Возможно, он их и писал, так как дьячки того времени по своей должности соединяли с духовным званием обязанности писарей. По своему образу жизни сельское приходское духовенство того времени мало чем отличалось от крестьян. Как к священникам, так и к подчиненным им причетникам власти имеют право применять телесные наказания. Материальное положение в середине XVIII века «белого духовенства, главным образом сельского приходского, было по-прежнему очень печальным», — меланхолически отмечает автор статьи о духовенстве в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Доходы сельского приходского духовенства зависели от количества треб, совершаемых им при рождении, смерти и браках крестьян, то есть, в конечном итоге, от величины прихода и зажиточности крестьян.

Приход села Синеглинского, где служил отец Ермила, был одним из самых маленьких и бедных в уезде.

Но настоящей бедой было то, что мальчик очень рано осиротел. Мы точно не знаем, когда умер его отец, но уже в 1765 году его в живых не было. По исповедной росписи этого года в селе Синеглинском двора дьячка Ивана Кострова вообще нет. Сам Ермил в это время учится в Вятской семинарии, но среди жителей села нет и его матери. Зато во дворе двовы Акулины Костровой после перечисления ее взрослых сыновей и их жен записана «девица Ульяна Иванова дочь Кострова — 15 лет». Вряд ли мать оставила бы свою дочь одну, если бы была жива. Очевидно, после смерти родителей ее приютили родственники-соседи.

Таким образом, Ермил лишился в раннем возрасте не только отца, но и матери, жизнь его началась тяжелым сиротством. Недаром в своем первом московском стихотворении, жалуясь на злую судьбу, восемнадцатилетний Костров пишет:

Давно фортуна мной играет,
Давно сурово мне вещает:
Гоню тебя, гнать буду век...
О ты, презренный человек!

После смерти отца мать с семьей, думается, были приписаны в крестьяне Вобловницкой волости Успенского монастыря, а после секуляризации (отчуждения в пользу государства) церковных земель они были перечислены в экономические крестьяне.

В ведомостях же церковнослужителей Вятской епархии за 1766 год в соседнем Синеглинском селе Муллинском Вознесенской церкви «правил пономарскую должность умершего дьячка Ивана Вуколова сына Кострова сын Ипат 15 лет». Чтобы устроить на это место, ему прибавили год. Помог определить его сюда, наверное, поп Синеглинской церкви Иосиф Шерстенников, исповедовавший в Муллинском. Но научил Ипата грамоте, вероятно, отец.

Ермил в раннем возрасте поступил в Вятскую духовную семинарию. В нее определялись дети церковнослужителей в возрасте от 7 до 12 лет, прошедшие собеседование. Не прошедших отправляли по домам с краткой, но выразительной резолюцией — «к учению туп».

Вероятнее всего, Ермил поступил в семинарию в 1763 году, когда ему было 8 лет. Число учащихся семинарии составляло в 1763 году примерно 300 человек. В 1764 году произошла секуляризация монастырских вотчин, и средства, отпускаемые семинарии, были урезаны, а число воспитанников сокращено до 100 человек. То есть 200 учеников «малопятных и средних» было распущено, а 100 человек «костропнятых и надежных» оставлено.

Ермил, без сомнения, был казеннокоштным семинаристом. Платить за его обучение было некому. Он мог рассчитывать только на свои способности. И даже через годы жестокой муштры Костров сумел пронести душевную чистоту и цельность. Это поразило современников, казалось странной аномалией. Один из них писал впоследствии: «Костров был добродушен, прост и чрезвычайно безобиден и незлопамятен, податлив на все и безответен; в нем было что-то чисто ребяческое».

А жизнь в семинарии была несладкой. Скучная пища, телесные наказания, зубрежка искалечили жизнь не одного ребенка. И постоянно подаются в семинарскую контору «Доношения учителей об убежавших учениках и реестр найденных».

А между тем Вятская семинария считалась одной из лучших в то время. На 1,5 тысячи рублей было выписано для нее книг из-за границы, причем не только церковных, но и лучшей классической литературы. Префектом семинарии в годы учебы Кострова был Петр Любарский, человек достаточно образованный для своего времени, даровитый преподаватель. Две важных черты преподавательского коллектива семинарии сыграли важную роль в будущей судьбе Ермила Кострова. Во-первых, многие преподаватели занимались переводами: с итальянского, французского, латинского языков. Так, учитель класса поэзии А. Н. Серебряников перевел на русский язык поэму Мильтона «Потерянный рай». Не-

которые свои переводы они даже печатали. И, во-вторых, большинство учителей писало стихи как на русском, так и на латыни. Учитель риторики А. И. Попов даже издал свои эпиграммы в Петербурге в 1778 году. Меся в какого-то своего современника, он писал:

Богатый графский дом купивши
Туберон
По крайней мере мнишь, что ты
теперь барон.
Осла Меркурием не делают
Афины:
Природа, нрав и вид в осле —
всегда ослины.

Обе эти склонности (особенно вторая) от учителей переходили к ученикам.

Из семинарии он вышел уже уверенным в своих силах поэтом и вынес глубокое знание латыни. Жажда знаний, стремление заниматься поэзией заставляют 18-летнего поэта отказаться от беспечности и сытого покоя духовного сана. И летом 1773 года путь его лежит в Москву, он мечтает учиться дальше. «Вобловицкой экономической крестьянин и Вятской семинарии ученик», как подпишет он первое известное нам произведение, стоит на пороге новой жизни.

Личность и деятельность Ермила Кострова представляют большой интерес. Пора, наконец, снять с его биографии одежду из анекдотов, и, я уверен, под ней окажется человек талантливый, высокого строя мысли, судьбы трагической. Заканчивая свою оду Хераскову, куратору Московского университета, Костров писал:

Ты — человек, и сим ты именем
гордись,
Доволен буди им, собой его
возвысь!

Завет не устаревший и сегодня.

Мария
МЕЗЕНИНА

Кленовые листья

Была глубокая осень — предзимье. В полях и лесах ни цветика. Я ждала младшего сына: хотел побывать дома проездом из командировки. Витя всегда привозил мне цветы — с сенокоса, с рыбалки, с охоты. Весной это были ярко-оранжевые купавки, летом — ромашки, колокольчики, какое-то разноцветье из зарослей уральской тайги. Иногда — небольшой букетик редких здесь лесных ландышей.

Вот и сын. Едва поздоровавшись, быстро стал разбирать чемодан. На самом дне, под газетой, лежали разноцветные листья клена. Поднял ли их Витя с ковра осеннего леса, или ветер еще не успел сорвать их с деревьев — так ли это важно. Листья красивым веером украсили мой уголок. А потом Витя сел за фисгармонию и стал импровизировать. И эту его импровизацию мне хотелось назвать «Кленовые листья».

Сказка и след

В военные годы мой старший сынок ходил в детсад. Там питание было скудное. Веду Шурика домой, а сама думаю: запросит перед сном хлеба, а его нет. Хлеба-то нет, а вот выход из положения есть.

Укладываю спать пораньше.

— Мама, дай кусочек хлеба!

— Нету, сынок, сегодня не было в магазине.

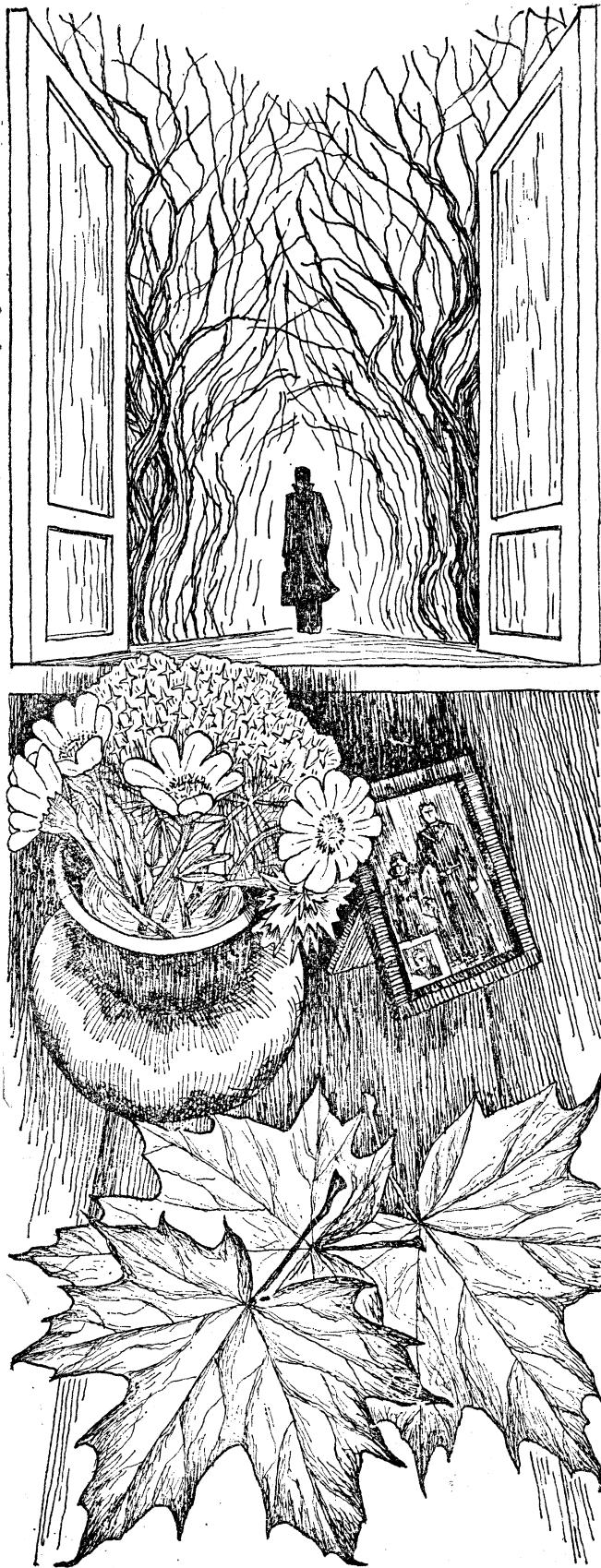
— А расскажи сказку — и хлеба не буду просить!

Где тут думать о хлебе, когда надо выручать Кая из плена Снежной Королевы, когда надо из болота тащить бегемота!

Сказочный репертуар иссякал. На помощь пришел Жюль Верн. Такой там интересный дядюшка Юп!

...Проходят недели, месяцы. Ритуал вечерних рассказов укрепился прочно. Теперь кусочек хлеба заменяют реальные, несказочные герои. Папанинцы, челюскинцы, Чкалов.

Уже выучена соответствующая частушка, и Шурик вдохновенно распевает:

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА

Аркадий
КОРОВИН

Писать о ней — значит пересказывать ее книгу «Моя жизнь». Главы ее появились в 1933 году в уральском журнале «Штурм». Их заметил А. М. Горький. По его совету книгу «Моя жизнь» Агриппины Гавриловны Коревановой издают Уралогиз, в 1936 году — «Советский писатель», затем издательство «История заводов» и в 1938 году вторым изданием — «Советский писатель».

Интерес читателей к книге был огромным. Пожалуй, спрос на повесть А. Коревановой был такой же, как и на роман Николая Островского «Как закалялась сталь», вышедший в ту же пору. За обеими книгами в библиотеках были огромные очереди.

«Как жила и как выжила женщина-пролетарка, — так определила сама А. Г. Кореванова тему книги. — Хочется рассказать об этом молодежи, которая не испытала этого и не испытает. Узнать об этом она может из наших рассказов».

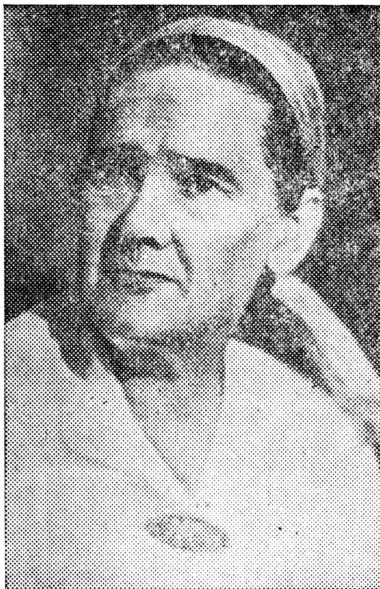
Агриппина Гавриловна Кореванова родилась 23 июня 1869 года в семье ревдинского рабочего. Она была двенадцатым членом семьи. Дед ее, кучеклад, был расстрелян Демидовыми в ревдинский бунт 1841 года.

«С юных лет я потеряла семью: смерть отняла у меня мать, брата и сестру, и дальше, на протяжении всей моей жизни, я была предоставлена самой себе». Хорошо, что хоть бабушка долгие годы крепка здоровьем, и шестилетнюю Агриппину взяла себе. Бабушка видела и пережила расстрел ревдинских рабочих в 1841 году и с тех пор не верила в бога, царя, не любила попов, богачей и чиновников. В церковь не ходила и дома не молилась. Бабушка оказала большое влияние на формирование характера Грипы.

Так и жила, мыкаясь, сирота до 1891 года, когда ее насильно выдали замуж.

1894 год. Год коронавания Николая Кровавого. Свекор сказал: «Это будет горе-Николай. В его царствование все наплачется. Он будет похуже Николая Первого».

1902 год. Смерть мужа. Вольная Агриппина из деревни, куда они перебрались с больным мужем, возвращается в город, теперь не в Ревду, а в Екатеринбург. Жила «в погоне за куском хлеба». Где только не работала — на спичечной фабрике Логинова, ткацкой Макарова, сиделкой в родильном доме. Познакомилась с революционно настроенными рабочими, выполняет их поручения,

за что и гоняют ее с места на место. 1905 год. Революция. Была одной из организаторов забастовки прачек. Но Екатеринбург пришлось покинуть, поехала в Карабаш, куда дали явку. В июле 1908 года вернулась в Екатеринбург. Снова забастовка прачек, ею организованная. Агриппину опять гонят с работы. Оказалась в Челябинске...

1912 год. В екатеринбургской гостинице «Эрмитаж» появилась новая опрятная посудница Агриппина Кореванова. Завязывается дружба с семьей Свистуновых, которые просят ее укрыть политического. Затем, случайно услышав разговор полицейского с швейцаром гостиницы, Кореванова предупреждает о готовящемся аресте и помогает скрыться Свистуновым.

1918 год. Как только красные полки пришли в город, А. Г. Кореванова разыскивает ревком и 25 августа 1919 года по рекомендации известного сибирского революционера Вегмана ее принимают в партию большевиков. Тут же она записывается в Красную Армию.

Состоялось знакомство с замечательной большевичкой Урала Симой Дерябиной. Она, узнав, что Агриппина Гавриловна годами пишет дневник, советует ей переработать его в повесть. Сима Дерябина сама писала дневник, а потом пьесы, статьи на злобу дня.

В 1920 году Кореванова заболела и в декабре 1921 года ее демобилизуют. По приезде в Екатеринбург она получает назначение воспитателем в Екатеринбургский детдом.

В 1924 году А. Г. Кореванову переводят на культфронт, на борьбу с безграмотностью. Назначают ее в Полдневую заведывать избой-читальней, затем переводят в село Косули-

не, где она избирается секретарем партячейки.

Их было шесть сельских большевиков: секретарь сельсовета потомственный рабочий Григорий Ульянов, женорганизатор Татьяна Коровина, заведующий лавкой ЦРК Мишарин и местный крестьянин Конон Елькин. Красные посиделки, первый в районе детский сад, делегатский огород, краснокозыночные делегатки, первые на Урале «октябрины», драмкружок и первомайские торжества — вот неполный перечень дел косулинских большевиков, возглавляемых Агриппиной Коревановой.

Тяжелая жизнь сказалась: в 1926 году Агриппина Гавриловна вынуждена была уйти на пенсию. Но без дела тетя Грипа, седенькая, энергичная, хорошо эрудированная, не сидела ни дня...

28 февраля 1937 года лауреат литературной премии Свердловского обкома партии и обкома ВЛКСМ, член Союза писателей СССР, член ревкомиссии ССП, делегат первого съезда советских писателей, член Уралобкома, затем Свердловского обкома партии Агриппина Гавриловна Кореванова умерла в возрасте 67 лет.

«Агриппина Гавриловна была одной из тех стойких натур, которые сумели пронести через страшные условия рабского существования, сквозь вечную нужду и непосильный труд яркую мечту об иной, прекрасной жизни. Эта мечта сбылась, когда Коревановой было за 50 лет», — говорилось в некрологе правления Союза писателей СССР.

Для уральцев имя А. Г. Коревановой дорого. Рожденная крепостной господ Демидовых, пройдя тяжкий путь мучительных испытаний жизни, простая работница, самоучкой познавшая грамоту, стала в эпоху социализма известной пролетарской писательницей. И лучшим памятником ей будет, думается, переиздание ее повести «Моя жизнь». Книга эта — сама история нашей страны, ее должны знать потомки «тети Грипы».

С неба звездочка упала,
Самолет крылом задел.
Не успел вернуться Чкалов,
Следом Громов полетел!

География, зоология тоже вкладывают свою долю. Таежные были, моря, океаны... История тоже имела заменяющие хлеб свойства. Троянский конь не один вечер успешно справлялся с неожиданной задачей.

Я уставала за день: работа, двое детей (дочурка была еще крохотной), и когда наступало время сказок, у меня часто заплетался язык, слипались глаза, и мы вместе с сыном засыпали, так и не успев вылететь из пушки на луну. (Ура! Сказка не кончена, хватит и на следующий вечер.)

Дочке и младшему сыну я уже так много не рассказывала — хлеб уже не был проблемой номер один.

А Шурик мои сказки в военное лихолетье вспоминает и сейчас как что-то далекое, милое и родное.

Серовод

В полумраке зала стояла новогодняя елка. Расставленные вдоль стен скамейки были заняты пожилыми людьми и совсем старенькими. Одетые в теплые шубы, шали, шапки, торжественно-тихо сидели мы в зале. Ожидали, когда вспыхнет свет, загорится елка.

И вдруг — я не заметила, кто это первый придумал — все встали вокруг елки и взялись за руки. Буквально все, сидевшие возле стен. Старички оставили на своих местах шапки, варежки. Запели «В лесу родилась елочка» и пошли хороводом. Кто-то на сцене поддержал песню на баяне.

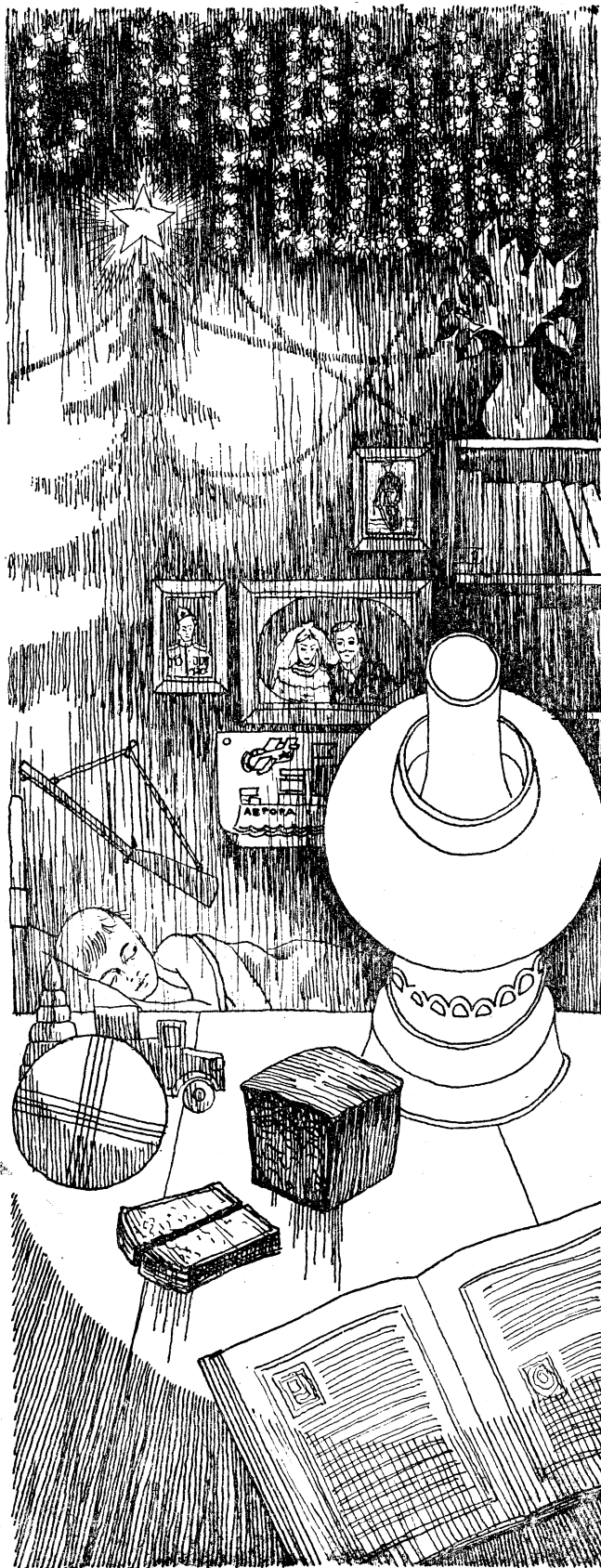
Полумрак зала создавал таинственность, сказочность. Все лица были серьезные, как будто люди выполняли какой-то ритуал. Пели ветераны колхоза, старушки, годами не бывавшие в клубе.

Спели уже не одну песню и казалось, что снимается с души какая-то накипь.

...Вспыхнул яркий свет, засверкала елка, под музыку закружились в вальсе молодые пары. И зачарованное наше царство исчезло. Мы снова сидели в стороне возле стен, любовались нашими детьми.

Это было несколько лет назад в Чусовском сельском клубе. Было и запомнилось!

Рисунки
С. Малышева

РАЙ-ИЗ НА СЕМИ ВЕТРАХ

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

Ботаник Капитолина Игошина, известная исследователем Урала, вычислила, что на Полярном Урале все фенологические явления отстают на три дня на каждые сто метров высоты: поднимаясь в горы, природа задерживается в своих переменах.

На берегах Соби, у подошвы Рай-Иза, буйное июньское цветение — полыхают жарки, голубеют незабудки, в свежем зеленом наряде береза и сосна. Чуть выше — уже елочки в мягкой тонкой зелени да низкорослый упругий можжевельник сменили лиственные деревья. Еще выше карликовые деревца заменит стланик, потом исчезнет и он, пойдут мхи, лишайники и только-только набирающие цвет, по полярному скромные травы. Становится холоднее. Высота вершины Рай-Иза — тысяча метров. Три на десять (ботаническая арифметика Игошиной) — мы вернулись на 30 дней, из июня возвратились в май, и наш подъем — возвращение в весну.

Тысяча метров — мы с фотомастером Анатолием Пашуком посчитали попервоначалу, что это будет простой прогулкой. Но если бы не сопровождавший нас уроженец и знаток этих мест, кандидат в мастера спорта Анатолий Яроцкий, то, пожалуй, где-нибудь на середине каньончика, по которому он вел нас, мы бы повернули назад. Надо осторожно прыгать по скользким глыбам, карабкаться по осыпи, а каждый следующий метр становится все тяжелее. Сердце постоянно напоминает, что оно не самый безотказный мотор. На участвовавших привалах Анатолий-проводник увлеченно, с беспечностью бывалого ходока, рассказывает, как здесь ломают ноги и руки лыжники, как «вон на том пяточке» замерз один его знакомый, как его самого дважды спускали вниз на носилках, и он по полгоду валялся в больнице...

Мы карабкались на Рай-Из, чтобы побывать на здешней метеостанции, как именуют в официальных документах — «высокогорной, труднодоступной». Метеостанция «Рай-Из» отмечала полвека своего существования. В 1932 году кол-

хозные оленеводы Лабитнангов начали необычную операцию — пятерки оленей тащили на нартах или просто волоком бревна на плоскую вершину массива. Обходной, приемлемый для оленей путь по юго-западному склону насчитывал двадцать верст. Завоз леса длился все лето.

Выбор точки для метеостанции Главсевморпути был необычно точен — погода на полярном плато меняется несколько раз в день, а такая неустойчивость для гидрометеорологов особенно ценна. Однако работать в климатическом пекле очень сложно.

Яроцкий, который незадолго до этого поднимался на станцию, сказал, что там работают пятеро специалистов. Вот вдали среди пепельно-желтой осыпи глыб показался приземистый домик с пристройкой, окрашенные в белое приборы метеоплощадки. Домик, тот самый, что собирался по бревнышку, вроде врос в каменную землю.

Встречали нас две женщины — одна очень молодая, другая постарше, в роговых очках от сильной близорукости.

— А где парни? — спросил Анатолий.

— А-а,— махнула рукой пожилая.— Разлетелись наши жилитимены: кто в отпуск, кто насовсем.

Коллектив метеостанции «Рай-Из» насчитывает всего двух человек — начальника Анну Акимовну Сычеву и ее первого (и единственного) помощника — выпускницу Туапсинского гидрометеорологического техникума Ольгу Широких.

Только вчера здесь прошел затяжной дождь, который наконец-то съел последний снег. В мае его лежало еще столько, что — как и всю зиму — пользовались люком, выбираясь на площадку. Раскапывать двери было бессмысленно — ежедневная пурга заваливала снова и снова. Чем-чем, а постоянством здесь погода не обладает. Даже за то не очень долгое время, которое мы здесь провели, мы стали свидетелями дождя, мелкого снегопада, прекрасного захода, осенней мороси, жаркого летнего дня.

Анна Акимовна показала нам флюгер, на котором установлен штوك, определяющий силу ветра. Он рассчитан на сорок метров в секунду, в этом случае деревянный флажок-указатель становится параллельно земле. Но порывы достигают такой силы, что он торчит прямо перпендикулярно. Шквалы здесь чаще всего налетают неожиданно, побушуют с четверть часа, и снова — штиль. За один май рация «Рай-Иза» передала больше сотни штормовых предупреждений.

Сегодня дежурит Ольга. К сроку радиосеанса она проверила показания приборов, включила станцию.

— «Долина», «Долина», я — «Жетон». Прием.

— «Жетон», «Долина» слушает.

Ольга быстро продиктовала колонку цифр — закодированную метеосводку. Весь сеанс длился не больше минуты. Вот ради того, чтобы своевременно в гидрометеорологической обсерватории приняли эти цифры, которые потом попадут в общую синоптическую сводку по стране, ведут высокогорно-труднодоступную жизнь две женщины.

Нам трудно представить все проблемы, с которыми сталкиваются те, кто обрел себя на эту жизнь. Единственный транспорт — вертолет, но облака закрывают вершину порой несколько месяцев подряд. За любой мело-

чью нужно спускаться в поселок Харп либо заказывать в Салехарде.

Основная проблема — вода, зимой ее получают из снега, но чтобы было вдоволь воды, нужно много топлива, а его здесь привыкли беречь, уголь и тонко нарубленные полешки завозят тоже по воздуху. Летом два колодца пересыхают, и тогда нужно спускаться километра за два к водопаду, где в цирке лежат два небольших озера. Здесь нужно уметь жить с запасом на год вперед, предвидеть все проблемы загодя, потому что неразрешимой проблемой может оказаться простой гвоздь или ложка. Даже на островных станциях в Ледовитом океане условия приемлемые — там есть живность, рыба в речках, возможность поохотиться. Здесь, на продутой ветрами голой вершине, ничего такого нет.

Ежедневная работа двух сотрудниц «Рай-Из» не может не вызвать почтительного уважения. Не хочу преувеличивать героичности тех мотивов, почему они здесь — Анна Акимовна приехала из Омска на два года, чтобы заработать льготную северную пенсию, а Ольге Широких нужно отработать два года, чтобы получить диплом техникума. Но и то и другое можно было заработать и в более легких местах, а они живут и работают на этой станции. Один из тех коллег, кого «сдуло» здешним крепким ветром, сказал примечательные слова:

— Поставьте мне хоть мешок с миллионом, я сюда не вернусь.

Это говорит и о его «силе воли», и о силе воли тех, кто, несмотря ни на что, здесь остался. И так уж устроен человек — в невообразимых трудностях он умеет заметить и не пропустить прекрасное, по-настоящему оценить тот шанс, который в общем-то выпадает не каждому и облагораживает нашу судьбу.

— Вам приходилось видеть изморозь, которая нарастает на нашей контрольной проволоке на семьдесят сантиметров? — спрашивает Анна Акимовна. — Да вы и не поверите. Я бы сама не поверила, если бы не видела. Целый столб кружев, мороз и ветер связали его так искусно, что вряд ли какая-то мастерица может состязаться с ними. Я такой красоты сроду не видывала!

Им приходится восемь раз в сутки проверять приборы в дождь, слякоть, пургу, когда спасает только страховочный трос, протянутый от люка к метеоплощадке, скучать, тосковать, неделями сидеть без связи, но с каким восторгом эта женщина говорит о том, что подарила ей здесь судьба: облака, восходы, цветы, горы...

Судьба преподнесла принципиальной холостячке еще один сюрприз — в прошлом году отремонтировать домик приезжала бригада плотников. Среди них оказался бывший металлург, сейчас пенсионер, который ждет ее в Омске, чтобы соединить им свои нелегкие судьбы.

— Мои товарки шутят, — улыбается Анна Акимовна, — поедем на Рай-Из за женихами. Сбежите, говорю им, не дождетесь...

Ольга Широких считает, что практика на Рай-Из — тоит многого.

...Есть в этих местах еще одна уникальная метеостанция — «Полярный Урал». Она расположена в небольшом поселочке линейной железнодорожной станции пятого разряда, прямо на границе двух частей света — Европы

и Азии. Географическая уникальность подчеркивается уникальностью погодной. Станция дает в Северное управление в Архангельске самое большое количество сообщений об особо опасных ветрах. Метеотехник Евдокия Афанасьевна Олейник, которая трудится здесь уже 21 год, считает, что объясняется это просто. Станция находится в конце ущелья, которое прошивает насквозь водораздельный хребет, и ветры с запада устремляются в это узкое жерло, создавая эффект аэродинамической трубы.

Самые большие затруднения это создает для железнодорожников — станция хотя и крохотная, но работы здесь для них, особенно в зимнюю пору, очень много. За считанные часы пурга надувает на путях трехметровый слой снега, в котором буксует даже струг-снегоочиститель.

К обелиску «Европа — Азия» вез нас на своей дрезине кряжистый, сурового облика человек — Тит Григорьевич Чернозуб, здешний дорожный мастер тридцать седьмой дистанции, под командой которого находится полтора десятка монтеров пути.

— Бывало, по десять суток поезда стояли, — вспоминает он. — Расчистят пути — поезда едут, как в тоннеле.

Тит Григорьевич — здешний старожил, уже шестнадцать лет трудится на своем межконтинентальном участке — его 22 километра приходятся и на европейский и на азиатский материка. Здесь вырастил пятерых детей. Конечно, жизнь на такой крохотной станции (три десятка жителей) в не особо приветливом полярном уголке, мягко говоря, своеобразна. Кроме магазина, все остальное обеспечение — с железной дороги: вагон-лавка, вагон-клуб, вагон-библиотека, разъездной медпункт, цистерна-водовозка. Но те, кто остается здесь, находят в такой жизни свою прелесть. «Привычка», — коротко характеризует сложный комплекс причин Тит Григорьевич. Он лихо останавливает свою тархателку у трехметрового бетонного обелиска, на двух гранях которого написано «Азия», «Европа».

Здесь реки текут в разные стороны, здесь часовую стрелку надо отвести сразу на два деления, здесь, ступив шаг, из древней Азии попадаешь в старенькую Европу. И здесь, глядя на этих простых людей, четко осознаешь, что нет предела человеческому мужеству, которое растороно в обычных, житейских делах.

● Места, где в нашей стране встречается лекарственное растение бразения Шребера, были известны только на юге Приморья. Но вот ученый-ботаник И. Шибнева нашла его и в безымянном озере Бикинской долины — на севере края. Это стало ботанической сенсацией. Озеро взято под государственную охрану.

● На 2500-метровой глубине в восточной части Тихого океана исследователи из Франции и ФРГ обнаружили нарождающееся месторождение руды, содержащей медь, цинк и другие металлы. Поток расплавленной магмы выходит из разлома земной коры, при контакте с водой застывает тонкой пленкой, затем эта пленка ломается, открывая путь все новым порциям материала. На дне океана фонтанируют горячие минералосодержащие источники, отложения которых вырастают словно дымовые трубы. Отдельные пробы отложений, добытые из района черных гейзеров (так назвали эти трубы), показали необычайно высокое содержание металлов.

● Нефть, полученную сибирскими геологоразведчиками при поисках древнейших месторождений, можно назвать золотой. И цвет ее золотистый, и содержание ценных фракций — бензиновых и керосиновых — высокое. В то же время в этой нефти мало соединений, затрудняющих ее переработку.

Месторождения с промышленными запасами золотистой нефти выявлены в Красноярском крае, Якутии, Иркутской области. Их возраст примерно 500—600 миллионов лет. Хотя считается, что процессы нефтеобразования начались на нашей планете более двух миллиардов лет назад, до сих пор особо древних нефтяных месторождений не находили — они разрушились в результате движения земной коры. Сибирские же нефтяные кладовые сохранились под защитой мощных, в несколько сотен метров, соляных толщ.

● Когда ученые Казахстана начали комплексное исследование проблем, связанных с Муонкумской пустыней, оказалось, что пески передвигаются со скоростью 25 метров в год. И передвигаются в одну сторону — на виноградники, поля с хлебом, сахарной свеклой, на овощные плантации. Было решено создать гигантский лесной заслон. Сейчас, спустя годы, весь восточный край Муонкумов охвачен 140-километровым полукругом лесополосы. Пески остановлены, а кое-где у них отвоеваны земли под новые сельскохозяйственные угодья.

● Пятьдесят больших золотых греко-бактрийских монет найдено во время сооружения канала близ Бухары. Прежде на территории советской Средней Азии таких находок не было. Перед археологами открылась целая портретная галерея правителей Бактрии — царства, история которого изучена пока недостаточно. Предполагается, что клад находился в земле со II века до нашей эры.

● Рекорд дальности оптической связи установили швейцарские альпинисты. В хорошую погоду две группы спортсменов, поднявшись на горы, поддерживали одна с другой световой контакт с помощью азбуки Морзе в течение часа, хотя находились на расстоянии 240 километров!

● Из двадцати тысяч небесных тел состоит пояс астероидов между Марсом и Юпитером. Это уточнение сделали американские астрономы с помощью орбитального телескопа. Превысившая цифра была вчетверо меньше.

«УРАЛ» НА ХЛЕБНОМ ПОЛЕ

Бесконечные осенние дожди размывали все дороги к полям, да и сами поля оказались для обычных грузовиков, колесных тракторов непроезжими. Казалось, урожай погибнет. Но тут появились новые «Уралы» из Миасса и выручили земледельцев.

Новая модификация мощных уральских машин высокой проходимости, хотя она только-только родилась и пока проходит испытания, уже отличилась в хозяйствах Украины, Тамбовской, Курской, Курганской областей. Каждая машина в паре с прицепом может перевезти за один прием 14 тонн зерна или хлопка, силоса или картофеля... По предложениям сельских механизаторов эти «Уралы» оснащены устройством для регулировки давления в шинах непосредственно из кабины водителя. Ведь чем слабее накачка колес, чем они шире, тем меньше портит машина почву, тем выше ее проходимость. Кстати, по полю новый «Урал» способен двигаться со скоростью всего 2 километра в час (например, рядом с комбайном, на ходу принимая в кузов зерно), а на шоссе, подкачав колеса, водитель грузовика из Миасса выжимает все 75 километров в час.

В. ДАНИЛИН

АНГАРА — КАКАЯ ПО СЧЕТУ?

В Байкал, крупнейшее пресноводное озеро нашей планеты, впадают сотни рек, а вытекает из него только одна — Ангара. На пути к Енисею она преодолевает мощный порог — Шаман-Камень. Все это известно давно.

Новость же в том, что, как теперь считают ученые-геологи, эта прорезь в горном обрамлении Байкала появилась относительно недавно. За последние два миллиона лет направление стока озера менялось несколько раз. К северу от истока нынешней Ангары обнаружена древняя долина, имеющая речные осадки. Она прослеживается до Приморского хребта, по существу, сливается с котловиной озера. По замерам песчаных слоев установлено направление движения воды по этой долине — от Байкала к Лене. Найденные там остатки организмов позволяют говорить о том, что именно во время действия этого стока в Байкале появились перпа, омуль и другие обитатели Северного Ледовитого океана. Русло пра-Ангары было отсечено от озера около миллиона лет назад, когда под влиянием тектонических процессов поднялся Приморский хребет.

Древний сток озера обнаружен также у южной оконечности Байкала. Его также прервало горное поднятие.

Возраст Байкала — 25 миллионов лет. Можно предположить, учитывая тектонику района, что нынешняя Ангара даже не третья по счету река, вытекающая из озера.

М. ПЕТРОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ УМБЕРТО НОБИЛЕ

У меня, свердловчанина, в домашнем архиве хранится фотграфия симпатичного человека в мундире генерала итальянской армии. На его груди — крылатый знак воздухоплателя.

Этот портрет сделан в середине далеких уже двадцатых годов. Таким был в то время известный путешественник и исследователь Арктики Умберто Нобиле.

В сопроводительном письме на мое имя Умберто Нобиле говорил: «Посылаю Вам обещанный портрет, на котором я еще так молод и полон сил. Ведь сделан он накануне моего дальнего трансполярного прыжка с Амундсеном через территорию Советского Союза и Северный полюс в Америку, на Аляску...»

Фотопортрет и письмо пришли из-за рубежа после, думается, последнего официального интервью, данного генералом именно уральскому журналисту в конце 1977 года. Умберто Нобиле вскоре скончался.

Да, прославленный воздухоплаватель и дирижаблестроитель еще в 1926 году вместе с Р. Амундсеном совершил воздушное путешествие через Северный полюс на моторном аэростате «Норвегия». Два года спустя он руководил полярной экспедицией на дирижабле «Италия», потерпевшем крушение у Шпицбергена. Шесть человек из семи спасшихся снял тогда со льдов советский ледокол «Красин». Тогда же, преследуемый фашистским правительством Муссолини, У. Нобиле вынужден был покинуть Апеннинский полуостров. Он долгое время жил в Советском Союзе, члвалал на «Малыгине», работал конструктором и техническим консультантом в «Дирижаблестрое»...

Желание взять интервью у давнего друга нашей страны совпало, замечу, с сорокалетием освоения Арктики дрейфующими станциями, с невиданным победным походом современного атомного ледокола «Арктика» на Северный полюс, а также было вызвано 40-летием первого появления дирижабля над Свердловском. Но, увы, в первый раз нас с переводчицей Мариной Андреевой подстерегла неудача. Правда, мы сразу дозвонились по телефону 385376 до дома № 28 на улице Монте Зебю в Риме, где жил Умберто Нобиле, но его личный секретарь объяснила, что генерал неважно себя почувствовал: день прошел в приеме друзей, да и 92 года все же давали о себе знать. Мы договорились повторить вызов.

Спасибо телефонистке Свердловской междугородной станции Т. Федуловой. На следующий день, когда в «вечном городе», отдаленном от нас тысячами километров, прорбило восемь часов вечера, вновь налачился международный телефонный мост. На том конце провода взял трубку сам хозяин. Вести разговор помогала его супруга Гертруда.

Сначала я попросил генерала прокомментировать покорение северного купола земли советскими мореходами на ледоколе «Арктика». Умберто Нобиле сказал:

— Что ж, высокие широты и особенно Северный полюс были и всегда остаются труднодоступными, но одновременно и маниями человека. Продвигаться там вперед всегда мешали не только лютая стужа и огромные расстояния, но и сплошные льды. Потому в мое время хорошим средством их преодоления стали дирижабли. Сейчас, с рождением ваших атомных ледоколов, считаю, началась поистине новая эра географических открытий.

— Синьор Умберто, вы упомянули дирижабли. «СССР В-6», считавшийся у нас гигантом, в 1937-м прилетел в Свердловск. Передо мной его фотография, сделанная старейшим уральским фотографом Иваном Тюфяковым. Думаю, вам есть что сказать?

— Действительно, «СССР В-6» объемом 19 тысяч кубических метров, длиной 105 метров мне был особенно дорог, так как являлся плодом коллективных, в том числе и моих многотрудных двухлетних усилий. Сконструированный по образцу итальянских полужестких цеппелинов, он превосходил их по скорости, загрузке и, как скоро выяснилось, по продолжительности полетов. Короче, он побил все рекорды. Я сам участвовал в его испытаниях, внимательно следил за стартом и полетом в Свердловск. Откровенно говоря, очень тревожился, услышав о встреченном где-то над Красноуфимском циклоне и о временном, из-за сильного ветра, отклонении от курса. С того времени хорошо запомнил многие ваши названия: Урал, Уральские горы, Туринск... Именно туда планировалось прежде всего открыть регулярную пассажирскую линию на дирижабле. Очень жаль, что судьба героического экипажа во главе с командиром Паньковым и моего любимого детища сложилась столь трагично: воздухоплаватели погибли, брезавшись по ходу слепого полета в гору на Кольском перешейке. Они выполняли почетную миссию, участвуя в спасении папанинцев.

— По сообщениям печати, вы постоянно занимаетесь писательским трудом.

— Пишу сейчас по просьбе издательств и газет не только мемуары, но и статьи. Так, в московском «Прогрессе» увидела свет моя книга под заглавием «Красная палатка. Воспоминание о снеге и огне». Веду обширную переписку. И вам пришлось на память о нашем необычном разговоре, — кто бы мог подумать, что мне позволят с Урала! — свою фотографию времен незабываемой молодости.

На прощанье я попросил Умберто Нобиле сказать несколько слов в адрес уральцев, многие из которых знают о нем, являются сторонниками возрождения дирижаблестроения.

Генерал сказал:

— Мне очень приятно, что у вас помнят вечного странника и дирижаблестроителя. Я желаю всем вам счастья и трудовых достижений. Меня всегда привлекал и волновал грандиозный переворот, совершенный Октябрьской революцией не только в жизни, науке, технике — отсюда тот же «Дирижаблестрой», — но и в сознании народных масс. Советским людям поистине до всего есть дело!

С присланного в Свердловск портрета, имеющего дарственную надпись, Умберто Нобиле смотрит на нас пытливыми молодыми глазами. Он словно хочет увидеть само будущее...

В. ЗАЙЦЕВ

КОМСОМОЛЬСК-ВЫСОТНЫЙ

Комсомольск-на-Амуре пошел в рост. На крутом берегу реки — там, где полвека назад пароход «Колумб» высаживал юных строителей города, поднялся первый 14-этажный жилой дом. Положено начало Прибрежному микрорайону. Здесь вскоре появятся и 24-этажные здания. Бурный рост города прямо связан с вводом в постоянную эксплуатацию восточного участка БАМа. Вот она — эстафета ударных строек советской молодежи!

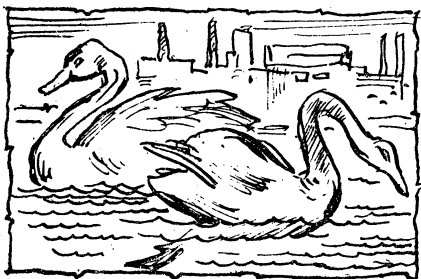
Д. АЛЕКСАНДРОВ

ЛЕБЕДИНЫЕ ОЗЕРА

«Внимание — лебеди!» — щиты с такой надписью появились в молодом промышленном городе Литвы Алитусе. Несмотря на соседство с крупными предприятиями и шумной автострадой, эти птицы облюбовали искусственное водохранилище.

Недалеко от Алитуса находится заповедное литовское лебединое озеро Жувинтас. Обилие планктона привлекает сюда птицу. Лебеди не покидают родных мест в течение всего года. Отсюда переселяют молодых в другие водоемы, в том числе и в Алитусский. Активисты общества охраны природы и школьники взяли под опеку лебедей: устроили островки на якорях, где птицы гнездятся и кормятся.

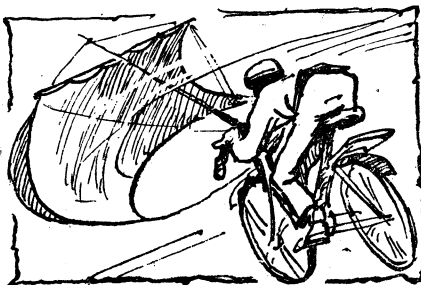
Д. ЭЙДЕЛЬМАН

ВЕЛОСИПЕД ПОД ПАРУСОМ

Поистине безграничны возможности усовершенствований обыкновенного двухколесного велосипеда. В этом отношении интересно изобретение Иохима Берейтера.

Житель города Гамбурга И. Берейтер изобрел велосипед с парусом. Перед рулем велосипеда он установил большой зонт. Достаточно самого слабого ветра, чтобы велосипед начал двигаться. Специальное приспособление помогает использовать при движении боковой ветер. И. Берейтер запатентовал свое изобретение.

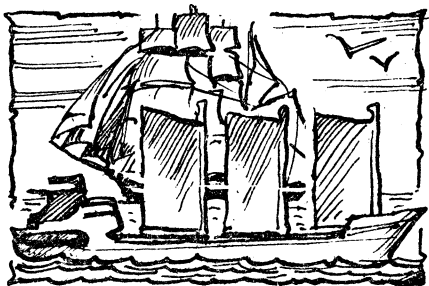
КТО ИЗОБРЕЛ ОЧКИ

До сих пор считалось, что очки изобрели в Италии примерно в XIII веке писцы-монахи, которые занимались перепиской церковных книг. Однако фрески, обнаруженные на стенах церкви в местности Сконе (Швеция), являют доказательством, что шведские изобретатели опередили итальянцев на целое столетие. На шведской фреске XII века святой Матфей изображен с очками на носу.

ВЕТРОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

Четыре тысячи квадратных метров — такова площадь паруса, который скроили и сшили мастера из Кронштадта для барка «Седов». Им можно укрыть пятиэтажный дом.

Под парусами, сделанными из материи, ходит и ряд других судов. Но на смену им придут более современные ветровые двигатели. Уже разработан проект крупнотоннажного океанского сухогруза с парусами из легких металлических сплавов.

САМООБОРОНА КЛЕНОВ

По мнению ряда специалистов, некоторые деревья способны проявлять защитную реакцию при нападении насекомых. Установлено, в частности, что отдельные виды кле-

на способны менять химический состав листьев, чтобы отпугивать вредителей. Это свойство подтверждено многочисленными наблюдениями. Было отмечено: деревья особенно чувствительны при нападении на их крону, при этом изменения происходят одинаково на всех ветвях. В случае опасности в листьях уменьшается содержание питательных веществ, а иногда увеличивается концентрация веществ, опасных для насекомых.

Предполагают, что информация об опасности передается по дереву в виде каких-то сигналов на молекулярном уровне. Концентрация отпугивающих веществ может меняться ежедневно. Известно, что у многих насекомых под воздействием дубильных веществ нарушается пищеварение. И вот когда клены подвергаются нашествию вредителей, содержание дубильных веществ в их листьях повышается в три раза. Одновременно уменьшается содержание азота в листьях и побегах (или, скажем, кальция), что делает их некусыми для вредителей, и те отправляются в поисках вкусной пищи в другие места.

Кажется фантастичным? Но вспомните хитрый механизм лова насекомых растением или хотя бы о реакции листочков стыдливой мимозы, которые тут же складываются при прикосновении к ним. Не так прост растительный мир, как нам это порой кажется.

Р. ВИКТОРОВ

КОЕ-ЧТО О ХРУСТАЛЕ

Слово «кристалл» происходит от древнегреческого «кристаллос», что значит лед. Но жители античной Эллады называли так и прозрачный кварц, то есть горный хрусталь, считая его льдом, окаменевшим под действием постоянного холода в течение длительного времени. Точно такой же точки зрения о природе кварца придерживались римляне и арабы. Известный древнеримский ученый Плиний-старший писал, что хрусталь рождается из небесной влаги и обильного снега.

Когда в раннем средневековье алхимики безуспешно пытались растопить кварц и другие кристаллы солнечными лучами, они усомнились в таком толковании происхождения горного хрусталя. Алхимики сомневались, а в ученых кругах их высмеивали — невежды, мол, опровергают постулаты корифеев античного мира. Но на этот раз правы были все-таки алхимики.

Только в конце XVII столетия конец спорам о происхождении горного хрусталя положил знаменитый английский химик Роберт Бойль. Он измерил удельный вес льда и квар-

ца и доказал несостоятельность их отождествления. Он назвал горный хрусталь «кристаллическим минералом». Что же касается плавки горного хрустала, то, как выяснилось много позже, точка его плавления равна 2000°.

В. РОЦАХОВСКИЙ

СЪЕДОБНЫЕ СКАМЬИ

Даже в наше время происходят кораблекрушения. Пока спасательные команды придут на место, откуда посланы сигналы SOS, пострадавшие должны питаться, а провизии нет... Инженеры предложили в связи с этим оригинальное решение проблемы: по их мнению, лучше будет, если скамьи, аптечки и другие предметы на судах и на шлюпках станут изготавливать из... кукурузной муки, молочного порошка, молотого риса и сушеных бананов.

СИЦИЛИЯ... УПЛЫВАЕТ

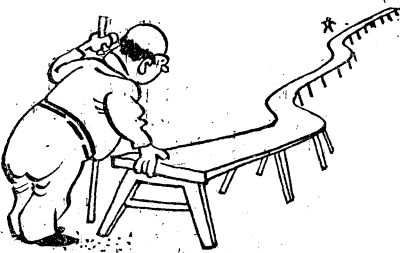
Сицилия медленно удаляется от Апеннинского полуострова в северо-западном направлении. Стало быть, расширяется и Мессинский пролив. К такому выводу пришли исследователи, изучающие дно пролива с помощью точной аппаратуры. Установлено, что за последние четыре года Сицилия удалилась от материка на несколько сантиметров.

РЕКОРДЫ ГЛУПОСТИ

О каких только рекордах не приносит сообщения мировая пресса! Часто это новые спортивные достижения и достижения в области техники и производства. А иногда рекорды носят курьезный и порой прямо-таки анекдотичный характер. Портниха Лотта Мейсель из г. Грац (Австрия) поставила необычный рекорд: женское платье фасона кимоно она сшила за 2 минуты и 31 секунду. Недаром земляки зовут ее «быстрая Лотта».

Группа жителей японского города Обихара решила тоже установить предметный рекорд — соорудить самую длинную в мире скамейку. Сказано — сделано: 50 дней было потрачено на то, чтобы появилась скамейка в 400 метров длины. Потом проверили: на эту скамейку могут одновременно усесться 1282 человека!

Если эти рекорды имеют какой-то практический смысл, то что можно сказать о «рекорде» датчанина Магнуса Энсена? Когда он закончил свое выступление перед слушателями, ему

было не до смеха, хотя он и рассказывал смешные истории. Он ставил мировой рекорд: за 25 часов 5 минут рассказал (с выражением и мимикой) 4000 анекдотов. В аудитории, конечно, состав слушателей все время менялся — там же не было «рекордсменов», которые смогли бы усидеть в зале более суток.

С СОЛНЦЕМ ЧЕРЕЗ АВСТРАЛИЮ

Мы рассказывали коротко на страницах рубрики «Мир на ладони» о необычном автопутешествии, состоявшемся в Австралии. Вот некоторые подробности его. Хотя Тольstrup и Перкинс, которые на своем автомобиле с солнечными батареями решили проехать через весь зеленый континент от Перта до Сиднея, назвали его «Тихий победитель» (имея в виду то, что на машине нет обычного бензинового мотора), им пришлось все двадцать дней путешествия (длина трассы составила 4130 километров) слушать оглушительный вой электродвигателя и дребезжание цепной передачи. Из-за этого оказалась невозможной радиосвязь с машинами сопровождения.

«Тихий победитель» — а он-таки стал победителем! — весит всего 125 килограммов. Средняя скорость передвижения была 24 километра в час. Электромобиль преодолел все перевалы (в том числе самый трудный в Австралии — перевал Виктории), вниз со склонов мчался со скоростью 65 километров. В один из дней Тольstrup и Перкинс проехали 307 километров.

Временами в кабине температура повышалась до 50 градусов. Вечерами экипажу приходилось снимать плоскую крышу с солнечными панелями и устанавливать ее перпендикулярно лучам заходящего солнца, чтобы подзарядить батареи.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунки
Л. Черных

ЗОЛОТАЯ ГРАВЮРА

В НОМЕРЕ:

П. КОДОЧИГОВ	2	Второй вариант. Повесть
	24	Следопытский телеграф
	26	Как на празднике ярком живу!.. Стихи
Ю. АЛАН	28	Дорога на пьедестал
Е. ДОРОШЕНКО	29	«Король эксперимента» на Южном Урале
В. ПОПОВ	30	Печать адского труда
В. КРИНИЦИН	32	Тагильская Лениниана
Ю. ЛИПАТНИКОВ	33	Потешный плотник
Е. КОЛЕЗЕВ	37	Старинной музыки концерт
М. САЛИХОВ	39	Литературная карта Башкирии
С. ДРУГАЛЬ	40	Дела земные, дела небесные. Рассказы
	55	Мой друг фантастика. Калейдоскоп
М. ВЕРНИКОВСКАЯ	58	Первопроходец
Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ	62	Картофель, картошка, бульба
Н. ЛУКИНА	64	Горы и лыжи
В. БИРЮКОВ	66	«...Под ногами лежит богатство»
В. КЛОЧКОВ	67	В. И. Мухина на Урале
В. ПОНОМАРЕВ	68	Сон семинариста
Б. ЗЕЛИЧЕНКО	68	В домике няни
Н. КУЗМИНСКИЙ	69	Донесение губернатору
В. БЕРДИНСКИХ	69	Ермил Костров
А. КОРОВИН	71	Пролетарская писательница
М. МЕЗЕНИНА	72	Новеллы
А. ОМЕЛЬЧУК	74	Рай-Из на семи ветрах
	76	Мир на ладони

Рисунок на 1-й стр. обложки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Редакция:

- Ю. Борисихин**, заведующий отделом публицистики
В. Бугров, редактор отдела научной фантастики
Л. Будрина, технический редактор
М. Бурангулова, корректор
Л. Гончарова, секретарь-машинистка
А. Кононова, заведующая редакцией и отделом писем
Ю. Липатников, заведующий отделом науки и техники
Е. Пинаев, художественный редактор
Н. Широкова, редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8

Телефоны:

51-22-40 (секретариат),
 51-55-56 (отделы писем, публицистики, науки и техники),
 51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики),
 51-53-20 (отделы краеведения, следопытской жизни)

«Уральский следопыт», 1984 г.
 Рукописи не возвращаются. Сдано в набор 30.12.83. НС 12055.
 Подписано к печати 16.02.84. Формат бумаги 84×108^{1/16}.
 Бумага типографская № 3.
 Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.
 Усл. кр.-отт. 10,50. Учетно-издательских листов 10,6.
 Тираж 307 000. Заказ 532. Цена 40 коп.
 Типография издательства «Уральский рабочий»
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

Эта шашка хранится в Челябинском краеведческом музее... Хранится не потому, что она грозно и победно сверкала в руке знаменитого героя гражданской. Такой боевой легенды у шашки нет, впрочем вполне возможно, что пока она не известна. Музейный экспонат рассказывает о трудовой славе златоустовских мастеров, создавших особенного стиля гравировку на стали.

Два века назад в горном уральском городе Златоусте основной техникой украшения холодного оружия становилась насечка золотой и серебряной нитью по таушированному фону, то есть по сетке перекрещивающихся линий. Златоустовская гравюра столь органично оплетала формы украшаемых предметов, что вскоре пленила всех знатоков и ценителей оружия. С 1811 года Златоустовский завод перешел в собственность казны и стал центром изготовления холодного оружия России. Здесь были выкованы и первые булатные клинки.

Разошлись по всему свету творения златоустовцев. Их можно встретить в самых разных музеях. Например, в Новочеркасском музее донского казачества собраны сабли героя Отечественной войны 1812 года атамана Платова. Одна из них сделана в Златоусте мастером Петром Тележниковым. Слева и справа на клинок золотом нанесен чудесный орнамент.

Кроме Петра Тележникова известны и другие художники-граверы. И, быть может, более всех прославлен вдохновенный Иван Бушуев.

В советское время тематика гравюр на стали расширилась. С шашек, сабель и ножей гравюра «перекинулась» на предметы бытового назначения и, значит, стала доступнее...

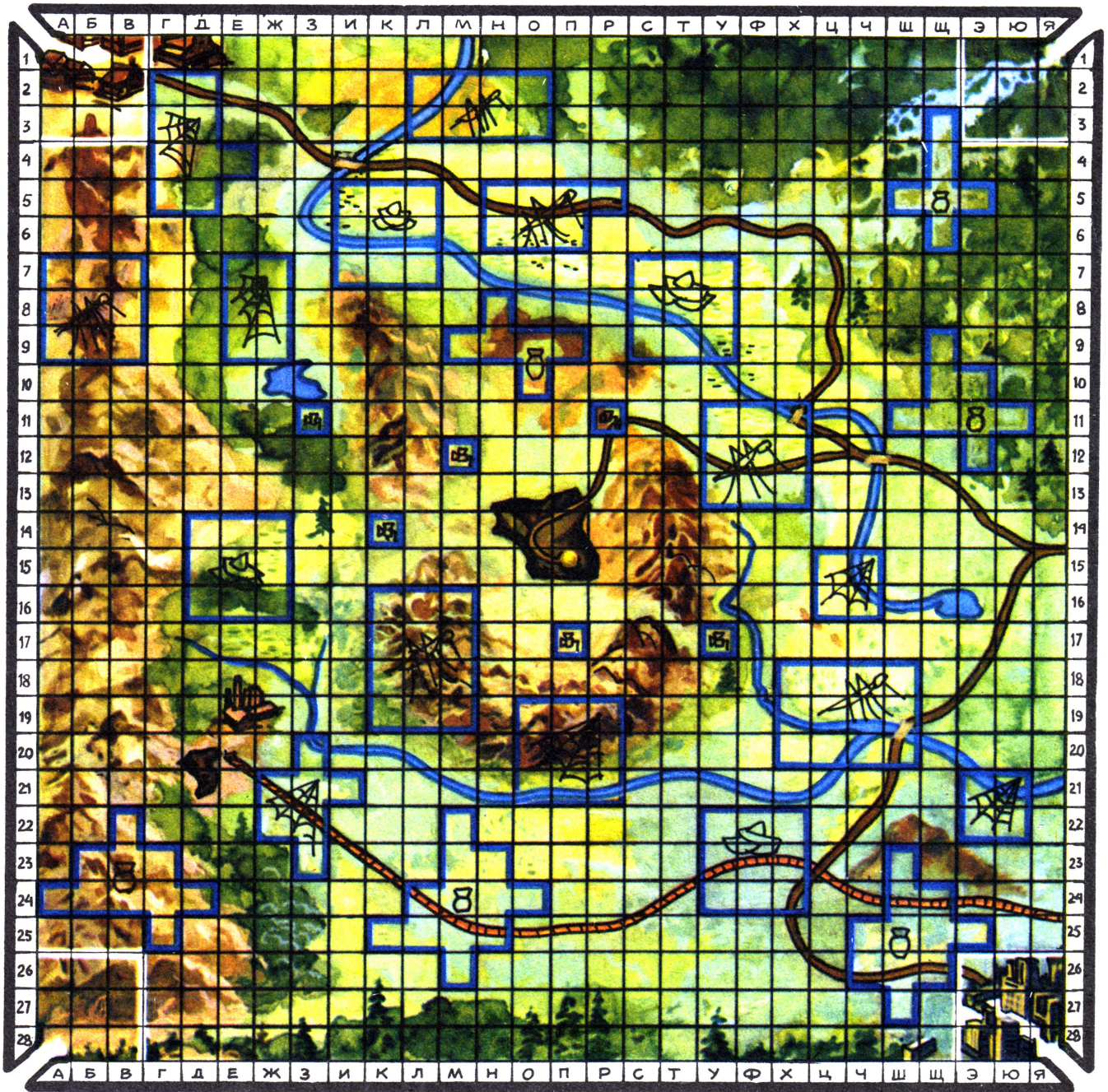
Идут и идут потомки уральских мастеров мимо музейной изукрашенной шашки, и она зажигает их взоры... Оружие, к которому прикоснулись руки старых граверов, всегда будет противостоят дурновкусию, утверждая подлинное искусство, красоту.

Снимки на 4-й стр. обложки
 Александра Лысякова

«СТАЛКЕР»

Игра свердловского КЛФ «Радиант»

См. стр. 55-56

— «паутина»

— «ведьмин студень»

— «мясорубка»

— «чертова капуста»

— «комаринная плешь»

— «золотой шар»

ЗОЛОТАЯ ГРАВЮРА

Читайте 80-ю страницу

